ГИБЕЛЬ
АННЫ ГОЛЬМАНЪ"

РОМАНЪ

THE LIBRARY
OF
THE UNIVERSITY
OF CALIFORNIA
LOS ANGELES

6738

75

Уб. тельная просьба книгу
при чтеніи неперегибать
и листовъ не загибать

БИБЛІОТЕКА
П.С.КУЗНЕЦОВЪ
НОВИНОКЪ

Bibliotheca Sancti Sergii
БИБЛІОТЕКА
П.С.КУЗНЕЦОВЪ
НОВИНОКЪ

ГУСТАВЪ ФРЕНСЕНЪ.

85

В /20в/ П

6738

MAY 16 1931

ГИБЕЛЬ „АННЫ ГОЛЬМАНЪ“.

Убѣдительная просьба книгу при чтеніи неперегибать и листовъ не загибать.

РОМАНЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго А. С. ПОЛОЦКОЙ.

PUBLIC LIBRARY
BIBLIOTHÈQUE PUBLIQUE
81 ROUTE PAUL HENRY
MONTREAL
Н. П. ОСИПОВЪ
№ 566

Безплатное приложеніе къ „Новому Журналу для Всѣхъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

С.-Петербургъ.
Типографія Т-ва „Нашъ Вѣкъ"
Малая Подьяческая с. д. № 12

РТ
2611
F88U6

I.

Четыре или пять десятилѣтій тому назадъ молодой Бланкенезскій морякъ изъ стараго рода Гульдтовъ женился не на дочери лоцмана, какъ полагается, выбранной для него его тетками, но на какой-то хмурой смуглянкѣ, выросшей на Эцерскомъ болотѣ и какимъ-то образомъ въ одинъ воскресный вечеръ попавшей на танцовальную вечеринку въ Бланкенезе (прибрежный поселокъ подъ Гамбургомъ).

Его родные были очень недовольны и дали это почувствовать молодому человѣку въ первый же день. Но когда на второй день старая тетка язвительно спросила, сколько тысячъ торфяныхъ кирпичей принесла ему въ приданое молодая, онъ вышвырнулъ старуху изъ дома. Больше его родственникамъ не пришлось допекать его, какъ имъ ни хотѣлось этого (ради этого они готовы были даже молиться о продленіи ему долгой жизни): на третій день онъ уѣхалъ на «Аннѣ Гольманъ» въ Сенегамбію, во время плаванія заболѣлъ лихорадкой и умеръ. Его вдова, мало общительная по натурѣ и вслѣдствіе проведенной въ болотахъ молодости привыкшая къ одиночеству, къ тому же еще убитая ранней смертью мужа, совершенно отдалилась отъ его родныхъ. Она называла ихъ коротко и презри-

797472

тельно «сволочь» и со свойственной ей рѣзкостью запретила своему маленькому сыну, котораго всегда называла его полнымъ именемъ «Янъ Гульдтъ», всякое общеніе съ ними.

Она жила скромно, даже бѣдно, въ одномъ изъ низкихъ, крытыхъ соломой, прибрежныхъ домиковъ, которыхъ тогда было здѣсь еще много, въ заднемъ помѣщеніи, состоявшемъ только изъ комнаты и кухни. Она зарабатывала свой хлѣбъ тѣмъ, что съ утра до вечера стирала на моряковъ и штопала ихъ бѣлье и платье. Ей приходилось разсчитывать каждый грошъ, и не разъ она изъ-за гроша вступала въ жаркій ожесточенный споръ. Всей своей жизнью она давала юной душѣ своего сына примѣръ вѣрности и тихаго и упорнаго исполненія долга.

Она говорила немного, и это немногое произносила недружелюбнымъ тономъ, при чемъ свои слова сопровождала такимъ жестомъ, какъ будто отталкивала отъ себя что-то непріятное. Но тѣмъ немногимъ, что она говорила, она дала первое направленіе его уму. Въ своемъ ожесточеніи она не могла говорить ни о чемъ, кромѣ смерти своего мужа; она горько жаловалась на то, что гольманы, владѣльцы «Анны Гольманъ», морили людей на своихъ судахъ голодомъ и держали ихъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ; такимъ образомъ они были виноваты въ смерти ея мужа. Она разсказывала сыну также, что и его дѣдъ погибъ на службѣ у Гольмановъ. Онъ когда-то отправился на одномъ изъ ихъ судовъ въ Бразилію, вѣроятно, для какого-нибудь дурного, во всякомъ случаѣ противозаконнаго

предпріятія, и не вернулся. Объ этихъ двухъ событіяхъ она говорила вѣчно своимъ ворчливымъ тономъ, точно разговаривая сама съ собою. Наговорившись досыта, она снова погружалась въ свое обычное молчаніе и долго неподвижно сидѣла надъ грубыми сѣрыми шерстяными чулками и толстыми исландскими куртками своихъ заказчиковъ, а потомъ заключала разсказъ своимъ окончательнымъ сужденіемъ о Гольманахъ: «Они хотѣли этого, хотѣли, Янъ Гульдтъ! Это — убійцы!» Мальчикъ, сидя напротивъ нея, слушалъ ея слова, какъ бы часто она ни повторяла ихъ, всегда съ одинаковой жадностью — онъ унаслѣдовалъ отъ нея ея способность помнить обиду — и впитывалъ ихъ въ себя.

По мѣрѣ того, какъ онъ подросталъ, его мать, подъ вліяніемъ своей одинокой жизни и горькихъ мыслей, становилась все болѣе угрюмой и неразговорчивой. Вскорѣ она совершенно перестала разговаривать съ людьми, такъ какъ никому не довѣряла. Теперь ее можно было вывести изъ молчанія только разсказомъ о какомъ-нибудь несчастьѣ на морѣ. Послѣ такого разсказа, услышаннаго ею отъ какого-нибудь изъ ея заказчиковъ, она усаживалась у очага, возлѣ огня, на которомъ варила себѣ жидкій кофе, и, окруживъ себя грудой грубыхъ, сѣрыхъ чулокъ, рубахъ и исландскихъ куртокъ, разсказывала своему мальчику объ его отцѣ, которому пришлось погибнуть такимъ молодымъ, и о его дѣдѣ, который, можетъ быть, сидитъ еще гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ въ Бразиліи за то, что долженъ былъ по порученію Гольмановъ —

конечно, помимо своей воли и вѣдома—сдѣлать что-то дурное.

— А сколькихъ моряковъ еще отправили Гольманы съ тѣхъ поръ на тотъ свѣтъ! Вотъ какіе люди, эти Гольманы! И это продолжается уже сто или двѣсти лѣтъ! — Такъ говорила она. И, помолчавъ немного, она еще разъ поднимала голову и спрашивала:

— Правда, Янъ Гульдтъ? Правда?

Онъ сидѣлъ по другую сторону огня и кипѣлъ яростью на Гольмановъ за смерть своего отца и дѣда и всѣхъ остальныхъ. Онъ смотрѣлъ на мать своими близко поставленными глазами, его смѣлое лицо было полно жизни и гнѣва, и онъ говорилъ:

— Если Гольманы будутъ еще живы, когда я выросту, ты увидишь, мать: я скажу имъ, что надо!

II.

Въ такой обстановкѣ, въ такихъ одностороннихъ бесѣдахъ прошло его дѣтство. Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ и онъ сталъ уже подумывать о плаваніи, однажды утромъ онъ нашелъ на берегу небольшую невзрачную шлюпку, съ кормой, пробитой пароходнымъ винтомъ. Онъ очень обрадовался, подбѣжалъ къ группѣ гамбургскихъ экскурсантовъ, совершавшихъ свою прогулку съ пѣніемъ, въ бѣлыхъ курткахъ (было воскресенье), и сталъ торопливо просить ихъ помочь ему спрятать шлюпку, прежде чѣмъ придутъ старые рыбаки, которые обыкновенно всѣ такія находки забирали себѣ. Экскурсан-

тамъ изъ гимнастическаго кружка понравился мальчикъ съ горящими глазами; къ тому же они были очень довольны случаемъ показать свою силу и ловкость. Четверо изъ нихъ сейчасъ побѣжали къ водѣ, вытащили шлюпку, протащили ее по песку, подняли на плечи и снесли въ его садъ. Затѣмъ они съ веселымъ пѣніемъ пошли дальше.

Шлюпка лежала въ укромномъ садикѣ между кривыми невысокими сливами, и при каждомъ легкомъ порывѣ вѣтерка, проносившагося надъ деревьями, по ней шаловливо, точно играя, скользили солнечныя пятна. Мальчикъ стоялъ передъ ней и все больше сомнѣвался, что ему удастся привести ее въ порядокъ. Чтобы разомъ положить этому конецъ, онъ сказалъ самому себѣ:

— Хочу я этого или не хочу?

Мать выглянула изъ кухни; онъ сказалъ ей:

— Я рѣшилъ, мама: я не буду ѣсть, пока у моей лодки не будетъ новой кормы. До тѣхъ поръ не говори мнѣ о ѣдѣ и питьѣ.

Онъ началъ съ того, что аккуратно отпилилъ расщепленные концы досокъ. Затѣмъ на днищѣ старой дубовой бочки, которое онъ давно хранилъ у себя, онъ нарисовалъ очертанія новой кормы; затѣмъ онъ выпилилъ ее по этому рисунку, что стоило ему очень много труда; затѣмъ онъ еще обровнялъ ее кухоннымъ ножемъ, который ему пришлось оттачивать нѣсколько разъ. Онъ работалъ такъ упорно, что при каждомъ вѣтеркѣ, проносившемся надъ сливами и гнавшемъ взадъ и впе-

редъ солнечныя пятна, на лбу у него подъ рыжеватыми волосами блестѣли капли пота.

Когда его мать, отъ времени до времени выглядывавшая изъ маленькаго тусклаго кухоннаго окошечка, увидѣла, что работа затягивается и кончится не раньше слѣдующаго дня, она встревожилась. Но такъ какъ она знала его и знала, что онъ истинный сынъ ея, она встала до разсвѣта, отрѣзала большой ломоть хлѣба, завернула его въ бумагу и положила подъ старый кустъ крыжовника, такъ какъ будто его бросилъ туда какой-нибудь проходившій мимо матросъ. Онъ увидѣлъ свертокъ, почувствовалъ запахъ хлѣба и сейчасъ же понялъ — такъ какъ былъ сыномъ своей матери,—какъ попалъ сюда хлѣбъ; но онъ сдержался и терпѣлъ до полудня, когда лодка была совсѣмъ готова.

На слѣдующій день онъ опять взялся за работу, придѣлалъ къ лодкѣ мачту и руль и изъ пожелтѣвшей заплатанной простыни, которую безшабашный матросъ рыбачьей шхуны оставилъ у его матери и на которую, повидимому, махнулъ рукой, а можетъ быть, и просто забылъ, сдѣлалъ недурной парусъ: привелъ онъ въ порядокъ и все остальное. Въ тотъ же вечеръ онъ позвалъ своихъ товарищей, чтобы они помогли ему стащить къ водѣ его лодку, которая будто бы лежала еще со временъ его отца въ курятникѣ и которую онъ теперь починилъ.

Они пришли, обступили лодку и принялись громко обсуждать ея достоинства. Они долго и горячо спорили объ ея конопаткѣ, устойчивости и тому подобныхъ вещахъ. Затѣмъ

они вдругъ сообразили, что все это сейчасъ будетъ видно, разомъ смолкли, подняли лодку и понесли ее къ берегу.

Должно же было случиться, что маленькій кортежъ попался на глаза жившему по сосѣдству болѣе взрослому мальчику, который увидѣлъ его изъ окна дома своихъ родителей. Онъ только что вернулся изъ своей первой поѣздки въ тропики, гдѣ схватилъ малярію; теперь онъ сидѣлъ въ домѣ своей матери, скучалъ и съ враждой слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ, въ особенности за Яномъ Гульдтомъ, который былъ такъ полонъ жизни: самъ онъ и до маляріи по своей натурѣ былъ брюзгой и ненавидѣлъ все, въ чемъ кипѣла жизнь. Онъ сейчасъ же увидѣлъ странно обрубленную и неуклюжую форму шлюпки, выскочилъ изъ дома, засунулъ обѣ желтыя, худыя руки въ свои рѣдкіе, бѣлесоватые, торчащіе, какъ солома, волосы и, осклабившись всѣмъ своимъ вялымъ, круглымъ лицомъ, закричалъ во все горло.

— Галло! Спускъ корабля! Идите всѣ сюда. Янъ Гульдтъ спускаетъ въ воду корабль!

Это услышали нѣкоторые старые рыбаки, а также нѣкоторыя дѣти; они подумали:

— Что это съ Паулемъ Гриномъ? Съ чего это вдругъ разорался этотъ тихоня?

Они высыпали изо всѣхъ угловъ и присоединились къ шествію. Старики говорили:

— Чертова перечница! Отрубилъ у шлюпки корму и приставилъ новую.

Дѣти смѣялись; они были на сторонѣ Яна Гульдта, котораго они любили, какъ любятъ дѣти огонь, и хвастливо говорили:

— Янъ Гульдтъ можетъ все, что захочетъ! Онъ вамъ выдолбитъ плюшку и изъ нея сдѣлаетъ лодку.

Пауль Гринъ осклабился всѣмъ своимъ желтымъ, вялымъ лицомъ и закричалъ еще громче.

— Смотрите на шлюпку Яна Гульдта! Нѣтъ... на булку Яна Гульдта!

Мало-по-малу собралось порядочно народу. Всѣ тѣснились и кричали, и такъ какъ желтый брюзга толкнулъ мальчиковъ, несшихъ лодку, то она при спускѣ въ воду сильно ударилась о камни. Янъ Гульдтъ прыгнулъ въ нее.

Его лучшій другъ Карлъ Крегеръ, простая, честная душа, захотѣлъ показать ему, что готовъ перенести съ нимъ все, и теперь, какъ и всегда, стоитъ на его сторонѣ. Онъ прыгнулъ вслѣдъ за нимъ въ лодку, спокойно какъ старый боцманъ, сказалъ: «Нечего гоготать! Руки прочь!»—и оттолкнулся отъ берега.

Шлюпка стояла на водѣ какъ-то странно, какъ будто она была смущена и не рѣшалась растянуться во всю длину: впереди она высоко торчала изъ воды, а сзади сидѣла глубоко, къ тому же отъ удара въ ней образовалась пробоина, сквозь которую вливалась тоненькая струйка воды.

Карлъ Крегеръ озабоченно сказалъ, что, по его мнѣнію, имъ лучше держаться берега. Но у Яна Гульдта, управлявшаго рулемъ и шкотомъ, были мрачные глаза; онъ не слушая, направилъ шлюпку прямо къ песчаному островку. Такъ какъ вѣтеръ былъ благо-

пріятный, они быстро подплыли къ отмели; когда они пристали, шлюпка была уже наполовину полна водой.

Янъ Гульдтъ вышелъ изъ нея и пошелъ впередъ; пройдя нѣсколько шаговъ по песку, онъ обернулся, посмотрѣлъ на Бланкенезе съ такимъ лицомъ, какъ будто хотѣлъ съѣсть родную деревню, и долго стоялъ такъ, не двигаясь. Карлъ Крегеръ вылилъ воду изъ шлюпки, разорвалъ на клочки свой большой красный носовой платокъ и хорошенько заткнулъ дыру. Приведя такимъ образомъ лодку въ порядокъ, онъ позвалъ Яна Гульдта. Но тотъ былъ поглощенъ своимъ гнѣвомъ; онъ покачалъ головой и засмѣялся, точно не понимая:

— Назадъ къ этимъ людямъ? О, нѣтъ! Никогда! Лучше умереть съ голоду здѣсь на пескѣ, чѣмъ жить вмѣстѣ съ этой сволочью.

И точно только теперь, при этихъ словахъ почувствовавъ всю горечь происшедшаго, онъ повернулся и пошелъ къ кустамъ, въ концѣ острова.

Его другъ вернулся одинъ въ Бланкенезе, гдѣ его встрѣтили смѣхомъ и возгласами удивленія. Затѣмъ толпа разошлась, смѣясь и успокаивая себя тѣмъ, что ужъ кто-нибудь да найдется, кто поѣдетъ за Яномъ и привезетъ его домой. И скоро всѣ забыли и думать о Янѣ Гульдтѣ.

Одинъ только Карлъ Крегеръ очень безпокоился о немъ. Однако, весь слѣдующій день онъ не могъ ничего для него сдѣлать, такъ какъ долженъ былъ помогать своей матери.

тоже вдовѣ моряка. Вѣтеръ сорвалъ въ одномъ мѣстѣ солому съ ихъ крыши, и имъ пришлось ее починять. Они сидѣли оба на крышѣ и зашивали ее, онъ снаружи, она изнутри. Онъ въ своемъ безпокойствѣ не переставалъ браниться, что она такъ медленно вдѣваетъ нитку въ иголку, которую онъ продѣвалъ насквозь, и каждую минуту говорилъ: «Мама, шей же!» Но она тщетно искала внутри въ темнотѣ игольнаго ушка; онъ поминутно оборачивался къ островку, какъ будто могъ увидѣть Яна Гульдта, и продѣвалъ иголку вкось. Изъ-подъ кровли глухо доносилось: «Гдѣ иголка? Иголка гдѣ?» Онъ сидѣлъ, насупившись, и не отвѣчалъ. Когда къ вечеру крыша была, наконецъ, исправлена, онъ поспѣшно отправился къ дому Яна Гульдта.

Онъ тихонько обошелъ его и заглянулъ черезъ окно въ комнату. Яна Гульдта не было видно. Онъ осторожно пріоткрылъ дверь и просунулъ въ нее голову. Христіана Гульдтъ сидѣла сбоку на каменномъ очагѣ; подлѣ нея на столѣ лежала груда чулокъ и рубахъ.

Онъ тихимъ, низкимъ голосомъ спросилъ ее, гдѣ ея сынъ.

Она, не поднимая глазъ, отвѣтила, какъ всегда, недружелюбнымъ огрызающимся тономъ:

— Что вамъ за дѣло до того, гдѣ Янъ Гульдтъ? А если-бы онъ даже умеръ?

— О, — съ спокойнымъ достоинствомъ сказалъ Карлъ, — я-то всегда былъ ему другомъ!

Она не подняла глазъ; но ея признаніе его дружбы выразилась въ томъ, что она еще разъ открыла ротъ и со своимъ суровымъ недовѣріемъ воскликнула:

— Они сломали его лодку! И они сдѣлали это нарочно! Всѣ они такіе же негодяи, какъ Гольманы.

Онъ убралъ свою голову и тихо закрылъ за собой дверь. Щеколда захлопнулась съ легкимъ, осторожнымъ стукомъ, и ему вдругъ ясно представилось, что въ эту дверь передъ нимъ точно такъ же, какъ онъ, такъ же осторожно и молча вошелъ Янъ Гульдтъ, и щеколда при этомъ точно такъ же тихо захлопнулась. Онъ остолбенѣлъ и подумалъ: «Что это значитъ? Вѣдь онъ на отмели?» Но въ слѣдующій моментъ ему вдругъ стало ясно, что Янъ Гульдтъ былъ здѣсь. Откуда иначе она могла знать, что его лодка сломана? Изъ своего дома она не могла этого видѣть, а сказать ей этого никто не могъ. Значитъ, онъ ночью приплылъ сюда и потомъ опять вернулся обратно! Ему казалось, что онъ видитъ бѣлокурую голову товарища, одиноко борющуюся во мракѣ съ волнами.

Онъ опять пошелъ домой; и такъ какъ въ свои четырнадцать лѣтъ онъ уже давно былъ въ домѣ господиномъ, то разсказалъ матери, какъ обстояло дѣло, и заявилъ:

— Эту ночь я не лягу спать, потому что хочу выслѣдить, не приплыветъ ли съ острова Янъ Гульдтъ.

Онъ цѣлый часъ стоялъ наверху, на стѣнѣ, въ тѣни молодыхъ липъ, смотрѣлъ вдоль свѣтлаго берега, въ глубокую ночь, въ ко-

торой лежали рядомъ и спали небо и рѣка, и размышлялъ. Онъ спокойно и благодушно представлялъ себѣ всѣ тѣ необыкновенныя вещи, которыя предстояло ему увидѣть и пережить, когда онъ уѣдетъ въ плаваніе; все то, что онъ увидитъ на далекихъ моряхъ, на водѣ, и на оживленныхъ берегахъ и на небесномъ сводѣ. Какъ разъ передъ нимъ на берегу лежала злополучная лодка, къ которой не осмѣлился прикоснуться еще ни одинъ человѣкъ. Такъ стоялъ онъ часъ или два. Никто не показывался, и онъ рѣшилъ, что можетъ такъ же хорошо караулить и сидя. Онъ сѣлъ на стѣну, прислонился головой къ липѣ и заснулъ.

Разбудилъ его холодный предразсвѣтный вѣтеръ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ въ полумракѣ внизу Яна Гульдта, возившагося у лодки. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ и при этомъ такъ горячо говорилъ что-то, что въ священной утренней тишинѣ его голосъ доносился до стѣны. Его мать, обыкновенно круглый годъ не выходившая изъ дома, стояла возлѣ него и помогала, какъ могла. Въ рукахъ у нея былъ большой камень для балласта, назначеніемъ котораго было заставить носъ лодки глубже погрузиться въ воду.

Карлъ Крегеръ соскользнулъ со стѣны, подошелъ къ нимъ и сталъ помогать имъ въ ихъ работѣ, думая при этомъ:

«Если я скажу хоть одно слово, особенно если заговорю о томъ, что надо помириться или оставить это дѣло или что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ сейчасъ-же опять бросится въ Эльбу».

И онъ молчалъ и работалъ. Когда они кончили, было совсѣмъ свѣтло. Мать ушла.

Они столкнули лодку въ воду и Янъ Гульдтъ вошелъ въ нее. Его другъ спросилъ, не присоединиться-ли и ему, но Янъ покачалъ головой. Тогда Карлъ Крегеръ далъ лодкѣ толчокъ, чтобы сдвинуть ее съ мѣста, и нѣсколько минутъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, радуясь, что она теперь сидитъ въ водѣ какъ слѣдуетъ: затѣмъ, не спѣша, пошелъ домой.

Онъ медленно, съ удовольствіемъ выпилъ свой утренній кофе, при чемъ прочелъ матери обстоятельную рѣчь о ветхомъ состояніи ихъ соломенной крыши, предложилъ покрыть заново всю западную сторону и высчиталъ, сколько это будетъ стоить. Затѣмъ, такъ какъ было воскресенье, онъ, по обычаю жителей Бланкенезе, отправился опять на берегъ, къ пристани.

Поглядѣвъ немного на людей и бросивъ холодный взглядъ на гамбургскихъ спортсмэновъ, уже подъѣзжавшихъ въ переполненныхъ лодкахъ къ берегу, онъ сталъ искать Яна Гульдта. Онъ сейчасъ-же увидѣлъ его: Янъ Гульдтъ лавировалъ на своей лодочкѣ подъ свѣжимъ вѣтромъ взадъ и впередъ у пристани, чтобы показать людямъ, какъ хорошо плаваетъ теперь его находка. Передъ нимъ и за нимъ, поодиночкѣ и группами, рѣзали воду большія и маленькія парусныя суда. Вдругъ среди нихъ появилась нарядная бѣлая яхта съ гордо красующимся на флагѣ гольмановскимъ пѣтухомъ, котораго въ гамбургской гавани называютъ ястребомъ.

Не разсчиталъ-ли Янъ Гульдтъ въ своемъ

увлеченіи разстоянія и скорости яхты, или внезапно вспыхнувшій гнѣвъ потянулъ его къ ястребу, или-же маленькій, стройный человѣкъ въ бѣломъ костюмѣ, стоявшій у руля, въ самомъ дѣлѣ намѣренно держалъ влѣво, чтобы напугать маленькую коричневую шлюпку—такъ или иначе, вдругъ Янъ Гульдтъ очутился передъ самымъ носомъ яхты, а минуту спустя на желтой заплатанной простынѣ въ водѣ, возлѣ крутого бѣлаго борта яхты; еще черезъ минуту матросъ въ шерстяной шапкѣ втащилъ его на палубу.

Онъ сталъ у мачты и, держась за нее рукой, дѣлалъ видъ, что смотритъ на свою лодку, которая медленно и уныло, съ парусомъ въ водѣ, плыла внизъ по теченію; его бѣшеный гнѣвъ и цѣлый рядъ другихъ чувствъ рвались наружу и только не знали, какъ имъ вылиться всѣмъ сразу. Человѣкъ въ бѣломъ коротко разсмѣялся; онъ спокойно направилъ яхту къ пристани, на которой толпился чуть-ли не весь Бланкенезе, задѣлъ ее спущенными парусами и крикнулъ Яну Гульдту, чтобы онъ поживѣй убирался.

Тогда Янъ Гульдтъ обратилъ къ нему свое разъяренное лицо съ сверкающими глазами и пронзительнымъ, срывающимся голосомъ закричалъ:

— Ты... Ты погубилъ моего отца и дѣда!!. Ты и меня хотѣлъ погубить? Мерзавецъ!

И указывая на него рукой, онъ крикнулъ:

— Вотъ Гольманъ, который топитъ своихъ людей... который... который...

Въ этотъ моментъ сквозь толпу поспѣшно пробился желтолицый Пауль Гринъ. Увидя

на яхтѣ Яна Гульдта, промокшаго насквозь, онъ понялъ, въ чемъ дѣло, хлопнулъ себя отъ радости по ляжкамъ и среди всеобщей тишины сталъ громко смѣяться и кричать. Тогда Янъ Гульдтъ спрыгнулъ съ яхты на пристань, пробѣжалъ сквозь разступившуюся толпу и сбѣжалъ на берегъ.

Гансъ Гольманъ съ неподвижнымъ лицомъ отдалъ необходимыя приказанія. Матросы отцѣпили крючья отъ пристани, и яхта съ пѣтухомъ на верхушкѣ мачты опять понеслась по водѣ.

На слѣдующее утро Карлъ Крегеръ нѣсколько часовъ слонялся вокругъ дома Яна Гульдта, но такъ и не увидѣлъ его. Поздно вечеромъ онъ рѣшился пріоткрыть дверь и просунуть въ нее голову. Мать сидѣла, какъ всегда, у очага и работала, окруженная сѣрой грудой шерстяныхъ вещей.

Когда онъ тихимъ торжественнымъ голосомъ, который долженъ былъ доказать его зрѣлое, обдуманное отношеніе, спросилъ, гдѣ Янъ Гульдтъ, она, сейчасъ-же вспыхнувъ, горько сказала:

— Янъ Гульдтъ? Янъ Гульдтъ?

И она натянула на пальцы грубую шерстяную куртку, ища поврежденныхъ мѣстъ.

— Вѣдь, вы хотите убить его! Вы и Гольманъ! Но можешь быть увѣренъ, что онъ вспомнитъ это Паулю Грину и Гольманамъ, когда выростетъ! А теперь убирайся!

Онъ тихо опять закрылъ дверь, медленно пошелъ къ берегу и увидѣлъ лодку, которую прибило сюда. Она стояла прямо, и онъ увидѣлъ, что Янъ Гульдтъ привязалъ къ мачтѣ

свой пестрый носовой платокъ, на которомъ были изображены три башни Гамбургскаго герба. Платокъ былъ привязанъ на половинѣ высоты мачты, какъ приспущенный флагъ въ знакъ траура. Онъ долго, задумавшись, смотрѣлъ на него и нашелъ справедливымъ, что Янъ Гульдтъ отчаялся во всемъ Бланкенезе и ушелъ въ Гамбургъ.

III.

Нѣсколько лѣтъ о немъ ничего не было слышно: знали только, что онъ пишетъ своей матери съ корабля, на которомъ плаваетъ и какъ-то разъ кто-то разсказалъ, что видѣлъ его поздно вечеромъ на шоссе между Бланкенезе и Гамбургомъ: онъ возвращался отъ матери, которую навѣстилъ ночью, на нѣсколько короткихъ часовъ; она провожала его. Въ Гамбургѣ онъ, очевидно, снова сѣлъ на корабль. Больше его никто не видѣлъ.

На четвертомъ году послѣ его ухода въ одинъ прекрасный день Карлъ Крегеръ въ Антверпенѣ былъ уволенъ съ судна, на которомъ служилъ, и сталъ искать новаго. Онъ нашелъ себѣ мѣсто на «Калліопѣ», четырехмачтовомъ баркасѣ, отправлявшемся, подъ управленіемъ капитана Боссельмана, съ грузомъ въ Сидней. Вечеромъ онъ, по обыкновенію, не торопясь, пришелъ на судно, положилъ свой мѣшокъ у двери кубрика и заглянулъ внутрь. Прямо передъ собой онъ увидѣлъ бѣлокурую голову и въ то-же время услышалъ звучный голосъ Яна Гульдта.

Тотъ сидѣлъ спиной къ двери и, вытянувъ палецъ, горячо говорилъ о чемъ-то съ другимъ матросомъ, неуклюжимъ, простымъ малымъ, по всей вѣроятности, мекленбуржцемъ. Онъ задавалъ ему вопросы; въ срединѣ каждаго вопроса онъ запинался, такъ какъ каждый разъ сначала вызывалъ въ своемъ воображеніи образъ своей собственной матери.

— Твоя мать... слѣдила за тѣмъ, чтобы у тебя все было всегда въ порядкѣ? Старалась она, чтобы ты никогда не падалъ, никогда не мерзъ, никогда не плакалъ? Оставляла она тебя когда-нибудь вечеромъ... или ночью одного, чтобы постоять съ сосѣдями на улицѣ или пойти въ гости? Никогда не бранила тебя? Словомъ, не обижала?

Послѣ каждаго вопроса мекленбуржецъ смотрѣлъ на пылкаго юношу, сдвинувъ брови, какъ-будто прицѣливался въ далекую цѣль. Его неповоротливому уму было нелегко понять такой вопросъ во всемъ его объемѣ, затѣмъ представить себѣ свою мать и затѣмъ дать правдивый отвѣтъ. Но послѣ маленькой робкой паузы онъ на каждый вопросъ энергично качалъ головой.

Когда допросъ былъ оконченъ, спрашивавшій положилъ на столъ обѣ руки, тряхнулъ рыжевато-бѣлокурой головой и сказалъ:

— Ну, ты, дѣйствительно, долженъ изъ каждаго порта писать ей! На свѣтѣ должна быть справедливость! Справедливость должна быть! Садись и пиши! Завтра уходимъ въ море, а Австралія—далеко.

Мекленбуржецъ передвинулся на край скамьи, гдѣ стоялъ его сундукъ, и сталъ

искать почтовую бумагу. Янъ Гульдтъ услышалъ, что кто-то произноситъ его имя.

Онъ круто обернулся, широко раскрывъ глаза, въ которыхъ пылали отвращеніе и гнѣвъ. Но увидѣвъ, кто его звалъ, онъ облегченно перевелъ дыханіе и неувѣренно сказалъ:

— Это ты! Я боялся...

— Чего ты боялся?—спросилъ Карлъ Крюгеръ.

— О...—сказалъ, и въ его глазахъ сверкнула ненависть.—Я не могу видѣть бланкенезцевъ! Поэтому я всегда ѣздилъ на англійскихъ судахъ... Но ты—другое дѣло.

— Мнѣ кажется, меня ты можешь видѣть,—сказалъ Карлъ Крегеръ, широко разставляя ноги и выпячивая грудь.

— Да,—сказалъ онъ,—тебя я могу!—и онъ подалъ другу руку и потрясъ ее. Я даже радъ, что вижу тебя.

На другой день они на разсвѣтѣ покинули Шельду и поплыли на югъ подъ хорошимъ нордъ-вестомъ, державшимся двѣ недѣли. Затѣмъ они попали въ сѣверо-восточный пассатъ, который какъ-будто ждалъ ихъ, и черезъ три недѣли послѣ отплытія находились уже на югѣ отъ мыса Доброй Надежды.

За мысомъ Доброй Надежды они три дня плыли подъ свѣжимъ вестомъ на всѣхъ парусахъ, съ такой быстротою, что обогнали большой пароходъ, державшій тотъ-же курсъ. Капитанъ Боссельманъ, которому не было еще и тридцати лѣтъ, и въ которомъ было еще много мальчишескаго, направилъ баркасъ прямо къ пароходу; они пошли рядомъ съ нимъ

и, протягивая ему конецъ, предлагали взять его на буксиръ и громко хохотали. На третью ночь вѣтеръ окрѣпъ и перешелъ въ штормъ. Они все-таки продолжали летѣть на всѣхъ парусахъ всю свѣтлую, звѣздную ночь; надъ ними неслись тяжелыя тучи. Подъ утро, въ сумракѣ разсвѣта, они увидѣли передъ собой шкуну, которая лежа на боку, съ разорванными парусами и сломаннымъ рулемъ, безвольно носилась по волнамъ. На гафелѣ висѣлъ норвежскій флагъ, завязанный узломъ—знакъ несчастья.

Капитанъ Боссельманъ велѣлъ подобрать нижній парусъ, подошелъ къ шкунѣ и легъ въ дрейфъ. Онъ позвалъ офицеровъ и сталъ совѣщаться съ ними, можно-ли рискнуть помочь. Вѣтеръ немного улегся, но море еще сильно волновалось. Матросы столпились вокругъ шлюпки и смотрѣли то на норвежскую шкуну, то на капитана Боссельмана.

Наконецъ, раздался его медленный, протяжный призывъ:

— Кто идетъ въ шлюпку?

Янъ Гульдтъ уже стоялъ въ шлюпкѣ, за нимъ прыгнулъ первый офицеръ, затѣмъ еще трое, среди нихъ Карлъ Крюгеръ. Минуту спустя шлюпка шлепала по водѣ.

Они налегли изо всѣхъ силъ на весла и благополучно отдѣлились отъ судна. Вѣтеръ и темно-синія скользящія волны, надъ которыми носилась и брызгала тонкая пѣна, быстро понесли ее впередъ. Лодка то взлетала на гребень волны, то низвергалась въ пучину. Первый офицеръ, держа руль обѣими руками, стоялъ, широко разставивъ ноги, на кормѣ и

управлялъ лодкой, зорко слѣдя за вѣтромъ и направленіемъ волнъ; матросы у его ногъ гребли съ такой силой, что весла изгибались. Скоро они очутились у кормы норвежскаго судна.

Шесть человѣкъ стояли у борта, держась за ванты, время отъ времени набѣгалъ валъ и забрасывалъ ихъ брызгами и пѣной. Между ними, поддерживаемый ими, стоялъ привязанный къ мачтѣ матросъ, по бѣлесоватымъ волосамъ и глазамъ котораго струилась кровь; каждая волна смывала ее, но она сейчасъ же появлялась снова. Капитанъ, сѣдовласый старикъ, стоялъ въ сторонѣ и печальными глазами смотрѣлъ на своихъ матросовъ и ихъ спасителей; рядомъ съ нимъ стоялъ пожилой, бородатый штурманъ.

Матросы требовали, чтобы ихъ капитанъ спустился въ лодку первый. Они кричали всѣ разомъ по-нѣмецки, по-англійски и по норвежски:

— Нашего отца сначала! Онъ лучше насъ! Онъ добръ и благочестивъ!

Но старикъ качалъ головой и отмахивался.

Тогда они, чтобы ободрить людей, захватили сначала петлей легкаго пригожаго юнгу. Онъ прыгнулъ за бортъ, какъ рыба. За нимъ прыгнули шестеро остальныхъ, одни ловко, другіе—неуклюже. Затѣмъ дошла очередь до раненаго, который упалъ въ воду, какъ тяжелый мѣшокъ; за нимъ послѣдовали штурманъ и послѣ всѣхъ капитанъ.

Они отправились въ обратный путь въ глубоко перегруженной шлюпкѣ, которую время отъ времени заливало водой. Первый офицеръ,

держа въ обѣихъ рукахъ руль, стоялъ и съ покрытымъ потомъ блѣднымъ лицомъ правилъ, приноравливаясь къ вѣтру и волнамъ. Остальные, молча, гребли, неподвижно глядя передъ собой; вода и потъ струились по ихъ лицамъ и стекали на плечи и ноги. У ихъ ногъ лежали спасенные. Старый капитанъ лежалъ наполовину въ водѣ, держа въ рукѣ корабельный журналъ и потрепанное Евангеліе. Передъ штурманомъ, положивъ окровавленную голову на его колѣни, безучастно лежалъ на спинѣ раненый матросъ.

Когда они были уже недалеко отъ «Калліопы», Янъ Гульдтъ, сидѣвшій у перваго весла, случайно взглянулъ на несчастныхъ у своихъ ногъ. Въ этотъ моментъ лодку опять залило водой, которая смыла кровь съ бѣлесоватыхъ волосъ и окровавленныхъ бровей раненаго. Въ горлѣ у него сдавило. Онъ испустилъ дикій крикъ и толкнулъ лежащаго ногой:

— Эй, ты, а вѣдь мы съ тобой знакомы!

И въ приливѣ счастья отъ сознанія, что справедливость одержала побѣду, заликовалъ хриплымъ сухимъ голосомъ:

— Знаешь, кто лежитъ предо мной, Карлъ Крегеръ? Пауль Гринъ!

Раненый попытался поднять голову и посмотрѣть на кричащаго, но не смогъ: кровь опять залила ему глаза.

Они благополучно добрались до корабля; потерпѣвшихъ подняли на палубу, а за ними втащили и шлюпку.

Когда работа была окончена, и спасители хотѣли разсказать все, какъ было, у нихъ

подогнулись колѣни, и отказались служить голоса: три часа безумно напряженной работы отняли у нихъ всѣ силы. Одинъ упалъ безъ чувствъ, другіе еле держались на ногахъ. Янъ Гульдтъ сѣлъ на люкъ и молча смотрѣлъ, какъ уводили въ каюту стараго капитана. Но когда хотѣли увести шатавшагося Пауля Грина, онъ попытался встать и, подаваясь впередъ и протягивая къ нему руку, сказалъ съ гнѣвными, пылавшими глазами:

— Этого, капитанъ, отдайте мнѣ... Я буду ходить за нимъ... Онъ мой другъ!

Они отнесли его въ маленькую каморку, находившуюся рядомъ съ каютой капитана и служившую лазаретомъ; и Яну Гульдту позволили спать тамъ же.

Карлъ Крегеръ послѣ этого тяжелаго дня еще нѣсколько времени чувствовалъ себя усталымъ и какъ будто оглушеннымъ. Къ тому же теперь было о чемъ поговорить и со старыми товарищами и съ новыми, съ погибшаго судна. Но въ концѣ недѣли онъ все-таки улучилъ время и подкрался къ двери лазарета, чтобы понаблюдать, какъ идутъ дѣла у бѣшенаго Яна Гульдта съ Паулемъ Гриномъ.

Онъ тихонько пріоткрылъ дверь и заглянулъ въ каморку. Янъ Гульдтъ сидѣлъ и читалъ вслухъ изъ старой гамбургской книги разсказовъ, которая уже много лѣтъ валялась на суднѣ. Со своимъ отважнымъ лицомъ, своимъ пламеннымъ голосомъ читалъ онъ о морскомъ разбойникѣ Стертебекерѣ: о томъ, какъ гамбуржцы поймали его вмѣстѣ съ его товарищами и всѣмъ отрубили головы.

Когда разсказъ былъ оконченъ, онъ опу-

стилъ книгу и сказалъ важно и презрительно, какъ будто мимоходомъ, что теперь такъ не дѣлаютъ. Теперь люди стали спокойнѣе, разумнѣе, снисходительнѣе, справедливѣе—это относится и къ тѣмъ, и къ другимъ — и улаживаютъ все безъ цѣпей и казней. Раненый лежалъ на спинѣ, съ завязанными глазами, и говорилъ мало или молчалъ.

Карлъ Крегеръ тихо прикрылъ дверь, покачалъ головой, пошелъ къ спасеннымъ норвежцамъ и сталъ смотрѣть на нихъ. Особенное удовольствіе доставлялъ ему одинъ изъ нихъ, обладавшій замѣчательной способностью: онъ умѣлъ высовывать языкъ такъ, какъ будто у него изо рта выскакивала ящерица, которую онъ затѣмъ и ловилъ. Карлъ Крегеръ день и ночь, гдѣ бы онъ ни былъ, на всѣ лады старался сдѣлать то же самое, но у него ничего не выходило.

Нѣсколько дней спустя, когда онъ стоялъ у руля, къ нему подошелъ капитанъ Боссельманъ, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Съ чего это твой другъ Гульдтъ такъ хлопочетъ о больномъ? Они, въ самомъ дѣлѣ, старые друзья?

Карлъ Крегеръ подробно и необыкновенно живо разсказалъ ему обо всемъ, что произошло на пристани въ Бланкенезе и на песчаномъ островкѣ, и прибавилъ:

— И теперь онъ хочетъ обратить его.

— Такъ,—сказалъ капитанъ Боссельманъ, который немного страдалъ любопытствомъ и выслушалъ разсказъ съ интересомъ и удовольствіемъ.—Развѣ Гульдтъ набоженъ?

Карлъ Крегеръ удивленно покачалъ головой.

— Набоженъ?—неувѣренно сказалъ онъ.— Этого я не знаю. Библіи у него нѣтъ. Набоженъ или нѣтъ,—не знаю. Можетъ быть, что и такъ.

Капитанъ Боссельманъ покачалъ головой:

— Чудной святой!—сказалъ онъ.

Карлъ Крегеръ, немного задѣтый, возразилъ:

— Какъ это, капитанъ? Не былъ ли онъ на дняхъ первый въ шлюпкѣ? Онъ только немножко горячѣе относится къ правдѣ и справедливости, чѣмъ мы.

Капитанъ поднялъ брови и ткнулъ всѣми своими неповоротливыми пальцами въ свою грудь.

— Чѣмъ я тоже?—сказалъ онъ.

Карлъ Крегеръ отвѣтилъ:

— Конечно, капитанъ... Вѣдь, иначе вы не удивлялись бы ему.

Капитанъ Боссельманъ отвернулся и сказалъ:

— Чему только не научишься отъ такого молокососа!

Затѣмъ онъ опять повернулся къ нему и сказалъ съ удареніемъ, широко открывъ круглые глаза и тыкая себя пальцами въ грудь:

— Я скажу тебѣ вотъ что: я перевязываю этому человѣку, этому Грину, каждое утро глаза; я смотрю ему каждое утро въ глаза. Я одинъ видѣлъ его глаза, на сколько ихъ можно теперь видѣть, — они еще порядочно распухли. И я скажу тебѣ: у этого человѣка скверные глаза!

Карлъ Крегеръ посмотрѣлъ на компасъ, немного повернулъ руль и хладнокровно отвѣтилъ:

— Я никогда не смотрю на глаза мужчинъ, меня интересуютъ только глаза дѣвушекъ; но если вы говорите, что у него скверные глаза, то я вѣрю вамъ, и тогда это скверное дѣло. Глаза, это—прорѣзъ въ кожѣ, они показываютъ, что находится внутри; а изъ своей кожи не можетъ вылѣзть ни одинъ человѣкъ.

Капитанъ Боссельманъ опять покачалъ головой въ отвѣтъ на это удивительное изреченіе и, подойдя къ старому сѣдому капитану норвежскаго судна, попытался разсказать ему о своемъ матросѣ: о томъ красивомъ, съ бѣлокурыми волосами и крючковатымъ носомъ, который во всемъ проявляетъ такую пылкость и въ особенности горячо относится къ правдѣ и справедливости. Съ большимъ трудомъ удалось ему объяснить все это старику. Но когда норвежецъ понялъ, онъ пожалъ руку капитану Боссельману и крѣпко потрясъ ее.

Когда на слѣдующій день Карлъ Крегеръ стоялъ одинъ въ кубикѣ и спокойно думалъ о Бланкенезе и обо всемъ, что находится вокругъ него, къ нему подошелъ Янъ Гульдтъ, и, смѣло, горделиво поднявъ голову, сказалъ:

— Ну, я и добился своего! Онъ вчера сказалъ мнѣ, что очень жалѣетъ о тогдашней исторіи, на пристани. Онъ не можетъ понять, сказалъ онъ, какъ онъ могъ быть такимъ: вѣдь, я никогда не сдѣлалъ ему ничего дурного Видишь? Надо только захотѣть!

Карлъ Крегеръ пожалъ плечами и съ сомнѣніемъ сказалъ:

— Если только это правда, Янъ Гульдтъ! Старикъ—единственный, кто видѣлъ его глаза, и онъ говоритъ: у него дурные глаза. Чтобы только дѣло не кончилось плохо, и старикъ не могъ сказать своей глупой фразы, которую онъ вѣчно твердитъ: я такъ и думалъ!

Но Янъ Гульдтъ высокомѣрно покачалъ головой и сказалъ:—Этотъ?..—такимъ тономъ, какъ будто капитанъ Боссельманъ въ такихъ дѣлахъ не могъ сосчитать до трехъ.

Когда они прибыли въ Сидней, норвежцы покинули судно. Старый сѣдой капитанъ со своимъ Евангеліемъ въ боковомъ карманѣ своей синей куртки, обошелъ всю команду и подалъ всѣмъ руку.

Когда очередь дошла до его пяти спасителей онъ, погладилъ ихъ по рукѣ и сказалъ, что, конечно, при своемъ возрастѣ онъ вполнѣ созрѣлъ для того свѣта; но его старуха - жена все-таки очень рада, что онъ вывернулся.

Они засмѣялись всѣ пятеро и сказали:

— Галло, капитанъ! Разъѣзжайте спокойно и дальше! Мы опять вытащимъ васъ.

Онъ съ улыбкой покачалъ бѣлой головой въ отвѣтъ на ихъ добродушный задоръ. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на Яна Гульдта и съ большой мягкостью и очень серьезно сказалъ:

— Ты долженъ еще научиться, мой сынъ, видѣть міръ, каковъ онъ есть. Видишь ли, есть три міра: одинъ—въ нашей головѣ, принадлежащій намъ, другой—внѣ и вокругъ насъ, принадлежащій людямъ, и третій, не похожій ни на одинъ изъ первыхъ двухъ, принадле-

жащій Господу Богу. Ты представляешь себѣ только свой міръ и только въ немъ живешь; ты долженъ обращать больше вниманія на два другихъ!

Но Янъ Гульдтъ былъ слишкомъ счастливъ и слишкомъ чувствовалъ себя побѣдителемъ; слова старика не произвели на него никакого впечатлѣнія. Онъ засмѣялся и высокомѣрно и увѣренно сказалъ:

— Я ужъ справлюсь со всѣми тремя, капитанъ.

Старикъ огорченно покачалъ головой и сошелъ на берегъ.

Нѣсколько времени спустя прибыла больничная карета, чтобы увезти раненаго. Нѣсколько человѣкъ свели его со сходней, удивляясь, что онъ такъ хорошо ходитъ, и подвели къ каретѣ. Когда его оставили одного у ея дверцы, онъ вдругъ снялъ повязку и, мигая, сталъ искать глазами кого-то на «Каліопѣ». Увидѣвъ у люка Яна Гульдта, который и не замѣтилъ, какъ его уводили, онъ громко и пронзительно засмѣялся, совершенно такъ, какъ смѣялся четыре года тому назадъ на пристани Бланкенезе, и громко крикнулъ:

— Эй... Послушай! Янъ Гульдтъ... Эй... Дуракъ!..

Янъ Гульдтъ, наконецъ, услышалъ, всталъ, обернулся и широко раскрылъ глаза.

— Эй, ты!—кричалъ Пауль Гринъ.—Ну, и дуракъ же ты!

Онъ расхохотался, хлопнулъ себя по карману, захлопнулъ дверцу кареты и скрылся.

И капитанъ Боссельманъ съ капитанскаго

мостика крикнулъ высокимъ, протяжнымъ голосомъ:

— Я такъ и думалъ!

Карлъ Крегеръ бросился на сходни, чтобы попробовать догнать негодяя. Двое другихъ побѣжали за нимъ, крича:

— Онъ хлопнулъ себя по карману, Янъ Гульдтъ! Осмотри свой сундукъ! Мы сегодня утромъ видѣли, какъ онъ рылся въ немъ.

И они бросились вслѣдъ за Карломъ въ погоню.

Янъ Гульдтъ вцѣпился руками въ свои бѣлокурые волосы; затѣмъ, онъ, какъ лунатикъ, протянувъ впередъ руки, пошелъ въ служившую лазаретомъ каморку, открылъ свой сундукъ и сталъ искать. Изъ всѣхъ денегъ, которыя онъ скопилъ, не оказалось ни гроша.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери и, точно оцѣпенѣвъ отъ удивленія, нѣсколько разъ повторилъ беззвучнымъ голосомъ, тихо, какъ-будто обращаясь къ самому себѣ:

— Этого не можетъ быть! Этого не можетъ быть!

Но потомъ вдругъ имъ овладѣлъ бѣшеный гнѣвъ, и онъ принялся кричать, ударять кулаками о дверь и выкрикивать дикія проклятія. Капитанъ Боссельманъ закричалъ своимъ протяжнымъ голосомъ:

— Не горячись такъ! Тише! Тише!

Но онъ не слышалъ; онъ упалъ на полъ, стоналъ и кричалъ.

Карлъ Крегеръ, отскочившій при этихъ дикихъ крикахъ отъ двери, стоялъ блѣдный, какъ смерть, и, прислушиваясь къ стонамъ несчастнаго, тихимъ, дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Онъ плачетъ не о своихъ деньгахъ, капитанъ. Онъ о томъ стонетъ, что ему не повезло съ этимъ человѣкомъ. Я говорилъ вамъ: онъ помѣшанъ на правдѣ. Янъ не можетъ перенести, что все это такъ кончилось.

IV.

Когда они вернулись изъ своего далекаго плаванія въ Гамбургъ, Янъ Гульдтъ простился со всѣми, въ томъ числѣ и съ Карломъ Крегеромъ, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ опять уѣхать на другомъ кораблѣ, и отправился въ Бланкенезе. Былъ поздній вечеръ.

Но онъ напрасно дергалъ ручку двери и напрасно стучалъ въ кухонное окно. Онъ долго стоялъ молча и качалъ головою, затѣмъ онъ увидѣлъ, что съ ручки двери свѣшивается большой кусокъ сѣрой бумаги. Онъ вынулъ спички, зажегъ и прочелъ:

«Твоя мать умерла двѣ недѣли тому назадъ. Такъ какъ она два мѣсяца была больна и нуждалась въ уходѣ докторовъ и лекарствахъ, ея состояніе ушло на это; тебѣ ничего не осталось, и требовать тебѣ нечего. Отъ имени семьи: Тобіасъ Гульдтъ старшій».

Минуту онъ стоялъ неподвижно, прислушиваясь къ тишинѣ, царившей въ маленькомъ жилищѣ. Ему не вѣрилось, что это правда. Казалось, что сейчасъ послышатся легкіе шаги, и нерѣшительно, недовѣрчиво отодвинется занавѣсъ; и на моментъ на его рукавъ ляжетъ ху[illegible], костлявая рука, и по его рукѣ, до самой

груди, пробѣжитъ сладкій трепетъ, и сердце въ груди радостно встрепенется. Но ничего этого не произошло. Тогда онъ выпустилъ ручку двери, за которую взялся въ своемъ ожиданіи, и долго стоялъ, стараясь понять, что въ его жизни уже нѣтъ чудеснаго теплаго угла, которымъ была для него его мать, и что у него нѣтъ родины. Затѣмъ онъ отвернулся и, опустивъ голову, медленно пошелъ вдоль берега, вскарабкался на крутую лѣстницу и тамъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ ее закрываетъ густой кустарникъ, наплакался досыта. Потомъ онъ вернулся въ Гамбургъ.

На слѣдующій день онъ пошелъ въ Альтону и записался въ мореходную школу, какъ думалъ это сдѣлать съ самаго начала, когда у него еще были его деньги. Затѣмъ онъ купилъ себѣ секстанты, чертежныя принадлежности, книги, бумагу,—все, что ему нужно было для школы, и потратилъ на это всѣ деньги, которыя у него были. Въ его озлобленіи на Бога и людей ему было ясно одно: что онъ добьется своего во что бы то ни стало, хотя бы ему пришлось не спать по ночамъ и умирать съ голоду.

Онъ рѣшилъ искать себѣ гдѣ-нибудь по близости школы какой-нибудь работы и, хотя дѣло шло уже къ вечеру, сейчасъ же отправился на поиски. Онъ прошелъ нѣсколько улицъ, заглядывая во дворы, въ которыхъ шла работа; но онъ видѣлъ, что лишней работы не было нигдѣ, и поэтому даже не спрашивалъ. Казалось, его затѣя потерпѣла полную неудачу.

Онъ вышелъ изъ Альтоны и попалъ въ

окрестности Эвельгенне, гдѣ тогда еще стоялъ цѣлый рядъ старыхъ домиковъ съ соломенными крышами, которыя возвышались надъ маленькими, взбиравшимися по откосу садиками. Одинъ изъ этихъ домиковъ, уцѣлѣвшій и до сихъ поръ, особенно старъ и низокъ; онъ отличается отъ другихъ и бросается въ глаза тѣмъ, что передъ нимъ на заржавѣвшемъ лафетѣ стоитъ старая пушка, смотрящая своимъ жерломъ на гавань.

Когда онъ проходилъ по неровной улицѣ, у дороги, подлѣ дома съ пушкой, на коричневой деревянной скамьѣ сидѣла бѣдно одѣтая старушка и неповоротливыми, кривыми рабочими руками вязала толстый синій чулокъ. Онъ осмотрѣлся, нѣтъ-ли кого-нибудь по близости—ему было бы какъ-то неловко, если бы его увидѣли разговаривающимъ съ бѣдной старухой—и торопливо спросилъ ее, не знаетъ-ли она, гдѣ онъ могъ бы достать работу на нѣсколько часовъ въ день. Она подняла глаза, съ любопытствомъ поглядѣла въ смѣлое лицо его и, такъ какъ, не совсѣмъ поняла его вопросъ, немножко отодвинулась и сказала со свойственными старикамъ неторопливостью и спокойствіемъ:

— Садись и разскажи мнѣ, чего ты отъ меня хочешь.

Онъ долженъ былъ сѣсть. И коротко и ясно, все время ударяя себя по колѣну, онъ разсказалъ, какъ плохо его положеніе, и какъ ему нужна работа. Ему было не такъ трудно сказать ей это, потому что со своей короткой, сгорбленной фигурой она казалась ему какимъ-то причудливымъ существомъ, чѣмъ-то

вродѣ бабушки Красной Шапочки или какого-нибудь другого сказочнаго образа, не имѣющаго ничего общаго съ этимъ свѣтомъ и его горестями. Она продолжала спокойно вязать и только время отъ времени поднимала глаза и смотрѣла на дорогу, какъ-будто ждала кого-то.

— Развѣ у тебя нѣтъ родителей?—спросила она.

Онъ сказалъ, что его мать недавно умерла, отецъ же молодымъ человѣкомъ, какъ раньше дѣдъ, погибъ на гольмановскомъ кораблѣ.

— Отецъ много лѣтъ ѣздилъ на гольмановскихъ судахъ.

— Такъ, такъ,—сказала она.—Оба погибли на гольмановскихъ судахъ! Да, да... Гольманы отправили на тотъ свѣтъ не мало. людей! Да... да! Но развѣ они виноваты въ этомъ? У одного человѣка такая природа, у другого—другая. Нашъ Господь Богъ долженъ ладить съ ними всѣми; значитъ, и мы должны дѣлать то же самое.

Эти слова такъ разсердили его, что у него волосы зашевелились подъ шапкой, и онъ сказалъ съ дико горящими глазами:

— Ну, нѣтъ, съ этимъ я не согласенъ, клянусь Богомъ! Нашъ Господь Богъ долженъ былъ бы послать на нихъ чуму и моръ, а люди должны были-бы повѣсить ихъ за ноги, и пусть висятъ, пока не издохнутъ.

Старуха, не переставая вязать, медленно покачала головой.

— Когда становишься старъ, — сказала она,—видишь, что все дѣлается не такъ, какъ хотѣлось-бы; а жить, вѣдь, все-таки надо.

Подумай, мой единственный сынъ уже сорокъ лѣтъ ѣздитъ на гольмановскомъ пароходѣ... все на одномъ и томъ же, на «Аннѣ Гольманъ». Боцманомъ! И я должна видѣть это!

Янъ Гульдтъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Этого я не понимаю!—сказалъ онъ.— Можно, конечно, поѣхать на гольмановскомъ суднѣ, если не можешь нигдѣ найти мѣста, или же проѣхаться когда-нибудь разокъ на немъ изъ одной ненависти и насмѣшки, чтобы потомъ разсказать о немъ всѣмъ людямъ. Но цѣлые годы! Сорокъ лѣтъ на «Аннѣ Гольманъ!»

Старушка продолжала вязать.

— Онъ никогда не говоритъ объ этомъ,— сказала она.—Но иногда, когда онъ бываетъ навеселѣ — онъ немножко выпиваетъ — онъ говоритъ, что обвѣнчался съ «Анной Гольманъ». Да еще по католическому обряду, говоритъ онъ, и поэтому не можетъ развестись съ ней. Я и въ самомъ дѣлѣ думаю, что они много пережили вмѣстѣ. Сначала, въ шестидесятыхъ годахъ «Анна Гольманъ» отвезла въ Америку полъ-Мекленбурга; потомъ въ семидесятыхъ возили на ней негровъ изъ Африки въ Бразилію. Ну, а сколько еще всякихъ рейсовъ! Хорошаго не было ни одного!.. Куда же ѣздилъ на гольмановскомъ суднѣ твой дѣдушка?

— Въ Бразилію или на Бразильскій берегъ,—отвѣтилъ онъ,—хорошенько я не знаю?

— Такъ!—сказала она.—Ну, это тоже, конечно, были скверныя поѣздки Бразильскій берегъ!

— О,—сказалъ онъ,—въ Бланкенезе нашу семью всѣ уважаютъ. Мой дѣдъ былъ почтенный, только, говорятъ, немножко горячій человѣкъ. Не говорите о немъ! Кто знаетъ, что довело его до этого. Говорите лучше о Гольманахъ, которые уже сто или двѣсти лѣтъ подъ рядъ мучатъ людей на своихъ судахъ и изъ-за которыхъ погибло столько храбрыхъ матросовъ!

Старуха покачала головой и медленно, неторопливо сказала:

— Старикъ Дирксъ и я—старикъ Дирксъ уже пятьдесятъ лѣтъ служитъ кучеромъ у стараго Гольмана, а я дѣвушкой служила у него нѣсколько лѣтъ—такъ вотъ мы оба любимъ подшутить надъ старымъ Гольманомъ. Понимаешь, надъ старикомъ, который тогда перевозилъ мекленбуржцевъ и негровъ. Ему уже за девяносто и онъ выжилъ изъ ума; но онъ еще каждую среду и субботу ѣздитъ кататься по шоссе. Люди толкуютъ о немъ разное; они говорятъ, что онъ не можетъ умереть, потому что у него нечистая совѣсть. Но мы, старикъ Дирксъ и я, знаемъ лучше, въ чемъ дѣло. Какъ разъ наоборотъ: онъ не можетъ умереть, потому что онъ все еще такъ любитъ свои деньги и не хочетъ уйти отъ нихъ. По средамъ старикъ Дирксъ всегда привозитъ его ко мнѣ, и мы подшучиваемъ надъ нимъ... Смотри, вотъ онъ.

Изъ-за угла выѣхала нарядная открытая коляска, запряженная бѣлоснѣжными рысаками; легко и весело катила она къ маленькой коричневой скамьѣ и остановилась передъ ней. Въ углу коляски сидѣлъ или, вѣр-

нѣе, лежалъ, накрытый до груди огромной, пестрой тигровой шкурой, древній старикъ. Его лицо, маленькое, какъ у четырнадцатилѣтняго мальчика, было желто и покрыто морщинами.

Старуха продолжала спокойно сидѣть на своей скамьѣ и вязать.

— Ну, — благодушно сказала она, — что умненькаго вы придумали за эту недѣлю, Гольманъ?

Старикъ польщенно улыбнулся, но сейчасъ же важно поднялъ маленькую желтую руку и, широко раскрывъ глаза, торжественно сказалъ:

— Все дѣлалось не такъ, какъ слѣдуетъ! Все не такъ, какъ слѣдуетъ. Можно было заработать гораздо больше денегъ.

Старуха, не переставая вязать, покачала головой и сказала съ убѣжденіемъ и такъ, какъ будто успокаивала ребенка:

— Нѣтъ, нѣтъ, Гольманъ!.. Этого вы не должны на старости лѣтъ вбивать себѣ въ голову! Все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Сколько вы давали эмигрантамъ за старый прусскій залотой?

Старикъ ласково улыбнулся:

— Шестнадцать—семнадцать шиллинговъ.

— Ну, — одобрительно сказала старуха, продолжая вязать и почти не поднимая глазъ:—Это, я думаю, славное дѣльце? Ему, вѣдь цѣна двадцать! И потомъ вы еще уговорили ихъ, будто имъ придется платить за свое прекрасное полотно и большіе окорока такую большую пошлину, что лучше будетъ, если они продадутъ ихъ вамъ. И вы полу-

чили ихъ полотно и окорока почти даромъ. Вы славно поживились, Гольманъ! А во время переѣзда черезъ океанъ бѣднякамъ пришлось порядкомъ поголодать.

Старикъ засмѣялся довольнымъ смѣхомъ, точно маленькій злорадный мальчуганъ.

— Неглупо! —сказалъ онъ своимъ высокимъ стариковскимъ голосомъ.—Неглупо. То было хорошее времячко! Никакого государственнаго контроля! Это главное: никакого государственнаго контроля! И никакой гласности. Можно было обдѣлывать дѣла на свободѣ.

— Вы зарабатывали милліоны, — сказала она.

Старикъ польщенно улыбнулся, и точно тщеславная дѣвушка, старающаяся въ обществѣ подругъ перевести разговоръ съ одного поклонника на другого, онъ съ улыбкой сказалъ:

— Но потомъ я сдѣлалъ ошибку. Я долженъ былъ негровъ, которыхъ я перевозилъ въ Бразилію... я долженъ былъ разсаживать ихъ посвободнѣе. Ихъ умерло слишкомъ много; разъ умерло больше половины! Это былъ большой убытокъ.

Кучеръ, сидѣвшій съ широкимъ, неподвижнымъ лицомъ на козлахъ, поднявъ кнутъ къ уху и полямъ шляпы, повернулъ, не мѣняя своей неподвижной позы, лицо къ старухѣ и хладнокровно сказалъ:

— Задай ему перца, да хорошенько. Ему все это нипочемъ! Задай ему покрѣпче!

Старуха, продолжая равномѣрно вязать, сказала:

— Ну, зато вашъ сынъ Генрихъ сидитъ

въ ссылкѣ вмѣстѣ съ капитаномъ «Анны Гольманъ» на пустынномъ островѣ возлѣ Бразиліи. Какъ онъ называется?

— Они сидятъ на Ферандо-Норонья,—сказалъ кучеръ, не поворачивая головы.

Старикъ попробовалъ немного наклониться впередъ и, широко раскрывъ глаза, тихо сказалъ:

— Живы-ли они еще?

Кучеръ слегка повернулъ голову и сказалъ:

— Онъ боится, что Генрихъ вернется и потребуетъ своей части наслѣдства.

— Что они ѣдятъ тамъ, на островѣ?—сказала старуха.—Навѣрно, траву и дождевыхъ червей?

Старикъ довольно улыбнулся.

— Это хорошо, что онъ тамъ, — сказалъ онъ.—Очень хорошо! Онъ промоталъ бы все! Все!

— Это—неправда,—хладнокровно сказалъ, обращаясь къ старухѣ, кучеръ:—это чистая ложь. Генрихъ былъ вовсе не такой. Онъ былъ только лучше остальныхъ. Онъ былъ хорошій человѣкъ и не позволялъ старику дѣлать гадости. Вотъ и все.

Старикъ, казалось, совсѣмъ не слышалъ, что говорилъ черезъ плечо кучеръ. Онъ былъ поглощенъ мыслью о Бразильскихъ каторжникахъ. Онъ опять попробовалъ наклониться впередъ и опять тихо и съ любопытствомъ сказалъ:

— Живы-ли они еще? Они были крѣпкіе малые, оба—и Генрихъ, и капитанъ!

— Да,—сказала старуха,—не одному крѣпкому малому пришлось подумать о смерти на гольмановскихъ судахъ!.. Вы видите этого мо-

лодого человѣка? Его отецъ и дѣдъ оба погибли на гольмановскихъ судахъ.

Старикъ немного наклонился впередъ, почти вѣжливо, точно купецъ, охотно встрѣчающій человѣка, съ которымъ дѣлалъ прежде хорошія дѣла.

— Ваше имя?—любезно спросилъ онъ.

Янъ Гульдтъ вскочилъ и, уставясь ему прямо въ лицо горящими, полными ненависти глазами, крикнулъ:

— Янъ Гульдтъ изъ Бланкенезе.

Старикъ торопливо опять откинулся назадъ и испуганно, немного задыхаясь, сказалъ:

— Это лицо... Онъ внукъ Яна Гульдта!

Затѣмъ равнодушнымъ холоднымъ тономъ, какимъ раньше, вѣроятно, разговаривалъ съ экипажемъ своихъ судовъ, онъ сказалъ старому кучеру:

— Поѣзжай!

Старый кучеръ самодовольно засмѣялся и сказалъ:

— Этотъ перецъ былъ для него слишкомъ крѣпокъ!

И коляска покатила дальше.

— Вы видѣли?—съ пылающими глазами сказалъ Янъ Гульдтъ.—Какъ онъ испугался имени моего дѣда! Вы видѣли, что мой дѣдъ былъ почтенный человѣкъ? Вы видѣли это? Старый преступникъ! Какъ я радъ, что показалъ ему!

— Ну,—сказала старуха, сворачивая свой чулокъ,—въ добрый часъ! А теперь идемъ: тебѣ надо поѣсть. Сегодня вечеромъ у меня какъ разъ всего довольно. Мой сынъ, боцманъ на «Аннѣ Гольманъ», какъ ты знаешь,

третьяго дня вернулся со своимъ пароходомъ изъ Африки и далъ мнѣ денегъ. Онъ пошелъ въ трактиръ, тамъ на углу: онъ напьется тамъ, какъ стелька. Но это не мѣшаетъ ему быть славнымъ малымъ.

Медленно, придерживаясь за деревянныя перила, она поднялась наверхъ и, пройдя мимо пушки, вошла въ низкую покосившуюся дверь своего домика. Она прошла маленькую кухню, въ которой плита и столъ занимали почти все мѣсто и ввела его въ низкую темно-коричневую комнату, въ которой все—потолокъ, стѣны и полъ—перекосилось и потемнѣло, а на стѣнѣ висѣлъ ветхій портретъ стараго Вильгельма I. Она пригласила его сѣсть на скамью, стоявшую у стѣны, подъ окнами, принесла, что у нея было, и онъ поѣлъ. Когда онъ кончилъ, она принесла старый-престарый кожаный кисетъ, въ которомъ было табаку еще нѣсколько трубокъ, и сказала:

— Твоя трубка, конечно, при тебѣ? Покури немножко!

И когда онъ закурилъ, она долго обнюхивала воздухъ, затѣмъ кивнула головой и сказала:

— Комната сразу сдѣлалась совсѣмъ другая: такъ славно пахнетъ мужчиной.

Онъ держалъ трубку въ вытянутой рукѣ надъ столомъ, такъ что свѣтлый дымъ, какъ будто отъ маленькаго костра, поднимался въ полутьмѣ къ косому потолку и носился вокругъ портрета стараго императора, и думалъ:

— Вотъ я и сытъ! Если бы мнѣ было еще гдѣ поспать!

Онъ удобно прислонился къ стѣнѣ, измѣ-

рилъ взглядомъ скамью и сталъ расхваливать ее:

— Славная у васъ скамеечка, бабушка! Вѣрно, вашъ сынъ будетъ спать на ней, когда вернется ночью изъ трактира? Нѣтъ? Жаль, что такую длинную и широкую скамью не употребляютъ для спанья. Право, на ней можно поспать ночку, не отлежавъ себѣ боковъ. Если бы разговоръ со старымъ хищникомъ не разозлилъ меня такъ, я могъ бы, я думаю, заснуть на этой скамьѣ.

Старуха, наконецъ, поняла его и сказала:

— Тебѣ даже негдѣ переночевать, бѣдный мальчикъ? Такъ оставайся здѣсь и спи на скамьѣ.

Она встала и, принеся ему подъ голову старую подушку изъ плетеной соломы, сказала съ добродушной насмѣшкой надъ собой:

— Вотъ такъ ночь! Сначала вся комната наполняется дымомъ, такъ что становится тепло на душѣ, а теперь въ ней еще остается ночевать молодой парень. Вотъ я и имѣю въ первый разъ то, что пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ имѣла каждый вечеръ.

Она еще разъ пошла въ кухню, чтобы посмотрѣть, не осталось ли въ печи огня, потомъ начала раздѣваться, при чемъ по привычкѣ старыхъ женщинъ такъ задумалась и замечталась, что долго сидѣла на мѣстѣ, не шевелясь. Онъ снялъ сапоги, положилъ ихъ подъ подушку, которая была недостаточно высока, и легъ.

Онъ хотѣлъ сначала еще разъ дать волю гнѣву, который вызывали въ немъ преступленія Гольмановъ и долготерпѣніе Господа

Бога, гнѣву, все это время тихо кипѣвшему въ немъ; но онъ ужъ не разгорѣлся. Долгіе напрасные поиски на улицахъ и событія вечера утомили его; мысли его тянулись вяло, и скоро онъ заснулъ. Точно по гладкой дорогѣ тихо скользнулъ онъ въ страну сновъ и сейчасъ же поплылъ по ней въ красивой лодочкѣ, подъ попутнымъ вѣтромъ. А съ обѣихъ сторонъ его плыли красивыя нагія дѣвушки со смѣлыми лицами и движеніями и часто ныряли въ воду, чтобы изслѣдовать дно и узнать, можетъ ли Янъ Гульдтъ проѣхать безпрепятственно. Онъ, улыбаясь, ласково и одобрительно смотрѣлъ на нихъ; кровь его при этомъ оставалась совершенно спокойной. Онъ и на яву не касался еще женщинъ. Такъ сильно почиталъ и боялся онъ ихъ.

Онъ все еще плылъ подъ этой прекрасной охраной, какъ говорится въ псалмѣ: «Ты дѣлаешь своихъ ангеловъ вѣтрами». Утро было уже близко, когда онъ услышалъ подъ окнами шумъ и крики, затѣмъ вспомнилъ, гдѣ онъ, и прислушался.

Старуха уже вскочила и, тяжело ступая, подошла къ нему.

— Это — твой сынъ, — сказала она; ея старушечій голосъ звучалъ необыкновенно мягко. — Когда онъ выходитъ изъ трактира, онъ всегда подходитъ къ моему окну, чтобы я знала, что онъ, какъ порядочный человѣкъ, идетъ спать. Онъ немножко пьетъ, но онъ славный малый.

Она подошла къ окну, выглянула изъ него и тихо засмѣялась.

— Видишь, что онъ теперь дѣлаетъ? Слышишь? Онъ видитъ на Эльбѣ всѣ гольмановскія суда и прицѣливается въ нихъ изъ старой пушки. Слышишь, онъ называетъ каждое судно по имени?.. Подожди-ка... вотъ! Слышишь? Самый большой зарядъ получаетъ «Анна Гольманъ».

Пьяный дѣлалъ видъ, что посылаетъ зарядъ за зарядомъ, и при этомъ дико выкрикивалъ какія-то слова, которыя съ клокотаніемъ вырывались изъ горла; мучительнаго страданія, звучавшаго въ этихъ словахъ, старая женщина не слышала. Она опять тихо и весело засмѣялась, и ея старушечій голосъ звучалъ опять очень мягко, когда она сказала:

— Такъ онъ дѣлаетъ всегда, когда приходитъ ночью къ моему окну! Онъ разстрѣливаетъ всѣ гольмановскія суда. Потѣха!

Она засмѣялась и сильно постучала по стеклу.

Пьяный услышалъ стукъ. Онъ оставилъ пушку, посмотрѣлъ на окна, увидѣлъ, что за нимъ стоитъ мать, выпрямился во весь ростъ, почти гордо, и сказалъ почтительно, такимъ тономъ, какъ будто докладывалъ начальству:

— Теперь спи спокойно, матушка! Я иду домой!

И онъ тяжелыми, невѣрными шагами сталъ спускаться по лѣстницѣ.

Старуха опять заковыляла къ своей постели, а Янъ Гульдтъ опять легъ на скамью. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ о боцманѣ и его жизни. Отъ него онъ быстро, точно на огненныхъ крыльяхъ, съ пылающимъ гнѣвомъ перешелъ ко всему хозяйни-

чанью Гольмановъ. Не посылали ли они уже сто лѣтъ свои суда за море, раньше для позорныхъ дѣлъ, теперь же въ самыя лихорадочныя мѣстности, гдѣ многіе умирали отъ лихорадки? Не посылали ли они ихъ съ недостаточнымъ экипажемъ, который долженъ былъ работать сверхъ силъ и къ тому же получалъ недостаточное питаніе и жилъ въ грязи? Не посылали ли они ихъ съ запущенными, заржавѣвшими, никуда негодными машинами, такъ что каждый годъ одно судно непремѣнно тонуло со всѣмъ экипажемъ? А владѣлецъ этихъ судовъ? Передъ вратами вѣчности, о которыхъ и невѣрующій не знаетъ, что можетъ быть за ними, онъ радуется всѣмъ своимъ преступленіемъ. Да, уже наполовину выжившій изъ ума, онъ еще радуется разрушенной жизни своего сына и своего стараго капитана. Лежатъ-ли они оба уже мертвые на горячемъ пескѣ Фернандо Норонья съ цѣпями на изсохшихъ ногахъ? Или они еще живутъ, мучась голодомъ и жаждой, съ лихорадкой въ старыхъ костяхъ? Вотъ каковы они, Гольманы! Будь они проклятъ!.. Отдайте мнѣ моего отца и дѣда! Я не лежалъ бы здѣсь, какъ нищій, на жесткой скамьѣ, если бы Гольманы не отняли у меня ихъ! И мою мать тоже убили они: ее свела въ могилу тоска по моемъ, такъ рано умершемъ отцѣ. Отдайте мнѣ мою мать! Отдайте всѣхъ мертвецовъ! Ихъ жены и дѣти тоже лежатъ на жесткихъ скамьяхъ! Отдайте ихъ! Будь проклятъ весь міръ!..

Онъ такъ ударилъ кулакомъ по спинкѣ старой скамьи, что она затрещала.

Старуха вскочила.

— Господи, спаси и помилуй!—сказала она.— Что съ тобой?

— Ахъ,—сказалъ онъ, придя въ себя, но все еще тяжело дыша отъ гнѣва.—Я, право, хотѣлъ бы быть дьяволомъ!

— Господи, спаси мою душу!—сказала старуха.— Святые угодники! Почему непремѣнно дьяволомъ!

Онъ повернулся къ стѣнѣ и мрачно сказалъ:

— Они отняли у меня отца и дѣда и сдѣлали меня смѣшнымъ, когда я былъ еще ребенкомъ. Они сдѣлали меня бѣднякомъ и сиротой. Если я когда-нибудь еще увижу кого-нибудь изъ Гольмановъ, я поговорю съ нимъ совсѣмъ иначе.

— Ты долженъ относиться ко всему спокойнѣе,—сказала старуха.—Спокойнѣе!

— Спокойнѣе?—сказалъ онъ.—Я не могу! Не могу! И не хочу! *Не хочу!* Ужъ лучше умереть.

— Ну, Ну...—спокойно и ласково сказала старуха:—Ты еще научишься этому. Ты еще научишься.

V.

Онъ всталъ, разобралъ свои книги и сталъ просматривать ихъ. Мало-по-малу онъ успокоился и увидѣлъ, что при его хорошей подготовкѣ и врожденной способности къ измѣреніямъ и вычисленіямъ ему будетъ легко усвоить себѣ все это. Тогда онъ спросилъ старуху, не сможетъ-ли онъ, какъ въ ту ночь,

и дальше спать на скамьѣ и заниматься на ней; онъ отблагодаритъ ее, когда выдержитъ экзаменъ. Она сейчасъ же согласилась; тогда онъ спросилъ, не знаетъ ли она, гдѣ онъ могъ бы найти работу. Она немного подумала, потомъ сказала, что лучше всего было бы ему пойти къ корабельному мастеру Бруну, очень доброму человѣку, разсказать ему про свое несчастье съ деньгами и попросить работы. На сколько она знаетъ Бруна, онъ дастъ ему работу и столъ.

Янъ Гульдтъ сложилъ книги и вышелъ. Подойдя къ площадкѣ передъ домомъ корабельнаго мастера, онъ остановился. По всей площадкѣ были во всевозможныхъ положеніяхъ разставлены лодки всевозможныхъ формъ; за площадкой находилась мастерская, дверь которой была уже широко раскрыта. Но не было видно ни души: очевидно, всѣ ушли завтракать. Онъ еще стоялъ въ нерѣшительности, здѣсь ли ему ждать или зайти въ мастерскую, когда изъ-за опрокинутой вверхъ килемъ большой парусной лодки донесся тоненькій голосокъ, такъ тихо насвистывавшій старую народную пѣсенку, что онъ сначала не обратилъ на него вниманія. Онъ не думалъ, что сможетъ поговорить съ особой, которой принадлежитъ этотъ голосокъ, о своемъ большомъ, серьезномъ дѣлѣ; но онъ рѣшилъ, что надо же ему какъ-нибудь водвориться на площадкѣ, и направился къ лодкѣ. За ней на колѣняхъ стояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати съ льняными волосами, блестящими зеленоватыми глазами и, насвистывая, красила бортъ лодки. Ей, казалось, было очень холодно отъ

утренняго вѣтра, который развѣвалъ ея сѣрое платье и особенно свѣтлыя пряди волосъ. Она была такая сѣренькая и худенькая, у нея былъ такой окоченѣвшій или изголодавшійся видъ, что онъ почувствовалъ разочарованіе, хотя и по убогому свисту ожидалъ немногаго. Но когда она посмотрѣла на него очень холоднымъ и испытующимъ взглядомъ и, что особенно поразило его, не прекратила своего свиста, онъ рѣшилъ, что это—единственная дочь корабельнаго мастера. Онъ привѣтливо спросилъ ее, не знаетъ ли она, сможетъ ли онъ найти здѣсь въ верфи работу ежедневно на нѣсколько часовъ. Онъ прибавилъ, что онъ не корабельный плотникъ, а ученикъ мореходной школы.

Она перестала красить, осторожно обмакнула кисть въ старую жестянку отъ консервовъ, стоявшую возлѣ нея, и холодно и равнодушно сказала:

— Вотъ смѣшно!

— Почему смѣшно?—гнѣвно спросилъ онъ.— Я потерялъ свои деньги до послѣдняго гроша.

— Такъ-съ,—холодно сказала она, какъ-будто теперь ей стало понятно все, и она составила себѣ опредѣленное мнѣніе объ этомъ человѣкѣ. Лицо ея приняло высокомѣрное выраженіе.

— Въ гамбургскихъ пивныхъ, конечно?— сказала она.

— Ничего подобнаго!—горячо возразилъ онъ.—Я и пяти разъ въ своей жизни не былъ въ пивной! Ихъ у меня украли изъ моего сундука. Карлъ Крегеръ, мать котораго

живетъ теперь здѣсь, въ Эвельгенне, можетъ подтвердить это.

Она отъ удивленія выронила кисть и сказала:

— О, тогда вы, вѣрно, Янъ Гульдтъ, который тогда на пристани въ Бланкенезе выругалъ Гольмана?

И еще разъ быстро взглянувъ на него, она сказала неувѣренно, такъ какъ его странное смѣлое лицо смутило ее:

— Карлъ Крегеръ всегда присылаетъ мнѣ открытыя письма съ видами.

— Вотъ какъ,—сказалъ онъ вѣжливѣе.—Я читалъ ваши открытки. Вы—Ева Геттъ...

— Когда онъ лѣтомъ пріѣзжаетъ сюда, мы катаемся вмѣстѣ,—сказала она,—на этой лодкѣ, которая принадлежитъ намъ обоимъ.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ.—Вы приходитесь родственницей корабельному мастеру?

— Нѣтъ,—сказала она,—мои родители живутъ тамъ!—она указала кистью на сосѣдній домъ.—Мой отецъ былъ прежде капитаномъ на суднѣ, плававшемъ въ Китаѣ; теперь онъ живетъ на свой капиталъ. Но я въ дружбѣ съ корабельнымъ мастеромъ Бруномъ.

— Вотъ какъ!—насмѣшливо сказалъ онъ, поглядывая то на большую дверь мастерской, то на нее. Ея видъ вызывалъ въ немъ странное чувство удовольствія, смѣшаннаго съ гнѣвомъ. Онъ сердился на нее за то, что долженъ былъ стоять передъ ней, почти какъ проситель. Вѣтеръ опять подулъ, и ея платье и волосы опять стали развѣваться.

— Вы можете еще улетѣть,—сказалъ онъ.—Держитесь крѣпче за банку съ краской.

Она, не переставая усердно водить кистью по борту лодки, посмотрѣла на него, замѣтила удовольствіе, выражавшееся въ его глазахъ, и къ горлу ея подступило легкое, тревожное чувство счастья. Тѣмъ не менѣе она сказала насмѣшливо:

— Я все-таки думаю, что вы будете настолько вѣжливы, что не дадите мнѣ улетѣть.

— Летите, хоть черезъ всѣ трубы,—гнѣвно сказалъ онъ,—до самаго эцерскаго болота.

Она отвѣтила ядовито и въ то же время какъ-будто нащупывая почву:

— Карлъ Крегеръ и техники, съ которыми я всегда катаюсь лѣтомъ, любезнѣе васъ, это я должна признать.

И она исподлобья сверкнула на него своими зеленоватыми глазами.

Сверху послышались шаги, и на площадку медленно и степенно спустился корабельный мастеръ, вышедшій взглянуть на какую-то лодку.

— Сосѣдъ Брунъ, — сказала она, — представьте себѣ, вотъ этотъ человѣкъ, одинъ изъ бланкенезскихъ Гульдтовъ, потерялъ всѣ свои деньги; у него украли ихъ изъ сундука. Они, правда, иногда страшно лгутъ, особенно сначала, когда только возвращаются изъ плаванія; но Карлъ Крегеръ свидѣтель, что это правда. Теперь онъ хочетъ посѣщать школу, и ему негдѣ обѣдать; онъ хотѣлъ бы работать здѣсь, въ верфи, за обѣдъ и ужинъ. Мнѣ кажется, что вы должны это сдѣлать; вѣдь, онъ можетъ скрести и смолить полъ. Посмотрите только на него, онъ уже давно не ѣлъ.

Янъ Гульдтъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и бро-

силъ ей такой взглядъ, какъ-будто хотѣлъ ее убить.

Корабельный мастеръ, улыбаясь, пошелъ съ нимъ наверхъ, разспросилъ его обо всемъ и сказалъ, что онъ можетъ попробовать работать на верфи, обѣдъ и ужинъ себѣ онъ, навѣрно, заработаетъ. Онъ предложилъ Яну Гульдту придти опять сейчасъ же послѣ школы и вернулся обратно въ свою мастерскую.

Янъ Гульдтъ сошелъ внизъ, чтобы вернуться къ своей скамьѣ и своимъ книгамъ. Проходя мимо жестянки съ краской, онъ остановился, толкнулъ ее такъ, что она отлетѣла въ сторону, и проворчалъ маленькой сѣренькой дѣвушкѣ, что если она еще когда-нибудь вздумаетъ дѣлать такія наглыя замѣчанія, когда онъ будетъ здѣсь работать, онъ надеретъ ей уши.

Она схватила своими замерзшими красными руками жестянку и спрятала ее. Затѣмъ немного огорченно, но съ довольнымъ смѣхомъ сказала:

— Я хотѣла кончить до школы, теперь изъ этого ничего не выйдетъ; но зато я позабавилась.

И она злобно и весело кивнула ему головой.

Онъ опять посмотрѣлъ на нее съ гнѣвомъ и удовольствіемъ, осмотрѣлся вокругъ, нѣтъ ли кого-нибудь по близости, нагнулся, вырвалъ у нея изъ рукъ кисть, схватилъ ее за волосы и мазнулъ кистью по носу.

Она серьезно испугалась, такъ какъ увидѣла вспыхнувшій въ немъ гнѣвъ и не была увѣрена,—чѣмъ все это кончится. Но когда [illegible] что онъ держитъ ее крѣпко.

но осторожно, прикосновеніе его руки къ волосамъ вызвало въ ней странно пріятное чувство. Она радостно засмѣялась, стала тереть свой носъ и бранить его. Но онъ былъ уже далеко.

Съ этихъ поръ ночью онъ спалъ на скамьѣ подъ окномъ, вставалъ въ четыре часа утра, тутъ же, на томъ же мѣстѣ, гдѣ спалъ, приготовлялъ уроки, затѣмъ шелъ въ школу, а оттуда—въ верфь, откуда часто только поздно вечеромъ поднимался къ заржавленной старой пушкѣ.

Случилось такъ, что въ это время ни одного изъ его прежнихъ товарищей по плаванію не было дома, ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ школы; съ рабочими же на верфи онъ не сближался, такъ какъ у него не было съ ними ничего общаго. Поэтому онъ чувствовалъ себя очень одинокимъ, и у него была только одна радость, которая ему самому казалась странной и удивляла его. Радость эта заключалась въ томъ, что онъ по нѣсколько разъ въ день могъ поворачивать голову къ худой, сѣрой дѣвушкѣ, которая пробиралась по песку къ своей лодкѣ и всегда какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ растрепалъ ей волосы, молча поднимала глаза и бросала на него долгій взглядъ. Она, казалось, оставалась въ школѣ очень недолго, очень мало времени тратила на ѣду и питье, еще меньше — на приготовленіе уроковъ. Ее вѣчно можно было увидѣть въ ея лодкѣ на рѣкѣ, иногда одну, но большей частью со всевозможной шумной молодежью, среди которой она играла нѣчто въ родѣ роли атамана.

Большое затрудненіе для него заключалось въ томъ, что въ воскресенье у него не было ни обѣда, ни ужина. Старухѣ въ домикѣ у пушки онъ сказалъ, что проводитъ воскресенье всегда у одного пріятеля; а корабельный мастеръ, очевидно, не думалъ, что его денежныя дѣла на столько плохи, и не приглашалъ его. Такимъ образомъ, онъ днемъ и вечеромъ слонялся среди сотенъ людей, наполнявшихъ берегъ, и убивалъ время и заглушалъ голодъ, наблюдая за дѣтьми, игравшими на пескѣ. Утро кое-какъ проходило. Но когда въ четыре часа они всѣ вытаскивали изъ кармановъ свой хлѣбъ и погружали свои личики въ широкіе ломти его, онъ уходилъ внизъ по теченію, къ Винштедтену, садился тамъ на опрокинутый баркасъ и отломивъ отъ ивы вѣтку, равномѣрно и, гнѣвно ударялъ ею по песку у своихъ ногъ.

Такъ какъ у него не было денегъ, чтобы купить себѣ галстухъ, старуха подарила ему красивый, красный шелковый шарфикъ, который она получила отъ своего мужа, бывшаго когда-то могильщикомъ въ Оттензенѣ. Однажды, вскапывая какую-то могилу, онъ нашелъ въ ней гробъ стараго сенатора, который при жизни былъ щеголеватымъ холостякомъ и до самой смерти оставался большимъ сердцеѣдомъ. Гробъ весь сгнилъ и раскрылся; могильщикъ увидѣлъ соблазнительный, красный шелковый шарфикъ, нисколько не испортившійся отъ сорокалѣтняго лежанія въ могилѣ и подумалъ: «На что теперь сенатору, отъ котораго остались однѣ кости, этотъ красивый шелковый галстухъ?» И онъ при-

несъ шарфикъ домой. Она кончиками пальцевъ разгладила его, но носить не захотѣла и мужъ ея тоже не могъ заставить себя сдѣлать это. Янъ Гульдтъ, не боявшійся самого чорта, очень обрадовался шарфику. И теперь веселый шелковый шарфикъ стараго сенатора, украшенный маленькими незабудками, вышитыми на красивыхъ широкихъ поляхъ, развѣвался на смуглой шеѣ Яна Гульдта и двигался при каждомъ шагѣ его по песку. При каждомъ порывѣ вѣтра онъ легко и нѣжно касался его начинавшихъ покрываться пушкомъ щекъ, за которыми текла горячая кровь.

Въ шестое или седьмое воскресенье, когда онъ въ четыре часа опять спустился въ Винштедтенъ, маленькая Ева Геттъ, всегда слѣдившая за нимъ своими быстрыми глазами, поняла, какъ обстоитъ съ нимъ дѣло. Она взяла нѣсколько бутербродовъ, сѣла на маленькую шлюпку и, глубоко, прерывисто дыша, тихо поплыла вслѣдъ за нимъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сѣлъ въ лодку, она причалила; вышла изъ шлюпки, медленно взобралась, перепрыгивая съ камня на камень, наверхъ, остановилась и стала смотрѣть на него.

Онъ въ этотъ моментъ какъ разъ представлялъ себѣ, какъ онъ, когда будетъ капитаномъ, каждое воскресенье будетъ заказывать на обѣдъ гороховый супъ съ саломъ, и съ сосредоточенными, гнѣвными глазами ударялъ по сухому жесткому песку. Вдругъ онъ услышалъ ея шаги и увидѣлъ, что она стоитъ и смотритъ на него. Онъ сердито вскочилъ

— Что вамъ нужно?—сказалъ онъ. — Чего

вы таращите на меня глаза? Что я, какой-нибудь диковинный звѣрь отъ Гагенбека?

Она, какъ дитя своей страны, и сама человѣкъ съ причудами, привыкла къ причудливымъ людямъ и къ медленному развитію событій. Поэтому она продолжала спокойно стоять и ждать. Но такъ какъ онъ только изрѣдка поглядывалъ на нее, и дѣло не подвигалось впередъ, она пристально посмотрѣла на одну изъ свай, толкнула ее и сказала довольно громко:

— Спроси меня: что ты ѣла сегодня за обѣдомъ?.. Что я ѣла? Пирогъ съ черникой, такой вкусный...

Она еще разъ толкнула старую сваю и сказала:

— Спроси меня, что ты хочешь ѣсть сегодня вечеромъ? Что я хочу ѣсть? Яйца и хлѣбъ съ масломъ.

И она замолчала и посмотрѣла на него.

Онъ подумалъ, что она издѣвается надъ его голодомъ, въ дикомъ гнѣвѣ вскочилъ и бросился къ ней. Она хотѣла убѣжать, но поскользнулась на камняхъ передъ самой лодкой и упала. Она лежала, заслоняя своей худой рукой голову, такъ какъ ждала, что сейчасъ на нее посыпятся удары, и съ отчаяніемъ и любовью смотрѣла на него.

Тогда онъ понялъ, въ чемъ тутъ дѣло, и по всему его тѣлу разлилось ощущеніе блаженства. Онъ неувѣренно сказалъ:

— Послушай... Чего жъ ты хочешь?

Она сейчасъ же оправилась отъ испуга; смущенная его взглядомъ, она растерянно и умоляюще посмотрѣла на него и сказала:

— Я не могу видѣть, что вамъ нечего ѣсть.

И, не вставая съ колѣнъ, она сунула руку въ лодку, вытащила плохо завернутый въ бумагу хлѣбъ и сказала:

— Я принесла вамъ это.

Онъ покраснѣлъ до корней своихъ рыжеватыхъ волосъ и мрачно воскликнулъ:

— Этого я не могу! Не могу! Неужели ты не понимаешь? Ты хочешь, чтобы я позволилъ тебѣ кормить себя? Убирайся! Садись и уѣзжай!

И онъ бросилъ якорь въ ея шлюпку.

Она опустила руку съ хлѣбомъ и растерянно сказала.

— Почему вы не можете? Вѣдь, вы принимаете дружбу толстой старой женщины, которая къ тому же еще грязнуха... Почему же вы не хотите принять ее отъ меня?

Онъ сначала не хотѣлъ отвѣчать. Онъ только молча дѣлалъ ей знакъ, чтобы она сѣла въ шлюпку. Но она продолжала стоять и смотрѣть на него съ дрожащими губами и полными слезъ глазами. Тогда онъ яростно набросился на нее и сказалъ съ сверкающими глазами, бѣснуясь отъ стыда и сознанія своего позора.

— А что, если ты будешь потомъ моей женой? Какъ я могу позволить тебѣ кормить себя? Могу я позволить тебѣ кормить себя, точно ворону со сломаннымъ крыломъ? Могу я это позволить, глупая ты! Убирайся!

Тогда она медленно и нерѣшительно, прислушиваясь къ странному сладостному звону и пѣнію въ своемъ сердцѣ, вошла въ шлюпку и взялась за весла. Когда они уже были у

нея въ рукахъ, и она хотѣла оттолкнуться отъ берега, въ ней вспыхнуло горячее желаніе посмотрѣть на него. Но отъ стыда и робости она никакъ не могла поднять глаза. Она отчалила, полная смущенія и страннаго блаженства.

Онъ стоялъ и мрачно смотрѣлъ ей вслѣдъ. Что за фантазіи приходятъ въ голову этой дѣвушкѣ? Это не годится. Это не подходящее начало для совмѣстной жизни. Дать кормить себя, какъ ворону, сломавшую себѣ крыло? Или какъ маленькую желтую канарейку? И онъ кивнулъ ей вслѣдъ и сказалъ:

— Ужъ потомъ я ей покажу, какъ полагается.

Съ этого дня они за все лѣто не обмѣнялись ни словомъ и только взглядомъ искали другъ друга; да и то только тогда, когда знали, что другой этого не замѣтитъ. Они плели одинъ вокругъ другого дивную паутину изъ вѣры, ожиданія и надежды и все глубже погружались въ ту пламенную фантастическую любовь, на которую обречены тѣ, кто любитъ другъ друга съ сильной страстью, но вслѣдствіе своего цѣломудрія, робости и слишкомъ серьезнаго отношенія не могутъ дать этой страсти выхода.

Убѣдительная просьба книгу
при чтеніи непрегибать
и листовъ не загибать

VI.

Такъ прошло это тяжелое время, и въ одну субботу, въ сентябрѣ, онъ выдержалъ штурманскій экзаменъ. Онъ сейчасъ же пошелъ въ гавань, поручилъ знакомому трактирщику найти ему мѣсто, великолѣпно проспалъ ночь

на старой скамьѣ и утромъ въ воскресенье всталъ съ мыслью, отъ которой въ послѣдніе полгода каждый день такъ сильно билось его сердце: сегодня онъ поѣдетъ съ ней кататься. Совсѣмъ одинъ съ ней! Онъ будетъ управлять рулемъ и шкотомъ, а она будетъ сидѣть рядомъ съ нимъ и держать фокъ, и при этомъ они будутъ смотрѣть другъ на друга и разсказывать другъ другу свою жизнь. Онъ рѣшилъ, что пойдетъ на берегъ совсѣмъ рано, когда ея штата, этихъ гадкихъ подростковъ еще не будетъ. Она же вставала очень рано, и ее всегда можно было найти рано утромъ на берегу у ея лодки.

Но когда онъ съ непромокаемой курткой подъ мышкой, такъ какъ накрапывалъ дождь, вышелъ изъ дому, онъ увидѣлъ Карла Крегера, шедшаго ему навстрѣчу. На немъ былъ старый плохой костюмъ, а на уши была надвинута старая, помятая шапка. Онъ закричалъ еще издали:

— Ева Геттъ разсказала мнѣ все! Почему ты не попросилъ денегъ у моей матери? Она, навѣрно, дала бы тебѣ! Ну... довольно объ этомъ! Мы съ компаніей идемъ сейчасъ подъ парусомъ въ Шулау, и ты съ нами.

Они пошли вмѣстѣ, осыпая другъ друга вопросами. Когда они пришли на берегъ, она уже стояла тамъ въ старомъ, совсѣмъ затвердѣвшемъ черномъ дождевомъ плащѣ, который при каждомъ порывѣ вѣтра грохоталъ, какъ сыплющаяся груда каменнаго угля; на ея бѣлокурыхъ волосахъ была старая войлочная шляпа. Лицо у нея по обыкновенію было немного застывшее и прозрачное. Она осыпала

сердитой бранью какой-то баркасъ, который отказывался послать ей шлюпку; оттуда отвѣчали громкими насмѣшками, доносившимися сквозь шумъ вѣтра и хлюпанье парусовъ. Со всѣхъ сторонъ плясали на буйкахъ лодки, и всѣ они были биткомъ набиты шумной молодежью. Дальше, тамъ, гдѣ рѣка волновалась сильнѣе и отливала яркой холодной синевой, лавировало нѣсколько шхунъ съ темными парусами. Когда ихъ кренило подъ порывомъ вѣтра, вода заливала ихъ палубы; когда же онѣ медленно выравнивались, она широкимъ, сверкающимъ водопадомъ снова сбѣгала внизъ. У Ницштедтена показался красивый сѣрый океанскій пароходъ и, мощно возвышаясь своей громадой надъ волнами, сталъ медленно приближаться. Несмотря на накрапывающій прямой дождь, было прекрасное свѣтлое осеннее утро.

Подошла шлюпка и подвезла ихъ къ большой парусной лодкѣ. Карлъ Крегеръ, совладѣлецъ ея, сейчасъ же принялся хлопотать: что-то искалъ, что-то прилаживалъ, что-то исправлялъ, все время ворча себѣ подъ носъ, что все, что попадетъ въ руки къ бабѣ, приходитъ въ безпорядокъ. Она въ это время прятала хлѣбъ и молоко въ кормѣ и хохотала. Янъ Гульдтъ возился у кливеровъ. Когда работа была окончена, они остались на тѣхъ же мѣстахъ, стараясь держаться какъ можно дальше другъ отъ друга и не глядя другъ на друга. И въ то же время робѣли и чувствовали себя счастливыми оттого, что были такъ близко другъ другу.

На берегу появились два человѣка въ бе-

зобразныхъ старыхъ курткахъ, со старыми синими фуражками на головѣ; одинъ былъ необыкновенно высокаго роста, другой широкоплечій и коренастый. Они громко звали и кричали. Она въ одно мгновеніе очутилась въ шлюпкѣ и стала грести къ берегу.

Онъ, нахмурившись, посмотрѣлъ ей въ слѣдъ и спросилъ:

— Кто это такіе?

— Техники,—сказалъ Карлъ Крегеръ.— Они на Пасху оставили гимназію и работаютъ теперь практически въ верфи. Высокій колотитъ изо всѣхъ силъ и при томъ немножко безтолково своими большими руками и много болтаетъ; мы называемъ его «Километръ». Но онъ славный парень. Другой, маленькій, всегда очень благоразуменъ и любитъ порядокъ, поэтому мы зовемъ его «Маэстро». Маленькую кругленькую дѣвушку, которая теперь плетется къ берегу, мы прозвали «Баржа». Она учительница или что-то въ этомъ родѣ. Славная дѣвушка.

— У тебя всѣ славные,—сказалъ Янъ Гульдтъ,—кромѣ Евы Геттъ. Почему ты такъ неласковъ съ ней?

— Я?!—сказалъ Карлъ Крегеръ, изумленно глядя на Яна Гульдта,—неласковъ? Ты уже ѣздилъ когда-нибудь съ ней?.. Ну, такъ ты не знаешь, что она такое!.. Мы не ласковы съ ней? Мы всѣ любимъ ее, а обращаемся мы съ ней такъ потому, что иначе съ ней обращаться нельзя. Ты самъ увидишь.

Новоприбывшіе подъѣхали къ лодкѣ и были представлены такъ, какъ ихъ раньше назвалъ Карлъ Крегеръ.

Можно было трогаться въ путь. Шесть лодокъ вокругъ накренились одинаково на бокъ. Вода клокотала у носа и съ шумомъ бѣжала вдоль бортовъ. Зазвучала пѣсня, то заглушаемая вѣтромъ и хлопаньемъ парусовъ, то громко носившаяся надъ водой.

Маленькій «Маэстро» завѣдывалъ кливерами. «Километръ» сидѣлъ въ срединѣ и выливалъ набиравшуюся воду ковшомъ, который въ его рукѣ казался деревянной ложкой. Карлъ Крегеръ стоялъ у руля и шкота. Янъ Гульдтъ, сидя рядомъ съ нимъ, отъ времени до времени дѣлалъ какое-нибудь безразличное замѣчаніе и поглядывалъ украдкой на Еву Геттъ.

Она сидѣла рядомъ съ «Километромъ»; старую войлочную шляпу она сняла, свѣтлыя пряди развѣвались надъ остальной массой бѣлокурыхъ волосъ, а глаза отливали яснымъ, темно-зеленымъ блескомъ. Она вынула нитки и иглу и принялась зашивать «Километру» порванный рукавъ. Это мирное занятіе продолжалось недолго. Такъ какъ они отъ времени до времени должны были поворачивать, и всѣмъ приходилось пересаживаться подъ реей съ борта на бортъ, то скоро великанъ закричалъ подъ иголкой, увѣряя, что она уколола его. Онъ заявилъ, что вѣчно повторяется одна и та же исторія: сначала она притворяется заботливой и жалостливой, отчего онъ и размякаетъ, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ матери, но потомъ она всегда злоупотребляетъ его добродушіемъ и пришиваетъ ему куртку прямо къ кожѣ. Онъ громко закричалъ, чтобы она бросила шить, и сталъ биться на ниткѣ, какъ огромная рыба. Карлъ Крегеръ бранился,

что его безпокоятъ. Маленькая «Баржа» смѣялась такъ сильно и искренно, что казалось, будто ей нехорошо. Маленькій, бравый Маэстро сказалъ съ серьезнымъ спокойнымъ порицаніемъ:

— Ты опять принимаешься за свои штуки, Ева Геттъ! Пора бы тебѣ уже оставить ихъ!

Она принялась горячо защищаться: можетъ-ли она позволить ходить въ такомъ видѣ человѣку, который и такъ пугаетъ своими размѣрами всѣхъ дѣтей? И можно-ли шить какъ слѣдуетъ, когда у руля сидитъ такой чурбанъ, какъ Карлъ Крегеръ? Пусть бы дали руль ей!

Они всѣ подняли руки кверху и посмотрѣли другъ на друга такъ, какъ будто теперь она заговорила, совсѣмъ какъ безумная.

— Боже сохрани, это мы пробовали нѣсколько разъ! Больше мы этого не сдѣлаемъ никогда! Никогда! Только не это! Если ты хочешь что-нибудь дѣлать, то держи свой хорошенькій носикъ наискось, чтобы мы перегнали вотъ эту сизую чайку, которая опять хочетъ перехватить у насъ вѣтеръ.

И они всѣ принялись браниться и изливать свой гнѣвъ на сизую чайку, которая въ самомъ дѣлѣ перехватила у нихъ вѣтеръ, такъ что лодка завертѣлась.

Среди всей этой суеты и возни Ева всегда находила случай мимоходомъ взглянуть на Яна, такъ незамѣтно и застѣнчиво и при этомъ такъ мило и любовно, что по кожѣ у него пробѣгалъ огонь и рвался изъ его глазъ.

«Километръ», наблюдавшій за ней, былъ единственнымъ, замѣтившимъ кое-что.

— Что это сегодня съ дѣвочкой?—грозно

сказалъ онъ.—У нея сегодня какъ будто совсѣмъ другіе глаза? Почему это она сегодня такая хорошенькая? Отчего она вдругъ застыдилась? Отчего она краснѣетъ?

И, размахивая руками, онъ грозно обрушился на нее голосомъ, который отдавался эхомъ высоко въ воздухѣ:

— Ты что затѣяла, чертовка? Ты хочешь разыграть сирену? Одинъ взмахъ моей руки, и ты взлетишь на Мюленбергъ, и будешь обезврежена! Оттуда твой пискливый голосокъ не будетъ слышенъ и твои зеленые глаза не будутъ видны.

Она осмотрѣла своихъ обоихъ противниковъ съ головы до ногъ, точно ища ихъ слабыхъ мѣстъ, и начала дѣлать язвительныя замѣчанія на ихъ счетъ. Особенно язвила она по поводу ихъ загорѣлыхъ, покрытыхъ рубцами рукъ. Она утверждала, что они нарочно попадаютъ молотомъ не туда, куда слѣдуетъ, а на свои собственные суставы и пальцы, чтобы производить своими рубцами впечатлѣніе настоящихъ рабочихъ. Въ дѣйствительности же они всѣмъ только мѣшаютъ, и одинъ рабочій сказалъ ей, что маленькій Маэстро, благодаря своей манерѣ такъ прямо держаться, служитъ имъ иногда отвѣсомъ, а большой «Километръ» перемычкой.

Маленькій Маэстро опять спокойно посовѣтовалъ ей не терять окончательно разсудка, на что въ отвѣтъ она бросила ему на ноги ковшъ. Тогда ихъ терпѣніе истощилось. Маленькій Маэстро сжалъ ей кисти рукъ, чтобы она, какъ онъ выразился, получила понятіе о томъ, что такое тиски, а «Километръ» свя-

залъ ихъ веревкой и держалъ ее за эту веревку, какъ держатъ упрямаго теленка.

Она обратилась за помощью къ Карлу Крегеру, но онъ сказалъ, что такъ ей и слѣдуетъ. Она бросила взглядъ на Яна Гульдта; но онъ случайно смотрѣлъ въ воду. Тогда она стала просить молодыхъ людей: она не можетъ сидѣть такъ тихо, она замерзнетъ до смерти, они должны ее выпустить. Они не повѣрили ей и сказали:

— Мы отлично знаемъ тебя; мы знаемъ, что твои глаза, когда тебѣ въ самомъ дѣлѣ холодно, становятся синими; но теперь они еще зеленые. Итакъ, покорись и оставь свою болтовню: все равно, она тебѣ не поможетъ.

Черезъ нѣсколько времени она опять умильнымъ голосомъ стала просить ихъ выпустить ее. Они немножко забезпокоились и сказали:

— Это правда, твои щеки такъ прозрачны. что можно сквозь нихъ видѣть, что дѣлается на томъ берегу, но мы все-таки не вѣримъ тебѣ. Ты всегда обманываешь насъ и, когда это тебѣ удается, еще смѣешься надъ нами. Намъ это не легко, но мы должны быть суровы съ тобой; твои родители были съ тобой всегда слишкомъ мягки.

Но когда она подъ конецъ стала утверждать, что уже чувствуетъ, какъ ея сердце бьется медленнѣе и тише, и въ то же время подняла кверху брови, такъ что онѣ стали надъ глазами, какъ высокія, трепетныя дуги, они отвязали ее. Она тихо и благонравно усѣлась у руля, возлѣ Карла Крюгера, и время отъ времени, точно въ забытьи устремля-

ла на Яна Гульдта свои блестящіе зеленые глаза.

Но это продолжалось недолго. Скоро ея рука очутилась на рулѣ рядомъ съ рукой Карла Крегера. А черезъ нѣсколько минутъ она медленно и увѣренно столкнула руку Карла Крегера съ руля. А еще черезъ нѣсколько минутъ, такъ какъ ему необходимо было набить свою трубку, у нея въ рукѣ очутился и шкотъ.

Они видѣли это всѣ. Они знали также всѣ, что это была опасная, больше того, чудовищная вещь. Но что они могли сдѣлать? Разъ Карлъ Крегеръ беретъ отвѣтственность на себя? Это исключительно его дѣло! Имъ что до этого.

Нѣсколько времени все шло хорошо. Но вдругъ ни съ того, ни съ сего она повернула лодку и вѣтеръ захлестнулъ паруса. Въ то же мгновеніе лодка накренилась и наполнилась водой. И только благодаря присутствію духа Карла Крегера, который вырвалъ шкотъ у нея изъ рукъ, и вѣсу «Километра», который, схватившись руками за ванты, перегнулся всей огромной верхней частью туловища за бортъ, лодка опять стала прямо.

Они шумѣли и бранились, какъ старые моряки. Мужчины сейчасъ же принялись отливать воду; они были всѣ согласны въ томъ, что больше они не могутъ держать у себя на суднѣ такого человѣка. Они произносили какія-то зловѣщія, темныя слова, изъ которыхъ можно было понять, что, какъ только они доберутся до берега, они сейчасъ же разорвутъ грѣшницу на куски и предадутъ сожже-

нію. Маленькая «Баржа» сидѣла и, согнувшись глядя мокрыми отъ слезъ глазами на «Километра», который кричалъ длинныя всѣхъ, вращалъ глазами и протягивалъ большія руки къ берегу, гдѣ долженъ былъ состояться судъ, беззвучно и неудержимо задыхалась отъ хохота.

Грѣшница, гнѣвно обведя всѣхъ своими большими глазами, сказала:

— Зачѣмъ Карлъ Крегеръ далъ мнѣ руль, а потомъ еще и шкотъ? Онъ прямо съ ума сошелъ. Кто изъ насъ виноватъ, онъ или я? Вамъ хочется, чтобы я сдѣлала это, и вы не можете успокоиться, прежде чѣмъ это не случится!

Они покачали головами, и Маэстро спокойно и разсудительно сказалъ:

— Ты всегда вела себя плохо, Ева Геттъ но сегодня ты ведешь себя прямо безбожно. Я знаю, что говорю. Но мы посмотримъ, въ чемъ тутъ дѣло. Можетъ быть, ты влюблена? Можетъ быть, ты больна? Но мы не можемъ считаться съ этимъ; мы накажемъ тебя, какъ то предпишетъ намъ наша совѣсть.

Они повернули къ берегу. Волна вынесла ихъ на песокъ подъ крутой откосъ.

«Километръ» вышелъ, взялъ Еву Геттъ, которая сейчасъ же обхватила руками его шею, забралъ съ собой еще всевозможныя мокрыя паруса и корзину съ провизіей, и перешелъ со всѣмъ этимъ грузомъ на сухое мѣсто.

— Ты влюблена?—кричалъ онъ.—Спасай свою жизнь и скажи, что ты влюблена въ меня!

Но она хохотала у его шеи и качала голо-

вой, вперивъ свои глаза въ глаза Яна Гульдта, которые блаженно смѣялись.

Они нашли мѣсто, гдѣ можно было, держась за кусты, вскарабкаться наверхъ. Со всевозможными шалостями и чудовищнымъ гамомъ взобрались они на откосъ, разложили на недоступной обвѣтренной вершинѣ въ маленькой котловинѣ, обсаженной молодыми дубками и елями, свои припасы и принялись за ѣду.

Сначала они ѣли довольно мирно, но, когда первый голодъ былъ утоленъ, маленькій Маэстро началъ допросъ. Глубоко переведя дыханіе, что, очевидно, полагалось въ началѣ такихъ засѣданій, онъ своимъ серьезнымъ груднымъ голосомъ спросилъ:—какъ это она дошла до того, что чуть не перевернула лодку? Знать это — чрезвычайно важно. Она, вѣроятно, не помнитъ, что съ ней происходило въ тотъ моментъ?

Она весело обвела всѣхъ своими быстрыми глазами, повидимому, очень довольная тѣмъ, что всѣ были заняты ею, и сказала:

— Я отлично помню. Я увидѣла, что «Километръ» вытянулъ свои ноги во всю лодку, и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ онъ подберетъ ихъ, если лодка вдругъ перевернется. Это было очень смѣшно. Что же въ этомъ такого? Мы всѣ умѣемъ плавать, къ тому же по близости было пять лодокъ.

— Ты совершенно права,—сказалъ онъ серьезнымъ и ласковымъ тономъ, за которымъ скрывалась насмѣшка.—Что въ этомъ такого? Мы немножко промокли и потеряли нашъ прекрасный новый ковшъ.

Она сказала:

— Его укралъ «Километръ».

— Замолчи! — мрачно сказалъ онъ, — ты говоришь глупости! Ты знаешь, что позволяется брать руль, ковши, уключины, лишніе канаты и тому подобное; можно взять даже цѣлую шлюпку, если только сумѣешь скрыть слѣды. Но изъ шалости опрокинуть лодку—это непозволительно. Этого не дѣлаютъ, Ева Геттъ! Можно управлять парусомъ; можно управлять рѣшительно, можно управлять смѣло; можно даже перевернуть лодку, если наступитъ моментъ страсти. Но нельзя управлять спустя рукава; нельзя управлять невѣрно и нельзя опрокидывать лодку изъ шалости. Подумай минуту и скажи: какъ это желаніе возникло въ твоей душѣ? Что зашевелилось въ твоемъ мозгу прежде всего? Желаніе, говоришь ты, посмотрѣть, какъ «Километръ» подберетъ свои ноги?

— Да, — сказала она увѣренно, глядя на него. — Это точь-въ-точь какъ со старой мышеловкой у насъ дома.

Они всѣ открыли рты. «Километръ» хрипло вскрикнулъ.

— Тише, — съ страданіемъ сказалъ маленькій Маэстро. — Говори дальше, Ева Геттъ! Попробуй объяснить намъ, какое сходство можно усмотрѣть между твоимъ безобразнымъ поступкомъ и вашей старой мышеловкой.

Она осмотрѣла всѣхъ и сказала:

— Когда я вечеромъ ставлю мышеловку, она большей частью захлопывается сама, безъ всякой причины, иногда черезъ полчаса, иногда среди ночи. Такъ и во мнѣ что-то захлопы-

вается, вдругъ, безъ причины, иногда въ одно время, иногда въ другое.

Они всѣ кивнули съ понимающимъ видомъ, точно говоря:

— Такъ мы и думали!

Маленькій Маэстро поднялъ руку, требуя тишины.

— Итакъ, ты хочешь сказать, что это что-то совершенно необъяснимое, что-то мистическое, это исходитъ изъ тѣхъ темныхъ глубинъ, которыя кишатъ духами и чудовищами, какъ въ Беовульфѣ, который когда-то былъ страшилищемъ этихъ мѣстъ.

Не знавшій ничего о Беовульфѣ, Янъ Гульдтъ вдругъ горячо сказалъ:

— Конечно, это исходитъ изъ глубинъ, изъ глубинъ ея рода. Я хочу сказать, что это въ ней отъ ея предковъ.

Они всѣ посмотрѣли на него, изумленные тѣмъ, что онъ вмѣшивается въ это серьезное разбирательство, которое было привиллегіей Маэстро. Приводило ихъ въ изумленіе и его лицо, въ которомъ сіяла самая свѣтлая доброта. Ева Геттъ тоже посмотрѣла на него и подумала въ порывѣ счастья:

— Милый, милый, чудный!

— Какъ это отъ предковъ?—спросили всѣ.

— Да,—съ радостнымъ смѣхомъ отвѣтилъ онъ.—Она, конечно, унаслѣдовала свой характеръ отъ своихъ предковъ. Ея родители или родители ея родителей или еще болѣе отдаленные предки, навѣрно, были одинокими и причудливыми людьми. Имъ приходилось цѣлыя недѣли проводить въ одиночествѣ на рыболовной шкунѣ въ Сѣверномъ морѣ. И

очень можетъ быть, что одинъ изъ нихъ клалъ въ своей каютѣ на столъ мертвую камбалу и строилъ надгробный памятникъ надъ нею изъ черствыхъ лепешекъ, которыя дала ему съ собой жена, и памятникъ тотъ, къ его удивленію, все снова разваливался. Его жена въ это время лежала дома одна въ кровати, и можетъ быть, у нея появилась привычка бросаться на всѣ четыре стороны и при этомъ каждый разъ спрашивать: «А гдѣ же пятая?» И такъ далѣе. Несомнѣнно, что она происходитъ отъ людей такого рода. Эти видно по ней.

— Теперь вы видите,—съ важностью сказала она,—что я совсѣмъ не виновата.

— Это все-таки не совсѣмъ такъ,—горячо, съ веселымъ гнѣвомъ сказалъ онъ.—Она обязана каждый разъ, какъ предки поднимаютъ въ ней сѣдовласую голову, подавлять ихъ причудливую волю. Если горшокъ собирается закипѣть, она должна сказать: стопъ! и живо принять его съ огня и поставить на холодные камни.

Она видѣла въ его глазахъ пламенную любовь, и опять всю ее охватило блаженство, и ея маленькая горячая душа пришла въ такое смятеніе, что она взялась за голову руками, которыя подняла, чтобы откинуть волосы со лба, и застыла такъ, точно граціозная маленькая ваза съ ручками. И, сидя такъ, она смотрѣла на него радостно и стыдливо.

Но «Километръ» громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Кто вѣритъ этому?

И онъ дико осмотрѣлся.

— Вѣритъ ли кто-нибудь лицу, которое она

дѣлаетъ теперь? Довольно болтать! Ея поступокъ такъ безобразенъ и насмѣшки надъ нами сегодня вечеромъ въ клубѣ будутъ такъ убійственны, что я предлагаю столкнуть ее съ этого откоса. Это вмѣстѣ съ тѣмъ явится символомъ того, что мы изгоняемъ ее изъ нашего общества и что ея мѣсто тамъ, внизу.

Она, немного испугавшись, подползла къ откосу, заглянула внизъ и увидѣла, что спускъ очень крутой, но что все-таки можно безопасно скатиться до самаго низа. Она сказала:

— Скатиться отсюда внизъ—это было бы какъ разъ подходящимъ дѣломъ для тебя, «Километръ». Ты могъ бы, наконецъ, сдѣлать нѣчто, что соотвѣтствовало бы твоему большому рту. Чтобы и онъ получилъ удовольствіе—а онъ у тебя очень падокъ на удовольствія — мы позволили бы тебѣ орать, какъ десять быковъ.

«Километръ» тоже подползъ на колѣняхъ къ краю и сказалъ:

— Здѣсь слишкомъ круто. Доберешься-то до низу живо, но въ какомъ видѣ?

Тогда они всѣ стали на колѣни у края откоса, который былъ не меньше тридцати метровъ высоты, посмотрѣли внизъ и увидѣли, что онъ весь до самаго низу былъ совершенно гладокъ.

— Здѣсь слишкомъ круто, — сказали всѣ.

Янъ Гульдтъ, который такъ часто смотрѣлъ съ высокой брамъ-стеньги на волнующееся море, и котораго всякій рискъ возбуждалъ, какъ возбуждаетъ запахъ дичи молодого охотничьяго пса, тоже посмотрѣлъ внизъ и тихо сказалъ себѣ:

— Если захотѣть, то можно спуститься!

Онъ не чувствовалъ, какъ чья-то рука мягко погладила его по рукаву. Онъ однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя куртку, съ дикой рѣшимостью откинулъ назадъ голову, поднялъ кверху, какъ руль, руки и быстро и увѣренно, роя затылкомъ песокъ, соскользнулъ внизъ и разомъ сталъ на ноги.

«Километръ» громкимъ неистовымъ голосомъ похвалилъ его. Маленькій Маэстро неодобрительно и многозначительно сказалъ:

— Онъ сказалъ Евѣ Геттъ, чтобы она сдерживала свои фантазіи, самъ же онъ даетъ имъ волю.

Карлъ Крегеръ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Онъ на все смотритъ, какъ на дѣло чести, все принимаетъ на свой счетъ и сейчасъ же забываетъ всякое благоразуміе и не знаетъ никакого удержу. Говорятъ, что его дѣдъ, который служилъ капитаномъ у Гольмановъ, тоже былъ такимъ необузданнымъ человѣкомъ.

Ева Геттъ стояла на колѣняхъ у края откоса и пожирала Яна Гульдта глазами. Она обернулась и гнѣвно сказала:

— Что вы тамъ болтаете о его дѣлѣ? Если онъ мнѣ нравится, какое вамъ до этого дѣло?

Они всѣ засмѣялись и сказали:

— Ну... кто же васъ хочетъ разлучить? Два кипящихъ горшка на одной плитѣ: вотъ-то шуму будетъ!

Онъ поднялся наверхъ немного блѣдный и холодно осмотрѣлъ всѣхъ. Дѣвушки убрали посуду, юноши занялись поисками мѣста, гдѣ можно было бы спокойно полежать и отдохнуть.

«Километръ» возвысилъ голосъ и спросилъ:

— Гдѣ ты хочешь лежать, Ева Геттъ?

Она быстро осмотрѣлась и сообразила, что если она ляжетъ возлѣ «Километра», то сможетъ все время видѣть Яна Гульдта. Тогда она лицемѣрно сказала: «Я, вѣдь, всегда охотнѣе всего лежу возлѣ тебя», и легла рядомъ съ нимъ, положивъ голову на его руку, которую онъ вытянулъ для нея.

Такъ она лежала и смотрѣла на Яна Гульдта; онъ же лежалъ, подперевъ голову рукой, и избѣгалъ смотрѣть на нее, чтобы не волновать ея и дать ей отдохнуть и заснуть. Но она и не думала о снѣ и хотѣла только одного: встрѣтить его взглядъ. Такъ какъ это ей не удавалось, то она встревожилась и стала безпокойно двигаться.

«Километръ» посмотрѣлъ сбоку на нее и опять смутно почувствовалъ какую-то перемѣну, новую свѣжую прелесть ея существа; онъ тихо и сердито сказалъ:

— Я могу переносить твою близость, если ты лежишь тихо. Если же ты шевелишься... этого я не могу перенести.

Она подумала:

— Что мнѣ до этого верзилы?

Нѣкоторое время она лежала тихо, потомъ опять зашевелилась.

Тогда онъ сказалъ во второй разъ, уже серьезнѣе:

— Ты сегодня не такая, какъ всегда, Ева Геттъ. Я ничего не имѣю противъ. Но теперь лежи тихо. Иначе произойдетъ такое, чего съ тобой еще никогда не случалось.

Она опять подумала:

— Что мнѣ за дѣло до него?

Опять она нѣсколько времени лежала тихо, затѣмъ снова зашевелилась.

Тогда онъ очень взволнованный въ третій разъ, какъ честный человѣкъ, тихо и серьезно сказалъ:

— Ева Геттъ, я не могу этого переносить; вѣдь, я человѣкъ. Лежи тихо, иначе произойдетъ что-то ужасное.

Она опять подумала:

— Что мнѣ до этого верзилы?

Нѣсколько времени она опять лежала тихо, затѣмъ снова задвигалась.

Тогда онъ согнулъ руку, на которой она лежала, притянулъ ея голову къ себѣ и поцѣловалъ ее такъ, что у нея захватило дыханіе.

Отъ неожиданности, возмущенія и дикаго гнѣва ее точно оглушило. Сердце ея перестало биться. И она тутъ же на мѣстѣ лишилась чувствъ, чего еще никогда съ ней не случалось.

Янъ Гульдтъ видѣлъ уголкомъ глаза всю эту сцену и подумалъ, что она поглядывала на него, чтобы увѣриться, что за ними никто не наблюдаетъ, и они могутъ спокойно дурачиться и цѣловаться. И ему пришло въ голову, что они дѣлаютъ это не въ первый разъ. Онъ поблѣднѣлъ и безшумно скрылся въ кустахъ, сомкнувшихся за нимъ.

Оттуда онъ бросился бѣжать. Онъ закрылъ руками глаза, приведенные въ ужасъ тѣмъ, что они увидѣли и все еще продолжали видѣть. Внѣ себя, въ ужасѣ и отчаяніи бѣжалъ онъ по свѣтлымъ песчанымъ полямъ, бѣжалъ

долго, не зная куда. Наконецъ, онъ остановился и долго сидѣлъ подъ сухой сосной, прерывисто дыша, смотрѣлъ на поле, и вся его жизнь представилась ему разбитой. Изъ глазъ его лились горячія слезы.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ пришелъ въ себя настолько, что сталъ дышать ровнѣе и огромнымъ усиліемъ воли заставилъ себя немного успокоиться.

Ему удалось взять себя въ руки и подавить свой ужасъ. Но не въ его природѣ было благоразумно разсуждать. Отъ ужаса и отчанія онъ сейчасъ же перешелъ къ необузданному гнѣву: несчастье за несчастьемъ обрушивается на него! Позоръ и бѣдность. Сиротство, одиночество и измѣна. Какъ безсмысленна вся его жизнь и какъ безсмысленно вообще все на свѣтѣ! Но онъ перенесетъ все это: человѣкъ можетъ и одинъ прожить свою жизнь и поступать правильно и настаивать на своемъ правѣ, все равно, помогаютъ-ли ему люди или Богъ, или нѣтъ.

Онъ еще долго блуждалъ по высокому сухому полю, ходилъ отъ холма къ холму, подходилъ къ группамъ елей, прижималъ руки къ груди, чтобы заставить себя дышать спокойнѣе, и все больше выпрямлялся внутренно, какъ выпрямлялись надъ сухой песчаной землей деревья, среди которыхъ онъ стоялъ. Уже смеркалось, когда онъ добрался до Эвельгенне и вошелъ въ домъ старухи.

Когда онъ переступилъ порогъ низкой комнаты, въ которой отъ высокихъ густыхъ липъ было уже темно, старая женщина сидѣла со своимъ вязаньемъ на обычномъ мѣстѣ у печи.

На скамьѣ же у окна, на которой онъ спалъ и занимался, сидѣлъ пожилой человѣкъ съ маленькой сдавленной, короткоостриженной головой и пронзительными безпокойными глазами, горѣвшими лихорадочнымъ огнемъ.

Онъ сейчасъ же понялъ, что это сынъ старухи, и удивился, что у него такой видъ. Запой нисколько не отразился на его лицѣ, не уменьшилъ его выразительности, онъ только усилилъ лихорадочный блескъ, сверкавшій въ глазахъ.

— Это онъ, — сказала старуха, обращаясь къ сыну.

Боцманъ наклонился впередъ, положилъ худую руку на край стола, тревожно-ищущими глазами заглянулъ въ глаза Яна Гульдта, взглядъ которыхъ былъ холоденъ и остеръ, какъ ножъ, и сказалъ вкрадчивымъ просящимъ голосомъ:

— Скажи-ка... тебѣ не хотѣлось бы... сдѣлать рейсъ на «Аннѣ Гольманъ»... именно на «Аннѣ Гольманъ»?

Янъ Гульдтъ очень удивился и высокомѣрнымъ тономъ спросилъ:

— Почему это?

Боцманъ провелъ рукой по краю стола, обхватилъ его такъ крѣпко, что суставы его смуглыхъ, худыхъ рукъ поблѣднѣли, и сказалъ:

— Ты только скажи, что хочешь!

Янъ Гульдтъ холодно и насмѣшливо отвѣтилъ:

— Это-то я знаю, что мнѣ стоитъ только сказать. Ваши матросы удираютъ отъ васъ при первой возможности.

Боцманъ прижался своей костлявой грудью къ столу, глаза у него выступили изъ орбитъ, и онъ хриплымъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Развѣ тебѣ не хочется проѣхаться разокъ на кораблѣ, на которомъ ѣздили твой отецъ и дѣдъ? И... послушай... въ Мадейрѣ къ намъ сядетъ пассажиръ: Гансъ Гольманъ, глава фирмы. Развѣ тебѣ не хочется поглядѣть вблизи на одного изъ Гольмановъ?

Тогда въ его глазахъ запылало пламя. Да... да! Это какъ разъ во время! Да... отомстить Гольману! Да! Что же ему дѣлать еще? У него теперь какъ разъ подходящее настроеніе!

Онъ коротко и гордо, почти ликуя, сказалъ:

— Я поѣду.

VII.

На слѣдующее утро онъ стоялъ въ залѣ матросскаго дома среди двадцати моряковъ, нанимавшихся на «Анну Гольманъ». Шелъ дождь, и въ залѣ было почти темно. Матросы, незнакомые между собой, мокрые и озябшіе, стояли молча. Это были большей частью славные, дѣльные ребята, изъ той многочисленной молодежи, которая живетъ еще равнодушно и безсознательно, безъ цѣли и честолюбія, и идетъ туда, куда ее направляетъ случай. Однимъ изъ нихъ не удалось найти сразу хорошее судно, или же они не особенно трудились надъ пріисканіемъ его; другіе были ожесточены чѣмъ-нибудь, какъ Янъ Гульдтъ; нѣкоторые же хотѣли просто проѣхаться разъ на гольмановскомъ пароходѣ, чтобы потомъ

имѣть право разсказывать о порядкахъ на немъ и бранить то, что бранила вся гавань. Они думали всѣ: «Только одинъ разъ: ужъ мы перенесемъ грязь, голодъ, лихорадку и плохое судно». Маленькій четырнадцатилѣтній юнга, стоявшій здѣсь же и обводившій всѣхъ большими вопросительными глазами, нѣсколько дней тому назадъ прибылъ изъ деревни. Его отецъ, не имѣвшій понятія о томъ, что суда бываютъ хорошія и плохія, сдалъ его на первый попавшійся пароходъ. Нѣсколько кочегаровъ и одинъ матросъ были опустившимися людьми. Всѣ они, хорошіе и дурные, получили свою записку и пошли навстрѣчу своей смерти.

Янъ Гульдтъ долженъ былъ еще взять у трактирщика свой тючекъ съ вещами; поэтому онъ отправился на берегъ позже всѣхъ, одинъ. За нимъ матросъ несъ вещи. Онъ могъ бы понести его самъ, но онъ любилъ порядокъ во всемъ и подчеркивалъ этимъ свое новое званіе штурмана. Онъ шелъ, выпрямившись, немного чопорно, какъ человѣкъ съ совершенно чистой совѣстью, идущій особенно прямымъ путемъ. Послѣ того, какъ дѣвушка такъ постыдно обманула его, и всѣ надежды этого рода были разбиты, онъ опять тихо и серьезно отдавался своему призванію. И онъ шелъ на «Анну Гольманъ», чтобы на палубѣ, на которой жили и страдали его отецъ и дѣдъ, высказать правду въ лицо одному изъ Гольмановъ.

На валу прохаживались двое мужчинъ, время отъ времени поглядывавшихъ на гавань, надъ которой клубились туманъ и дымъ.

По наружности судя, это были капитаны, можетъ быть, бросившіе свое занятіе и занимавшіеся какимъ-нибудь дѣломъ на берегу.

— Смотри, — сказалъ одинъ, — вотъ выходитъ гольмановскій пароходъ.

Другой посмотрѣлъ на рѣку, на которой въ туманѣ и дождѣ смутно выдѣлялись очертанія парохода, отвелъ глаза и, продолжая прогулку, равнодушно сказалъ:

— Онъ опять взялъ лишнихъ двѣсти тоннъ груза, а, вѣдь, это—гнилая старая коробка. Это чудо или случайность, что ужъ цѣлый годъ съ гольмановскими пароходами не было несчастій!

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на пароходъ и сказалъ.

— Если *его* застигнетъ штормъ въ Бискайскомъ заливѣ...

Янъ Гульдтъ остановился и посмотрѣлъ на пароходъ, который, сидя глубоко въ водѣ, медленно и тяжело шелъ внизъ по теченію. Отъ мутной воды и накрапывавшаго дождя, онъ казался сидящимъ еще глубже и производилъ такое впечатлѣніе, какъ-будто уже медленно погружался въ воду. На моментъ къ сердцу его подползло что-то жуткое и посмотрѣло на него вопрошающими, испуганными глазами. Не произойдетъ ли все это совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ себѣ представляетъ; не придется ли ему вмѣсто Гольмановъ имѣть дѣло съ Богомъ; не приготовлена ли ему здѣсь Богомъ страшная западня...

Волосы на головѣ у него стали дыбомъ. Но онъ сейчасъ же отбросилъ все это далеко отъ себя. Развѣ его дѣло не право и чисто?

Развѣ онъ идетъ не прямыми путями? Такъ какъ же они могутъ привести его къ плохому концу? Онъ хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ это можетъ случиться?

Онъ сѣлъ въ шлюпку. Яличникъ перевезъ его въ портъ, гдѣ пароходъ стоялъ у свай. Ему пришлось, однако, пройти по нѣсколькимъ баржамъ и оттуда по веревочной лѣстницѣ вскарабкаться на палубу.

На пароходѣ царила шумная безпорядочная дѣятельность, какъ это всегда бываетъ незадолго до отплытія. У обоихъ люковъ визжали и дребезжали лебедки, со звономъ и шумомъ спускались въ трюмъ боченки съ ромомъ и аракомъ. Спотыкаясь о кучи угля и пепла, онъ добрался до парохода и спросилъ повара, торговавшагося съ судовымъ поставщикомъ, гдѣ его каюта. Поваръ, человѣкъ съ грубымъ лицомъ, въ грязномъ передникѣ, холодно и равнодушно отвѣтилъ, что онъ во время этого рейса будетъ жить вмѣстѣ съ боцманомъ, и указалъ ему каюту. Грубая мебель, истрепанное постельное бѣлье, грязныя стѣны — все это производило очень печальное впечатлѣніе; къ тому же здѣсь былъ затхлый воздухъ. Маленькаго тусклаго иллюминатора, сквозь который падалъ смутный, сумеречный свѣтъ, никакъ не удавалось открыть. Да и не имѣло смысла трогать его, онъ долженъ былъ оставаться закрытымъ во время плаванія, такъ какъ перегруженный пароходъ сидѣлъ такъ глубоко, что даже при спокойномъ морѣ въ него попадали бы брызги. У Яна Гульдта опять сжалось сердце, и опять что-то жуткое глянуло на него испуганными глазами. Но

онъ опять высокомѣрно отогналъ отъ себя всѣ сомнѣнія однимъ вопросомъ. «Я хочу хорошаго или дурного?» И онъ кое-какъ разложилъ свои вещи. Затѣмъ онъ вышелъ на палубу и принялъ на себя надзоръ за работами у одного люка. Такъ прошло нѣсколько часовъ.

Къ вечеру на пароходъ явился портовый чиновникъ осматривать его передъ отплытіемъ. Такъ какъ перваго офицера не было на пароходѣ, а второй былъ занятъ, Янъ Гульдтъ, какъ третій офицеръ, долженъ былъ сопровождать чиновника. Въ одной спасательной шлюпкѣ недоставало топора и воды. Въ рубкѣ не хватало нѣсколькихъ сигналовъ. Изъ сундука съ пробковыми поясами шелъ запахъ испорченнаго полотна. Чиновникъ, все время оживленно разговаривавшій, чтобы не наткнуться на что-нибудь еще худшее, положилъ вдругъ руку на плечо Яна Гульдта и ласково сказалъ.

— Но вы позаботитесь, чтобы все, что надо по закону, было на своемъ мѣстѣ?

Янъ Гульдтъ выпрямился и, покраснѣвъ отъ стыда при этомъ предположеніи, сказалъ:

— Какъ вы думаете, какими глазами посмотрѣлъ бы на меня капитанъ, если бы я ему сказалъ это?

Чиновникъ искоса посмотрѣлъ на него и сказалъ равнодушнѣе и гораздо холоднѣе:

— Ну... я самъ сообщу ему.

Затѣмъ они пошли въ машинное отдѣленіе, гдѣ застали второго машиниста, тоже ѣхавшаго въ первый разъ, уже за жаркой работой. Его впалая грудь высоко вздымалась, а

по покрытому сажей лицу струился потъ. Чиновникъ задалъ ему нѣсколько вопросовъ и медленно, точно осматриваясь, пошелъ дальше. Въ проходѣ между котлами въ одномъ мѣстѣ доски были покрыты свѣжими стружками. Чиновникъ посторонился, чтобы не наступить на нихъ, и, не обративъ на это вниманія, пошелъ дальше. Машинистъ за его спиной посмотрѣлъ на Яна Гульдта, отбросилъ ногой стружки и указалъ на воду, блестѣвшую подъ ними.

— Течь,—тихо сказалъ онъ,—во всѣхъ углахъ течь!

И онъ посмотрѣлъ на Яна Гульдта жалкимъ взглядомъ.

— Теперь я могу пойти одинъ,—сказалъ чиновникъ.—Благодарю васъ.

Онъ поклонился и поднялся опять наверхъ.

— Котелъ течетъ,—опять сказалъ машинистъ, садясь на скамью и растерянно глядя передъ собой:—и всѣ подшипники изношены и вообще...

Полный отчаянія голосъ машиниста разсердилъ Яна Гульдта, и онъ сурово сказалъ:

— Что это значитъ: вообще?

Машинистъ размахивалъ напильникомъ, который держалъ въ смуглой худой рукѣ, и искалъ словъ. Но вдругъ онъ не выдержалъ. Онъ закрылъ лицо руками и, всхлипывая, простоналъ:

— Дома у меня остались дѣти. Я долженъ позаботиться о хлѣбѣ для нихъ, иначе меня и десять лошадей не приволокли бы на гольмановское судно. Я не могу переносить грязи и безпорядка; я знаю, что погибну въ вознѣ съ этой машиной. Если бы еще ѣда была хо-

рошая, я, можетъ быть, могъ бы выдержать, но сегодня за обѣдомъ я увидѣлъ, какой здѣсь столъ. Все это въ рукахъ у капитана и повара, и они грабятъ насъ, какъ только могутъ, и дѣлятъ добычу между собой. Я знаю, что не увижу больше своихъ дѣтей. Я буду одинъ изъ многихъ, которыхъ Гольманы отправили на тотъ свѣтъ.

Янъ Гульдтъ съ мрачнымъ видомъ постоялъ немного возлѣ плачущаго, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ вставить ни слова, такъ какъ тотъ не прекращалъ своихъ жалобъ. Наконецъ, онъ отвернулся и съ застывшимъ лицомъ отправился въ каютъ-компанію ужинать.

Когда онъ вошелъ, боцманъ уже сидѣлъ за столомъ и ѣлъ. Онъ поднялъ сѣдую голову и сказалъ съ яркимъ блескомъ въ пронзительныхъ глазахъ:

— Вотъ и ты!

Слуга принесъ блюда, и они принялись за ѣду.

Вдругъ боцманъ визгливо засмѣялся и сказалъ:

— Скажи, почему собственно ты пошелъ на «Анну Гольманъ»?

Янъ Гульдтъ посмотрѣлъ на него все съ тѣмъ же неподвижнымъ лицомъ. Тогда онъ съ холодной насмѣшкой сказалъ:

— Удивительно, что человѣкъ дѣлаетъ что-то и долженъ это дѣлать и самъ не знаетъ, почему.

Янъ Гульдтъ удивленно взглянулъ на него, и глаза его запылали.

— Кто говоритъ «долженъ»? — сказалъ онъ.—Я дѣлаю, что хочу, а не то, что дол-

женъ! Я пришелъ сюда совершенно добровольно и сдѣлаю только одинъ этотъ рейсъ. Потому, что я хочу.

Боцманъ посмотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто передъ нимъ сидѣлъ сумасшедшій, и ничего не отвѣтилъ.

— Думай лучше о себѣ самомъ,—насмѣшливо сказалъ Янъ Гульдтъ.—Какъ можно сорокъ лѣтъ плавать на этомъ грязномъ ящикѣ и ѣсть эту отвратительную стряпню?

Боцманъ промолчалъ. Нѣсколько секундъ они сидѣли, глядя другъ другу прямо въ ротъ, какъ будто смотрѣли на секретный замокъ и ждали, что вотъ-вотъ онъ откроется. Затѣмъ боцманъ глубоко перевелъ дыханіе и сказалъ спокойнѣе, какъ человѣкъ, который послѣ долгихъ мытарствъ видитъ передъ собой, хотя и горькій, но все-же конецъ:

— Ну, если бы намъ только быть уже на обратномъ пути и проѣхать Мадейру,—тогда все будетъ хорошо. Тогда на «Аннѣ Гольманъ» опять будутъ три старыхъ товарища, которые были на ней сорокъ лѣтъ тому назадъ: Гансъ Гольманъ, я и Янъ Гульдтъ! Правда не старый Янъ Гульдтъ, а его внукъ. Но это все равно. Тогда все придетъ въ порядокъ.

Янъ Гульдтъ мрачно и испытующе заглянулъ въ пронзительные сѣрые глаза, горѣвшіе горькимъ, дикимъ удовлетвореніемъ.

— Что должно придти въ порядокъ?.. Какъ?.. Говорите же!—яростно крикнулъ онъ.—Что вы смотрите на меня такъ, какъ будто я сумасшедшій?

Боцманъ хрипло засмѣялся.

— Ты узнаешь, въ чемъ дѣло!—сказалъ

онъ.—Подожди только до Мадейры! Подожди только! Пусть только мы трое будемъ опять вмѣстѣ на «Аннѣ Гольманъ»!

— Послушай,—съ безграничнымъ презрѣніемъ сказалъ Янъ Гульдтъ.—Что мнѣ за дѣло до того, что ты и Гольманъ натворили вмѣстѣ! Мой дѣдъ во всякомъ случаѣ не принималъ участія въ вашихъ гадостяхъ. Онъ былъ порядочный человѣкъ.

Боцманъ расхохотался и хотѣлъ что-то сказать, но ударилъ себя кулакомъ по губамъ и хрипло, точно даваясь, сказалъ:

— Я умѣю молчать! Я умѣю молчать! Все въ свое время!

И онъ вышелъ изъ каюты.

Янъ Гульдтъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и принялся опять за свою работу у люка. Было уже темно.

Лебедки опять завизжали; грузчики внизу въ лодкѣ и въ трюмѣ разговаривали между собой. Фонарь сверху освѣщалъ ночную работу и накрапывавшій дождь. Такъ прошла ночь.

Утромъ «Анна Гольманъ», тяжело нагруженная, отправилась въ свой послѣдній рейсъ внизъ по Эльбѣ, окутанной пеленой тумана и дождя.

VIII.

Жизнь проходила, какъ на тысячахъ другихъ судовъ. Только на «Аннѣ Гольманъ» не было никакого мира, никакой радости и никакого здороваго веселья, какъ бываетъ на другихъ судахъ.

Капитанъ, высокій мрачный человѣкъ, не

произносилъ ни одного не только привѣтливаго, но просто лишняго слова; холоднымъ, отрывистымъ голосомъ отдавалъ онъ свои приказанія. Онъ жилъ одинъ въ своей маленькой каютѣ, которую содержалъ въ большой чистотѣ, ѣлъ хорошо и пилъ хорошо, и пилъ много. Его лобъ, съ теченіемъ времени, казалось, отступалъ все больше назадъ, толстые усы становились все гуще и торчали все больше. Некрасивые, немного выпуклые глаза плавали надъ ними, точно въ ворвани.

Долговязый, нескладный поваръ стоялъ въ своей грязной кухнѣ и варилъ для капитана самыя лучшія кушанья, которыя ѣлъ и самъ. Остальному экипажу онъ съ мертвымъ, ничего не говорящимъ лицомъ приносилъ какую-то клейкую похлебку, которую готовилъ спустя рукава.

Съ нимъ не разговаривала ни одна душа; онъ жилъ одинъ, скрываясь за своимъ мертвымъ лицомъ, точно за окопами. Втайнѣ онъ всегда мучился страхомъ, такъ какъ зналъ о состояніи судна, и часто, какъ будто безъ умысла, разспрашивалъ то о томъ, то о семъ:— объ обшивкѣ, о днищѣ или о машинѣ.

При каждомъ облакѣ на горизонтѣ, при каждомъ туманѣ въ Ламаншѣ, при каждомъ новомъ случаѣ смерти отъ лихорадки въ Казамансѣ онъ рѣшалъ больше не ѣздить; но жадность всегда одерживала верхъ и онъ отправлялся въ новое путешествіе.

Первый офицеръ, трусливый, слабый человѣкъ, въ которомъ владѣльцы судна уже нѣсколько лѣтъ поддерживали надежду, что скоро сдѣлаютъ его капитаномъ,—они и не

думали объ этомъ серьезно,—ходилъ за капитаномъ, какъ смиренная тѣнь.

Второй офицеръ, жившій въ одной каютѣ съ первымъ, былъ флегматичный, равнодушный ко всему человѣкъ, говорившій очень мало. Лишь иногда онъ заявлялъ, что его невѣста, портретъ которой онъ бралъ въ руки, какъ только входилъ въ свою каюту, прекраснѣйшее созданіе въ мірѣ.

Онъ держалъ фотографію въ своей широкой честной рукѣ и то подносилъ ее близко къ глазамъ, то отставлялъ отъ себя, то опускалъ книзу, точно хотѣлъ разсмотрѣть свою милую со всѣхъ сторонъ; и проходившіе мимо могли слышать нѣжныя слова, которыя онъ бормоталъ про себя: «Моя дорогая дѣвочка! Моя милая куколка!»—и другія въ этомъ родѣ.

Первый машинистъ былъ пьяница, уже совершенно отупѣвшій отъ водки. Правда, онъ и въ состояніи опьяненія прекрасно разбирался своими полуслѣпыми глазами въ машинѣ, которою завѣдывалъ уже двадцать лѣтъ, и съ поразительной ловкостью цѣплялся своими трясущимися руками за клапаны, краны и масленки, но машина за эти двадцать лѣтъ пришла въ полный упадокъ. Онъ всѣми силами старался скрыть ея плохое состояніе, пуская для этого въ ходъ всю хитрость, на которую еще была способна его отупѣвшая голова, а владѣльцы судна въ своей скупости охотно смотрѣли на это сквозь пальцы. По воскресеньямъ онъ мѣнялъ свой грязный, залитый масломъ костюмъ на чистый и подолгу, еще трезвый, въ свѣжей сѣрой рубахѣ стоялъ у борта, вступая въ бесѣду со всѣми

проходившими, хотя бы это былъ только юнга. Пытаясь твердо смотрѣть на собесѣдника своими бѣгающими глазами, онъ говорилъ о томъ, что началъ пить только съ тѣхъ поръ, какъ ѣздитъ на этомъ суднѣ; по его мнѣнію, оно заколдовано и проклято; одна только машина находится въ порядкѣ; онъ все-таки совѣтуетъ всѣмъ уйти съ парохода и никогда больше не ступать на него ногой. Все это онъ произносилъ съ важностью и развивалъ эти мысли очень подробно; затѣмъ онъ опять спускался въ машинное отдѣленіе и основательно прикладывался къ бутылкѣ, которая всегда стояла у него подъ рукой, подъ столикомъ.

Второй машинистъ все свободное время стоялъ у борта съ красными щеками и горящими глазами и жадно дышалъ, стараясь вобрать въ себя столько воздуха, сколько только могла вмѣстить его узкая грудь. Между вдыханіями онъ разсказывалъ Яну Гульдту, что все въ машинѣ испорчено, и вся она пришла въ упадокъ—достаточно одной хорошей бури, чтобы она стала, или котелъ лопнулъ. Но если этого даже не случится, могъ ли бы Янъ Гульдтъ выдержать работу при такой машинѣ?

И онъ смотрѣлъ на Яна Гульдта своими лихорадочными, воспаленными глазами. Онъ съ каждымъ днемъ становился печальнѣе и худѣе и ѣлъ все меньше, потому что ѣда внушала ему отвращеніе. Его жалкій видъ и вѣчныя сѣтованія были противны Яну Гульдту, но въ то же время вызывали въ немъ состраданіе.

Боцманъ былъ почти всегда занятъ какой-нибудь работой. Въ рукахъ у него вѣчно былъ тотъ или иной инструментъ, старый заржавѣвшій хламъ—клещи или напилокъ, и за работой онъ, ворча и бормоча, бесѣдовалъ съ этимъ инструментомъ, то набрасывался на него, то хвалилъ его, то бранилъ. Если ему случалось проходить вдоль борта, онъ останавливался и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами въ воду. Матросы говорили о немъ, что онъ смотритъ такъ, какъ будто видитъ въ водѣ трупы. Точно также останавливался онъ иногда передъ люками, какъ будто они были открыты, и тоже стоялъ такъ, какъ будто заглядывалъ въ нихъ. Матросы, замѣчавшіе все это, считали его не совсѣмъ нормальнымъ; но его тихій характеръ и сѣдые волосы заставляли ихъ воздерживаться отъ насмѣшекъ. Съ Яномъ Гульдтомъ, своимъ товарищемъ по каютѣ, онъ послѣ того, перваго разговора не обмѣнялся ни словомъ. Только иногда, когда Янъ Гульдтъ находился по близости, онъ бормоталъ слова, которыя произнесъ тогда и которыя, повидимому, занимали его всегда:

— Гансъ Гольманъ! И я! И старый капитанъ Гульдтъ! Почтенная компанія!

И онъ дико, злобно смѣялся.

Такъ жили они, всѣ чуждые и враждебные другъ другу. Только впереди, на бакѣ, раздавался иногда смѣхъ. Матросы смѣялись надъ капитаномъ, которому давали самыя безобразныя прозвища, и устраивали повару пакости, какія только могли. Они худѣли, и сквозь загаръ на ихъ лицахъ пробивалась сѣрая блѣдность, говорившая о малокровіи, ихъ глаза утратили

блескъ, а движенія стали вялыми и безвольными. Но они не замѣчали этого и утѣшали себя разсказами о судахъ, на которыхъ ходили раньше и на которыхъ имъ жилось хорошо, да мечтами о возвращеніи на родину.

Наконецъ, послѣ долгаго, убійственно медленнаго плаванія они вошли подъ жаркимъ, безоблачнымъ небомъ въ пылающую дельту Казаманса. И началась напряженная, непрерывная работа.

Янъ Гульдтъ стоялъ безъ куртки, въ старомъ пробковомъ шлемѣ, и командовалъ неграми, которые возились внизу на баржахъ, среди мѣшковъ съ земляными орѣхами, и кричали и взывали въ трюмѣ. Часъ за часомъ стоялъ онъ, не сходя съ мѣста, въ удушливомъ зноѣ, у визжащей лебедки. Когда въ одномъ мѣстѣ работа кончалась, переходили къ другой факторіи. Солнце палило немилосердно, по вечерамъ поднимались гибельныя влажныя испаренія, подползали къ пароходу и садились на палубу бѣловатымъ туманомъ. Пароходъ вяло тащился по рѣчной тинѣ. Затѣмъ опять подходили къ факторіи; лебедка опять визжала, и негры кричали. И старая, грѣшная «Анна Гольманъ» сидѣла глубоко и бокомъ, какъ будто хотѣла остаться здѣсь на мѣстѣ и, покрывшись плесенью и ржавчиной, мало-по-малу погрузиться въ тинистую воду.

На двѣнадцатый день утромъ, когда надъ водой стоялъ особенно удушливый зной, капитанъ грубо набросился на одного изъ матросовъ, тихаго, блѣднаго, обезсиленнаго пло-

химъ питаніемъ человѣка. Матросъ ничего не отвѣтилъ; тогда капитанъ подъ какимъ-то предлогомъ позвалъ его въ рубку и тамъ ударилъ. Послѣ этого матросъ долго молча стоялъ у борта, точно пригвожденный къ нему, затѣмъ съ дикимъ крикомъ бросился въ рѣку и сейчасъ же исчезъ подъ водой. Второй машинистъ вскорѣ послѣ того, какъ они въѣхали въ дельту, слегъ и, лежа на своей койкѣ, водилъ вокругъ большими, лихорадочно блестящими глазами и тяжело дышалъ. Онъ не могъ больше ни говорить, ни думать. Изъ остальныхъ—двое едва держались на ногахъ. Въ такомъ состояніи подплыли они къ послѣдней факторіи.

Въ этотъ вечеръ Янъ Гульдтъ, проходя мимо каютъ-компаніи, остановился и противъ воли прислушался къ затрудненному дыханію машиниста. Возлѣ него боцманъ со своимъ тихимъ лицомъ работалъ надъ перилами лѣстницы, которыя при спускѣ шлюпки погнулись. Янъ Гульдтъ сказалъ:

— Ты могъ бы перестать стучать, боцманъ. Стукъ безпокоитъ машиниста.

Боцманъ пересталъ работать и насмѣшливо сказалъ:

— Какое значеніе имѣетъ такой пустякъ на «Аннѣ Гольманъ»?

— Неужели ты пережилъ на ней что-нибудь еще худшее, чѣмъ это?—спросилъ Янъ Гульдтъ.—Уже можно считать, что двухъ потеряли, двое больны.

— О!—сказалъ боцманъ: онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то возбужденъ, и ему хотѣлось говорить:—что все это значитъ? Въ концѣ

пятидесятыхъ годовъ, когда мы перевозили въ Америку мекленбуржцевъ и цѣлыхъ три недѣли кормили ихъ свинымъ кормомъ изъ нашихъ большихъ чановъ...

— Что же за звѣрь капитанъ былъ у васъ тогда?

— О, дѣльный человѣкъ!—сказалъ боцманъ, насмѣшливо глядя на Яна Гульдта.—Онъ морилъ ихъ голодомъ и жаждой и при этомъ еще ухитрялся заработать на нихъ лишній талеръ. Я помню такой случай: разъ умерло четверо дѣтей, въ двухъ или трехъ семействахъ, маленькіе такіе, бѣлобрысые ребята. Ихъ завернули въ старые мѣшки и положили каждаго на отдѣльную доску на бортъ, вотъ въ этомъ мѣстѣ, на этомъ самомъ желѣзѣ. Сверху изъ мѣшка выглядывала маленькая прядь свѣтлыхъ волосъ, совсѣмъ маленькая, а внизу тамъ и сямъ высовывался бѣлый пальчикъ. Отцы стояли въ сторонѣ, матери лежали на палубѣ и плакали. Между ними передъ досками стоялъ ученый, бѣжавшій изъ Берлина, держалъ надгробную рѣчь и говорилъ разныя вещи, тѣ самыя, изъ-за которыхъ его въ Берлинѣ посадили въ тюрьму. Нашъ капитанъ стоялъ, со своимъ крючковатымъ носомъ—такимъ самымъ, какъ у тебя—и холодными глазами, неподалеку и слушалъ очень внимательно и съ удовольствіемъ: онъ былъ умный человѣкъ и много читалъ. Онъ любилъ слушать умныя рѣчи, но онѣ не трогали его сердца.

— Какъ звали этого звѣря?! — спросилъ Янъ Гульдтъ.—Ты говоришь, что онъ ухитрялся заработать на этихъ людяхъ еще лишній талеръ?

— Да,— сказалъ боцманъ и коротко и дико засмѣялся, но этотъ смѣхъ звучалъ, какъ рыданіе: — Когда четверо дѣтей скатились за бортъ, онъ потребовалъ еще отъ каждаго отца по талеру за доску и мѣшокъ.

— Какъ звали этого звѣря?— съ пылающими глазами спросилъ Янъ Гульдтъ.— Какъ звали его? Надѣюсь, онъ не былъ нѣмцемъ?

— Объ имени рѣчь впереди,—сказалъ боцманъ,—сначала слушай дальше. Когда дѣло съ мекленбуржцами и пруссаками перестало давать доходъ, Гольманы стали искать по свѣту какого-нибудь другого груза, похожаго на это. Они никогда не занимались честными дѣлами, какъ другіе судовладѣльцы, а вѣчно, точно коршунъ за падалью, рыскали по всему земному шару въ поискахъ за какимъ-нибудь дурнымъ дѣломъ. И вотъ въ семидесятыхъ годахъ «Анна Гольманъ» стала заниматься торговлей неграми. Это было время, когда на сѣверѣ она была уже запрещена, и ею никто не занимался; была она запрещена и въ Бразиліи. Но тамъ она еще процвѣтала втайнѣ. Ну... мы укладывали чернокожихъ почти другъ на друга, а когда они заболѣвали, мы не церемонились долго и бросали ихъ въ море. Мы зарабатывали на нихъ огромныя деньги. Но съ каждымъ годомъ это становилось опаснѣе... У старика Гольмана, того, съ которымъ моя мать еще иногда разговариваетъ передъ своимъ домомъ, было два сына. Младшій,— Гансъ, теперешній глава фирмы, тотъ, который въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ, мой ровесникъ.

— Я знаю его,—коротко сказалъ Янъ

Гульдтъ.—У меня было съ нимъ въ Бланкенезе столкновеніе.

— И еще другой. Этотъ другой, Генрихъ Гольманъ, былъ ласковый и добрый человѣкъ. Поэтому-то старикъ и задумалъ избавиться отъ него. Онъ послалъ его въ Бразилію съ порученіемъ завязать тамъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми членами правительства; вернется ли онъ живымъ или нѣтъ, это онъ предоставилъ на волю судьбы. Ну, мы прибыли на «Аннѣ Гольманъ» изъ Африки съ полнымъ трюмомъ негровъ и остановились у береговъ Бразиліи. Нашъ капитанъ поѣхалъ на берегъ, встрѣтился тамъ съ Генрихомъ Гольманомъ и сталъ совѣщаться съ нимъ. На столѣ между ними было, надо полагать, достаточно всякихъ скверныхъ бумагъ. Словомъ, нагрянула полиція и арестовала ихъ обоихъ. Когда стемнѣло,выслали катера съ пушками, чтобы схватить и насъ; но первый штурманъ понялъ, въ чемъ дѣло, ушелъ въ море, высадилъ негровъ на первомъ попавшемся островѣ и взялъ курсъ на Гамбургъ. Обоихъ же арестованныхъ, нашего капитана и Генриха Гольмана, приговорили къ вѣчной каторгѣ и отправили на островъ Фернандо-Норонья. Имъ было, когда ихъ схватили, лѣтъ по сорока, значитъ, теперь имъ должно было бы быть лѣтъ по семидесяти; возможно, что они еще живы.

Глаза Яна Гульдта просіяли, и онъ сказалъ, скрежеща зубами:

— Это хорошо, что они сидятъ тамъ! Главное, что этотъ капитанъ сидитъ тамъ. Какъ звали этого звѣря?

— Его звали точь-въ-точь, какъ тебя,—сказалъ боцманъ, точно ударивъ своимъ старымъ, ржавымъ молотомъ въ грудь Яна Гульдта.

Янъ Гульдтъ громко вскрикнулъ.

— Послушай! —задыхаясь, сказалъ онъ.

Боцманъ посмотрѣлъ на него своими сверкающими глазами и ничего не сказалъ.

Янъ Гульдтъ схатился обѣими руками за перила, съ которыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ скатились доски въ мертвыми дѣтьми. Грудь у него такъ сдавило, что онъ не могъ произнести ни слова.

— Если Гансъ Гольманъ въ Мадейрѣ сядетъ на пароходъ, — глухо и тупо сказалъ боцманъ, — тогда на «Аннѣ Гольманъ», будемъ опять мы всѣ трое: Гансъ Гольманъ, я и Янъ Гульдтъ. Этого я ждалъ тридцать лѣтъ.

Янъ Гульдтъ овладѣлъ собой настолько, что могъ говорить; онъ со стономъ сказалъ:

— Какое отношеніе имѣютъ ваши подлости ко мнѣ?

— О,—сказалъ боцманъ, — Генрихъ Гольманъ, который сидитъ теперь на Фернандо-Норонья, тоже не сдѣлалъ ничего дурного, но онъ былъ Гольманъ. Ты — внукъ Яна Гульдта! А Янъ Гульдтъ былъ самый худшій изъ всѣхъ, кого я видѣлъ: онъ былъ дурной человѣкъ, хотя любилъ и понималъ хорошее.

Янъ Гульдтъ ударилъ себя въ грудь и дико крикнулъ:

— Если онъ былъ дуренъ, то я чистъ отъ пятъ до головы.

Боцманъ мгновеніе почти боязливо смотрѣлъ на его гордое, сіяющее лицо, и въ его глазахъ промелькнуло выраженія отчаянія. Но

сейчасъ же къ нему вернулась его тупая, упрямая вѣра, и онъ спокойно и твердо сказалъ:

— Тебя зовутъ Янъ Гульдтъ, а въ Мадейрѣ къ намъ сядетъ Гансъ Гольманъ.

Тогда Янъ Гульдтъ весело и звонко засмѣялся. Къ нему опять вернулась его преспокойная, непоколебимая самоувѣренность.

— Что же тогда произойдетъ? — сказалъ онъ. — Ужъ не думаешь ли ты, что тогда «Анна Гольманъ» погибнетъ съ нами тремя? Изъ-за вашихъ грѣховъ?

Боцманъ не понялъ его. Онъ испуганно посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Ужъ не думаешь ли ты бросить въ Мадейрѣ пароходъ? Этого ты не сдѣлаешь! Нѣтъ! Ты храбръ, какъ старый Янъ Гульдтъ, и не сдѣлаешь этого!

— Ахъ!—сказалъ Янъ Гульдтъ, опять звонко и насмѣшливо засмѣявшись.—Я... изъ страха бросить пароходъ? Я? Я? Я хочу увидѣть васъ обоихъ вмѣстѣ! Я хочу на васъ обоихъ увидѣть и испытать справедливъ ли Богъ? *Вотъ, чего я хочу.*

IX.

«Анна Гольманъ» послѣ смерти второго машиниста оставалась на рѣкѣ, у берега, еще недѣлю; затѣмъ она, дѣлая едва по пяти узловъ въ часъ, поползла къ Мадейрѣ.

Капитанъ велъ домой тяжело нагруженное судно; свои собственныя дѣлишки онъ тоже обдѣлалъ удачно. Онъ поглаживалъ свои усы, торчавшіе, какъ вѣники, и держалъ свою де-

ревянную голову еще выше. Поваръ неустанно пересчитывалъ деньги, которыя заработалъ на табакѣ и рисѣ для негровъ, и, какъ всегда на обратномъ пути, находилъ, что ихъ далеко недостаточно; поэтому онъ началъ еще больше экономить на провизіи. Машинистъ по воскресеньямъ утромъ стоялъ въ свѣжей рубахѣ у борта, держалъ каждому проходившему настойчивѣе свою увѣщательную рѣчь и поспѣшнѣе спускался въ свою собственную мрачную душу. У перваго офицера, какъ всегда, къ концу плаванія исчезла его вѣчная надежда стать капитаномъ; чѣмъ ближе они были къ цѣли, тѣмъ больше терялъ онъ мужество и вѣру и тѣмъ смиреннѣе и тише ходилъ за капитаномъ. Второй офицеръ держалъ свою вахту и разговаривалъ въ своей каютѣ съ портретомъ своей милой громче и нѣжнѣе, такъ какъ приближался часъ свиданія. Матросы бранились и заявляли, что никогда въ жизни больше не ступятъ ногой на гольмановское судно, и утѣшали себя тѣмъ, что черезъ три недѣли будутъ въ Гамбургѣ.

А Янъ Гульдтъ и боцманъ не слышали и не видѣли ничего, что дѣлалось вокругъ. Сталкиваясь гдѣ-нибудь въ проходѣ, они бросали другъ на друга быстрый испытующій взглядъ, и каждый ждалъ, не заговоритъ ли другой опять о томъ, что потрясало ихъ души. И оба они ждали Мадейры.

Наконецъ, однажды утромъ, подъ голубымъ небомъ и мягкимъ вѣтромъ, на синемъ морѣ точно выросъ цвѣтущій садъ. Въ десять часовъ они, окруженные шлюпками, были на рейдѣ; вечеромъ, къ восьми часамъ, пароходъ

былъ уже разгруженъ. Тогда первый офицеръ поѣхалъ на берегъ за Гансомъ Гольманомъ.

Яну Гульдту пришлось принимать фрукты и вообще много хлопотать, и у него не было времени посмотрѣть, что дѣлается вокругъ. Машина опять тяжело, неровно заработала, и «Анна Гольманъ» опять вышла въ море, а у него все еще было работы по горло. Было десять часовъ, когда онъ, наконецъ, освободился и пошелъ къ себѣ, чтобы немного отдохнуть передъ своей вахтой, которая должна была начаться въ двѣнадцать часовъ.

Подойдя къ двери своей каюты, онъ услышалъ стоны и какое-то хрипѣнье. Онъ рванулъ дверь; въ каютѣ было темно. Онъ крикнулъ, спрашивая, въ чемъ дѣло. Отвѣта не было. Тогда онъ зажегъ огонь и увидѣлъ, что боцманъ сидитъ на полу со стеклянными глазами, какъ тяжело больной, почти какъ умирающій; дыханіе со скрипомъ вырывалось изъ его груди, точно въ горлѣ у него закрылся клапанъ, а лицо было искажено безумнымъ страданіемъ. Янъ Гульдтъ поднялъ его и, ласково уговаривая, посадилъ на край койки. Затѣмъ онъ спросилъ его, что случилось. Къ больному мало-по-малу вернулась способность говорить, и Янъ Гульдтъ разобралъ: пассажиръ, оказывается былъ не глава фирмы, а мальчикъ съ такимъ же именемъ, «славный мальчикъ», какъ выразился боцманъ, очевидно, племянникъ или дальній родственникъ Гольмановъ.

Яну Гульдту вся кровь бросилась въ голову. Къ чему же вся эта грязь и лишенія, опас-

ность лихорадки и гибели, къ чему это плаваніе на негодномъ старомъ ящикѣ! Онъ былъ такъ твердо увѣренъ, что встрѣтится съ Гансомъ Гольманомъ, какъ будто самъ Богъ призвалъ его на «Анну Гольманъ». Онъ встряхнулъ боцмана, этого ложнаго божьяго посланца, и, дико глядя на него, сказалъ:

— Скажи мнѣ теперь, почему ты хотѣлъ, чтобы я поступилъ на «Анну Гольманъ»? Или тебя мучатъ воспоминанія о тѣхъ гнусныхъ поѣздкахъ со старымъ Яномъ Гульдтомъ, и молодой Янъ Гульдтъ долженъ былъ навести тебя на добрыя мысли? И какое преступленіе ты совершилъ вмѣстѣ съ Гансомъ Гольманомъ? Ты долженъ сказать мнѣ это! Говори!

И онъ встряхнулъ его такъ, какъ будто хотѣлъ вытрясти изъ него признаніе, и, тряся его, кричалъ:

— Говори!

Боцманъ тупо сидѣлъ передъ нимъ, весь съежившись, уткнувъ подбородокъ въ грудь, опустивъ глаза, не мѣшая Яну Гульдту бѣсноваться. Но такъ какъ Янъ Гульдтъ не выпускалъ его, онъ, тяжело дыша, съ трудомъ заговорилъ:

— Дѣло не только въ этихъ скверныхъ рейсахъ... съ Яномъ Гульдтомъ... Когда Яна Гульдта и Генриха Гольмана арестовали въ Бразиліи, и мы возвращались домой, здѣсь, въ Мадейрѣ, на пароходъ сѣлъ Гансъ Гольманъ и поѣхалъ съ нами въ Гамбургъ. Съ нимъ была родственница, при которой находилась компаньонка, молодая дѣвушка, совсѣмъ молоденькая. Ему она приглянулась. Но она

не хотѣла его. Она кричала при видѣ его. Въ одинъ вѣтреный и дождливый день... въ Бискайскомъ заливѣ... онъ сказалъ мнѣ... чтобы я заманилъ ее въ уголъ у прохода, туда, гдѣ мы недавно починяли бортъ...

Онъ громко вскрикнулъ и закорчился въ ужасныхъ мученіяхъ.

— Дальше!—сказалъ Янъ Гульдтъ, толкая его такъ изъ стороны въ сторону, какъ будто хотѣлъ сломать его и изъ обломковъ вытащить всю правду.

— Тамъ она была бы въ нашихъ рукахъ,— со стономъ продолжалъ боцманъ. — Я долженъ былъ получить деньги, а потомъ и дѣвушку. Но когда она вдругъ сообразила, что мы хотимъ сдѣлать съ ней, и увидѣла наши лица и поняла, что не можетъ спастись, она потеряла разсудокъ... и бросилась въ море... Они сказали потомъ, что это было самоубійство, и Гансъ Гольманъ остался на свободѣ. Но я послѣ всѣхъ тѣхъ ужасовъ, которые я пережилъ на «Аннѣ Гольманъ», не могъ уже уйти съ нея. Я долженъ былъ остаться здѣсь и въ умѣ все снова видѣть и дѣлать то, что я видѣлъ и дѣлалъ. И вотъ уже сорокъ лѣтъ я ѣзжу со всѣми этими криками и стонами и со всѣми мертвецами, которые плаваютъ кругомъ въ водѣ.

— А теперь?—сказалъ Янъ Гульдтъ.—Чего ты ждалъ теперь?

И онъ грубо встряхнулъ его.

— Я все думалъ...—сказалъ боцманъ, стискивая свои костлявыя руки.—Я все думалъ, что Гансъ Гольманъ попадетъ еще когда-нибудь къ намъ на судно и поѣдетъ со мной,

и тогда Богъ сжалится, и потопитъ насъ вмѣстѣ съ проклятой старой «Анной Гольманъ», и положитъ конецъ моимъ мученіямъ. И вотъ вдругъ слышу: въ слѣдующій разъ онъ сядетъ на пароходъ. Въ Мадейрѣ, гдѣ онъ сѣлъ и тогда! И въ тотъ же вечеръ, когда я получилъ это извѣстіе, я встрѣтилъ тебя! И ты пошелъ со мной! Внукъ злого Яна Гульдта, который окружилъ меня всѣми этими стонами и мертвецами и училъ меня равнодушно смотрѣть на все это! Тогда я подумалъ: теперь мы всѣ трое будемъ на «Аннѣ Гольманъ»! Теперь мы, грязные, утонемъ вмѣстѣ съ грязной «Анной Гольманъ» и провалимся въ самую преисподнюю!

И онъ дико, отчаянно засмѣялся и ударилъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ.

— Дальше! — сказалъ Янъ Гульдтъ. — Дальше!

И онъ схватилъ боцмана за горло.

Боцманъ высвободился и, когда къ нему вернулось дыханіе, сказалъ:

— «Аннѣ Гольманъ» въ послѣдніе три года не пришлось побывать подъ штормомъ. А теперь будетъ штормъ! Я знаю! Будетъ штормъ! Въ Бискайскомъ заливѣ... И тамъ она погибнетъ. Потому что она вся, вся насквозь гнилая. А Ганса Гольмана на ней нѣтъ!

И вдругъ онъ поднялъ къ Яну Гольдту руки и умоляюще и жалобно сказалъ:

— Скажи мнѣ, что же это такое? Что же это за міръ? Онъ долженъ погибнуть съ нами! Янъ Гульдтъ и Гансъ Гольманъ погубили меня, изъ-за нихъ на мнѣ тотъ грѣхъ! Изъ-за

нихъ я проклятъ... Изъ-за нихъ вся моя жизнь въ грязи и крови... Эти призраки!.. Всѣ эти годы! И крики дѣвушки, тогда, у борта! Ты здѣсь... Гансъ Гольманъ долженъ тоже быть здѣсь! Онъ долженъ быть здѣсь! Долженъ погибнуть съ нами!

Онъ впалъ въ бѣшенство, скрежеталъ зубами и извивался на полу.

Янъ Гульдтъ мрачно стоялъ и растерянно и безпомощно смотрѣлъ на него. Затѣмъ онъ взялъ себя въ руки и вышелъ.

Онъ сталъ у лѣстницы въ концѣ прохода и старался придти въ себя.

— Что сказалъ старый грѣшникъ? «Анна Гольманъ» вся сгнила и должна погибнуть? И я съ ней? Я, справедливый, невинный, красивый Янъ Гульдтъ? При первой же бурѣ намъ конецъ? Кажется, на западѣ уже виднѣются маленькія, сѣрыя тучки? Глупости! Безуміе! Если дѣло дойдетъ до этого... ну, тогда мы еще поговоримъ! Этого я не допущу! О, нѣтъ! Съ этимъ я буду бороться... если дѣло дойдетъ до этого... до самой смерти! И даже... послѣ смерти! Я буду спокойно смотрѣть на это? О, нѣтъ! Нѣтъ! Если я хотѣлъ сказать Гансу Гольману правду въ глаза, то съ Богомъ я поговорю еще не такъ... если дѣло приметъ *такой* оборотъ.

Отъ высокомѣрнаго гнѣва и злобы на Бога онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вдругъ онъ услышалъ за собой ласковый дѣтскій голосъ, въ изумленіи обернулся и увидѣлъ худенькаго мальчика, лѣтъ тринадцати, съ узкимъ лицомъ, голубыми, необыкновенно ясными глазами и темнорусыми, мягкими вьющимися

волосами. По всему его виду было замѣтно, что это одно изъ тѣхъ существъ, которыя любятъ все прекрасное. Онъ вѣжливо спросилъ, не знаетъ ли Янъ Гульдтъ, гдѣ боцманъ: онъ не можетъ открыть одного изъ своихъ чемодановъ.

Янъ Гульдтъ по своему обыкновенію сейчасъ же предложилъ свои услуги.

— Я попробую его открыть, — сказалъ онъ.

Онъ принесъ инструменты, сталъ въ маленькой, уютной каютѣ на колѣни передъ чемоданомъ и, несмотря на свое возбужденіе, весело заговорилъ съ мальчикомъ. Въ сосѣдней каютѣ возилась съ сундуками и бѣльемъ пожилая женщина, сопровождавшая мальчика.

Веселость и непринужденность молодого моряка расположили мальчика въ его пользу. Онъ охотно отвѣчалъ Яну. Потомъ собрался съ духомъ и медленно, стараясь сохранить спокойный видъ, сказалъ:

— Я уже четыре раза былъ въ Мадейрѣ: у меня легкія немножко не въ порядкѣ... Но теперь мнѣ лучше. Два раза я ѣздилъ на Вермановскомъ суднѣ, и два раза на пароходѣ Гамбургъ-Африканской линіи. На нашемъ пароходѣ я ѣду въ первый разъ. Но мнѣ кажется, что матросы на «Аннѣ Гольманъ» не менѣе веселы и привѣтливы, чѣмъ на другихъ судахъ.

Янъ Гульдтъ понялъ, къ чему клонитъ мальчикъ, сейчасъ же насторожился и сказалъ, также нащупывая почву, какъ и тотъ.

— Почему бы имъ не быть такими же веселыми и привѣтливыми?

И онъ посмотрѣлъ на мальчика съ холоднымъ ожиданіемъ.

Мальчикъ почувствовалъ, что его затаенныя мысли разгаданы; онъ понялъ также, что наткнулся на неумолимое сопротивленіе и суровую правдивость, и лицо его покрылось яркимъ румянцемъ.

Тогда душу Яна Гульдта вдругъ озарилъ яркій свѣтъ.

— Вотъ! Вотъ оно! Вотъ для чего я пришелъ на «Анну Гольманъ»! Я долженъ сказать, и показать этому мальчику, какъ обстоитъ дѣло съ гольмановскими судами, чтобы когда-нибудь, когда онъ вырастетъ и станетъ во главѣ фирмы, онъ положилъ конецъ этому позору и построилъ новыя, крѣпкія суда.

И онъ коротко, точно Іона передъ Ниневіей, сказалъ:

— Суда, на которыхъ ты ѣздилъ, хороши и хорошо содержатся, и людямъ на этихъ судахъ живется хорошо; гольмановскія же суда плохи и плохо содержатся, и людямъ на нихъ живется плохо.

Губы мальчика задрожали, и къ горлу у него подступило рыданіе. Онъ подавилъ его, и съ трудомъ проговорилъ:

— Въ гимназіи... на перемѣнахъ... они говорили мнѣ это уже три раза.

Нѣсколько мгновеній они молчали. Янъ Гульдтъ возился надъ замкомъ съ мрачнымъ и безстрастнымъ видомъ; мальчикъ тихо плакалъ.

— Когда ты вырастешь,—увѣренно и побѣдоносно сказалъ Янъ Гульдтъ,—и начнешь принимать участіе въ дѣлѣ, такъ, лѣтъ че-

резъ десять, ты долженъ будешь позаботиться о томъ, чтобы все это исправить. Ты не долженъ терпѣть, чтобы фирма, какъ теперь, наживалась на голодѣ, горѣ и смерти другихъ людей; она должна жить честнымъ заработкомъ. Рабочіе должны получать свою долю, должны жить, какъ люди. Такъ поступаютъ другія пароходныя компаніи.

Мальчикъ поднялъ голову, которую держалъ опущенной чуть-ли не до земли, и недѣтскимъ, короткимъ движеніемъ обѣихъ рукъ, которое подходило бы взрослому мужчинѣ, далъ понять, что объ этомъ говорить излишне. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Я не успокоюсь прежде, чѣмъ наша фирма не станетъ работать такъ же честно, какъ другія.

Янъ Гульдтъ внутренно заликовалъ, и вся душа его переполнилась радостью:

«Богъ великъ, а Янъ Гульдтъ его мужественный поборникъ».

— Если хочешь,—сказалъ онъ,—зайди ко мнѣ завтра въ мою каюту, тогда я разскажу тебѣ все, что знаю объ «Аннѣ Гольманъ». Я покажу тебѣ, въ какомъ состояніи находится все здѣсь, и разскажу, какъ это дѣлается на судахъ другихъ владѣльцевъ.

— Я приду,—сказалъ мальчикъ,—я хочу знать все точно, чтобы потомъ меня никто не могъ обмануть.

— Тогда ты будешь знать,—съ стариковской мудростью сказалъ Янъ Гульдтъ,—какъ смотритъ на всѣ эти вещи простой человѣкъ, и какъ ему живется, и сможешь хорошо дѣлать твое дѣло и все-таки стать богатымъ...

Ну, вотъ твой чемоданъ и открытъ... Я пойду...

И онъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, который купилъ себѣ по полученіи званія штурмана, послѣ окончанія экзаменовъ, вытеръ потъ, выступившій у него на лбу, подъ бѣлокурыми волосами.

Онъ вышелъ, вернулся опять въ свою каюту, толкнулъ въ плечо боцмана, который, сгорбившись и сжимая руками виски, сидѣлъ на койкѣ, и сказалъ радостнымъ, торжествующимъ голосомъ:

— Послушай, боцманъ, я знаю теперь, зачѣмъ я пришелъ на «Анну Гольманъ»! Я, внукъ стараго Яна Гульдта, разскажу и покажу внуку стараго злого Гольмана все то дурное, что сдѣлали его предки? Онъ хорошій человѣкъ! Съ нимъ Гольманы станутъ другими людьми! *Вотъ* что будетъ теперь!

Боцманъ отнялъ руки отъ висковъ и посмотрѣлъ на Яна Гульдта невидящими глазами.

— Онъ хорошій человѣкъ?—сказалъ онъ.— Хорошій человѣкъ, говоришь ты?

И онъ насмѣшливо кивнулъ головой и дико засмѣялся.

— Такъ? Да? Тогда ты можешь быть увѣренъ, что «Анна Гольманъ» утонетъ! Хорошіе Гольманы должны всегда убираться съ дороги. Они или умираютъ отъ чахотки, или съ ними случается что-нибудь, какъ съ Генрихомъ Гольманомъ въ Бразиліи, или какъ съ этимъ. Такъ было у нихъ всегда. Хорошіе погибаютъ. Теперь я знаю навѣрно, что насъ ждетъ смерть! А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь!

Гдѣ Гансъ Гольманъ? Онъ долженъ погибнуть съ нами!

И онъ кричалъ и проклиналъ Бога, міръ котораго—проклятый домъ умалишенныхъ, и билъ себя кулакомъ по сѣдой головѣ.

— Онъ долженъ быть здѣсь! Онъ долженъ утонуть вмѣстѣ съ нами! Онъ долженъ погибнуть съ нами!

Янъ Гульдтъ сидѣлъ напротивъ него, на стулѣ, у тусклаго иллюминатора, положивъ на колѣни сжатыя въ кулакъ руки. Имъ вдругъ опять овладѣли жуткія сомнѣнія.

— Я... погибнуть? Я... на «Аннѣ Гольманъ»?

Отъ бѣшенаго гнѣва волосы у него становились дыбомъ.

— Я? Я буду бороться до самой смерти. Даже... послѣ смерти! Пусть *онъ* увидитъ!

X.

Не имѣло никакого смысла говорить о состояніи парохода съ капитаномъ или первымъ офицеромъ. Янъ подумалъ, не поговорить ли ему объ этомъ со вторымъ офицеромъ; но этотъ честный парень, кромѣ своихъ ежедневныхъ обязанностей и портрета своей невѣсты, видимо, не былъ способенъ интересоваться ничѣмъ на свѣтѣ. Такимъ образомъ, онъ не могъ сдѣлать ничего, развѣ только незамѣтно осмотрѣть обѣ шлюпки. И такъ жилъ онъ, неся на себѣ одномъ всю тяжесть дикой и горькой мысли, что они плывутъ на суднѣ, которое при первомъ же хорошемъ толчкѣ должно погибнуть.

Но онъ сносилъ эту мысль, онъ даже игралъ ею въ своей задорной, почти насмѣшливой вѣрѣ, что Богъ долженъ быть «справедливъ», и что эта справедливость не можетъ не проявиться.

— Чтобы я утонулъ съ «Анной Гольманъ»? Я? Пришедшій сюда, чтобы отомстить и возстановить справедливость? Я? Самый чистый и прямой изъ всѣхъ штурмановъ? И этотъ мальчикъ, который хочетъ загладить грѣхи своихъ отцовъ? Это невозможно. О, нѣтъ! Это не можетъ случиться. Дивны пути Господни, это правда; но не могутъ же они быть такими окольными; нѣтъ, этого мы не можемъ допустить.

Днемъ, какъ только онъ освобождался и входилъ въ свою каюту, къ нему тихо и вѣжливо стучался мальчикъ. Онъ ловко переступалъ черезъ высокій порогъ и садился на деревянный стулъ у иллюминатора; Янъ Гульдтъ сидѣлъ на койкѣ, согнувшись подъ верхней койкой и положивъ руки на бока.

Въ каютѣ было такъ тѣсно, что ихъ колѣни почти сталкивались, а ихъ дыханіе сливалось, точно въ знакъ ихъ тайнаго уединенія.

Они бесѣдовали обо всемъ, что зналъ Янъ Гульдтъ: о чемъ говорилъ, сидя въ своей коляскѣ, со своей служанкой у дороги въ Эвельгенне старый Гольманъ; и какъ капитанъ Гульдтъ мучилъ на «Аннѣ Гольманъ» бѣлыхъ и чернокожихъ, и былъ виной смерти не одного изъ нихъ; какъ бросилась въ море въ своемъ страхѣ дѣвушка; и о тѣхъ, кто умиралъ въ Казамансѣ, о каждомъ суднѣ, ко-

торое погибло, объ ужасномъ состояніи «Анны Гольманъ», о грязи и отвратительной ѣдѣ и обо всѣхъ звѣрствахъ кровопійцъ-эксплоататоровъ. Мальчикъ впивалъ все это, какъ горькое питье; лобъ его покрывался морщинами, но онъ держался бодро и храбро слушалъ, точно не желая оставить ни капли въ чашѣ, которую ему предстояло испить. Вѣдь, онъ собирался современемъ сызнова наполнить весь кубокъ, сверху до низу, хорошимъ питьемъ.

Онъ задавалъ множество вопросовъ, которые ясно показывали, что у него не было никакихъ способностей къ практической жизни. Разспросивъ въ сотый разъ обо всемъ подробно, онъ глубоко вздыхалъ, точно послѣ работы надъ непосильной ариѳметической задачей, и съ мягкою боязливостью, съ болѣзненной любовью къ фантастическому, начиналъ какъ бы играть съ этой зловѣщей «Анной Гольманъ», съ ея переборками, стеньгами, лѣстницами и трюмами. Онъ спрашивалъ о частяхъ судна, которыя остались еще съ того времени, просилъ Яна Гульдта выйти съ нимъ на палубу и робко смотрѣлъ на неуклюжія старыя подпорки, на лѣстницу, верхнюю палубу и старую желѣзную обшивку на кормѣ. И съ глазами, горѣвшими отъ жизненнаго и душевнаго возбужденія, онъ разсказывалъ, что въ прошлую ночь,—во снѣ или на яву, онъ не знаетъ, — онъ видѣлъ всѣ трюмы, какъ-будто въ сумеречномъ свѣтѣ: четыре этажа, одинъ надъ другимъ, и всѣ были полны людьми, лежавшими, точно толстые слои какой-то темной массы, они стонали отъ голода и ду-

хоты, и стоны ихъ становились все громче, и отъ напора раздвинулись стѣны судна; заклепки затрещали, и швы разошлись, и онъ увидѣлъ блестящую воду, и въ ней свѣтлыхъ рыбъ съ ихъ большими выпученными глазами. Но онъ не боится! Богъ не потерпитъ, чтобы они оба, невинные и желающіе только одного— исправить наконецъ вину другихъ людей—погибли.

Янъ Гульдтъ съ глубокой серьезностью кивалъ головой, глаза его горѣли, и онъ думалъ:

— *Этотъ* всю свою жизнь не забудетъ того, что слышалъ на «Аннѣ Гольманъ», и сотворитъ чудеса, когда вырастетъ.

И его высокомѣрная душа торжествовала въ сознаніи своей важности и праведности.

Разъ мальчикъ схватилъ его за руку и тихо и торжественно предложилъ показать ему что-то. Онъ повелъ его по проходу въ свою хорошенькую каюту, мягко освѣщенную висящей лампой, и показалъ ему висѣвшій на стѣнѣ надъ комодомъ недурно сдѣланный рисунокъ, изображавшій внутренность церкви, Это была старинная, деревенская церковь съ очень толстыми стѣнами, высоко продѣланными въ нихъ небольшими окнами и низкими дверями. Вокругъ алтаря, въ которомъ находился простой образъ Спасителя и его апостоловъ, стояли, точно крѣпкая стража святилища, красивыя каменныя колонны со сводами.

— Видите ли, — тихо сказалъ онъ, — я въ іюлѣ всегда ѣзжу съ матерью и сестрой на Сильтъ, гдѣ у насъ есть домъ. Тамъ я иногда хожу съ однимъ старымъ ткачемъ, нашимъ

сосѣдомъ, по окрестностямъ, когда онъ разноситъ свою работу. Разъ мы пришли въ Кейтумъ и увидѣли церковь; она была открыта, и мы вошли. Ткачъ сѣлъ на скамью въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, такъ что вся церковь была передъ нимъ, я же сталъ ходить по церкви. Когда я вернулся къ нему, я увидѣлъ, что онъ молится. Глаза у него были широко раскрыты, и онъ какъ будто однимъ взглядомъ обнималъ все, что можно было видѣть съ его мѣста; ряды скамей, стѣны съ ихъ окнами, своды вокругъ алтаря и самый алтарь. У него былъ такой видъ, какъ будто Богъ во всей своей святости наполнялъ всю церковь, и край его одежды лежалъ на старыхъ плитахъ. Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже сталъ смотрѣть и ждать, не будетъ ли такъ и со мной, потому что по его глазамъ можно было видѣть, что мѣсто заставляетъ его молиться. И, понимаете, мои мысли сначала хотѣли улетѣть далеко, но когда онѣ, какъ пойманныя ласточки, полетѣли къ окну, то своды оконъ задержали ихъ, и онѣ все снова возвращались внутрь, а когда онѣ хотѣли вылетѣть изъ двери или пролетѣть мимо алтаря, имъ тоже всюду приходилось поворачивать назадъ, такъ какъ толстыя стѣны крѣпко держали ихъ, а красивые, мощные своды все снова возвращали ихъ внутрь. И скоро онѣ совсѣмъ отказались отъ намѣренія улетѣть. Онѣ играли и порхали вокругъ сводовъ, алтаря и по всему зданію; то были прекрасныя, большія мысли, полныя чудесной вѣры въ доброту и помощь Господа, которыя никогда не могутъ измѣнить. И я долго сидѣлъ такъ

и чувствовалъ себя радостнымъ и счастливымъ.

Янъ Гульдтъ былъ гораздо больше внукомъ стараго, суроваго Яна Гульдта, чѣмъ мальчикъ — внукомъ суровыхъ Гольмановъ. Онъ не понялъ мечтателя. Чудеса природы едва волновали его, рано объѣхавшаго всѣ моря, чудеса искусства не трогали его никогда. Съ любопытствомъ человѣка, который хочетъ вернуть уклонившагося въ сторону разсказчика въ его темѣ, онъ спросилъ:

— Ну, что же было дальше? Что сдѣлалъ тотъ человѣкъ?

Мальчикъ былъ погруженъ въ созерцаніе картины; онъ, повидимому, снова сидѣлъ въ этой церкви въ Кейтумѣ. Онъ не сразу понялъ вопросъ.

— О,—сказалъ онъ,—больше не было ничего!.. Ахъ, да, еще что-то! Мы долго сидѣли молча, потомъ ткачъ сказалъ мнѣ: «Вѣришь ли ты въ то, во что вѣримъ тайно я и многіе здѣсь»? — «Во что же вы вѣрите?» сказалъ я. «Когда наступаютъ сумерки», сказалъ онъ, «въ эту церковь приходятъ мертвецы, которые лежатъ здѣсь по кладбищамъ и которые погибли здѣсь на отмеляхъ и въ далекомъ морѣ, и сидятъ въ своей старой церкви. Иногда ихъ немного, иногда же они еле помѣщаются, такъ какъ многихъ изъ нихъ гонитъ сюда тоска изъ ихъ могилъ, или изъ моря, или изъ воздуха, или изъ звѣздъ, Богъ знаетъ еще откуда. Они сидятъ на скамьяхъ, на галлереѣ и на подоконникахъ, и смотрятъ на алтарь и тихо думаютъ». Такъ сказалъ человѣкъ, о которомъ моя мать говорила, что

она не думаетъ, чтобы онъ могъ лгать. Я потомъ часто бывалъ въ этой церкви и всегда чувствовалъ себя тамъ счастливымъ, и на душѣ у меня было какъ-то тихо. Поэтому я нарисовалъ ее на память, и я твердо вѣрю, что все кончится хорошо.

Янъ Гульдтъ посмотрѣлъ на картину и нагнулся даже надъ ней, какъ будто она его интересовала. Онъ понялъ все это по-своему и подумалъ:

— Онъ молится передъ этой картиной, чтобы «Анна Гольманъ» благополучно добралась до Гамбурга, и чтобы у него хватило храбрости высказать своему дядѣ, что онъ думаетъ о фирмѣ.

Такъ вотъ каковъ былъ юный пассажиръ. Такой умный, милый и почти святой человѣчекъ. И «Анна Гольманъ», плавающая почти сорокъ лѣтъ, погибнетъ какъ разъ теперь, когда на ней находятся два такихъ человѣка?

Поэтому, Янъ Гульдтъ на своей вахтѣ расхаживалъ по мостику медленными, степенными шагами и спокойными глазами смотрѣлъ на далеко раскинувшееся, тихо волнующееся море. И въ умѣ своемъ обсуждалъ со всѣхъ сторонъ самые высокіе вопросы и, какъ это дѣлаютъ многіе нѣмцы въ рудникахъ, и на поляхъ, и на широкихъ моряхъ, воображалъ, что отлично понимаетъ дѣла и поступки вѣчной власти. Какъ чудесно все это сложилось! Какимъ счастьемъ было его быстрое рѣшеніе поступить на «Анну Гольманъ». Да, честный и твердый человѣкъ можетъ многое! Онъ можетъ взять приступомъ небо и разбудить ангеловъ, если они заснули! Ночью въ свои

свободные часы онъ спалъ тѣмъ блаженнымъ сномъ, который обѣщанъ праведнымъ.

Такъ продолжалось недѣлю.

Судно, глубоко сидя въ водѣ, медленно и вяло, съ тяжело пыхтящей машиной двигалось на сѣверъ, къ родинѣ. Наконецъ, они вошли въ Бискайскій заливъ. И второй и третій день прошли, и Бискайскій заливъ былъ уже почти пройденъ. Они уже ждали, что вотъ-вотъ покажется Уэссанскій маякъ. И вдругъ налетѣлъ штормъ.

Утромъ дулъ еще легкій юго-западный вѣтеръ, и небо было ясное. Въ полдень вѣтеръ улегся, и часа два было совсѣмъ тихо. Затѣмъ на сѣверо-западѣ показалась темно-сѣрая туча, за ней поползли другія, взобрались выше и, точно туго набитые мѣшки, стали надвигаться другъ на друга. Затѣмъ онѣ быстро поднялись еще выше, начали смѣшиваться и понеслись по разнымъ направленіямъ. Вскорѣ надъ моремъ пронесся первый порывъ съ косымъ дождемъ, и сейчасъ же показались высокія, грозныя волны. Къ вечеру онѣ уже сталкивались и налетали другъ на друга, какъ это всегда бываетъ въ Бискайскомъ заливѣ. Но все-таки буря всю ночь была не сильнѣе обыкновенной бискайской бури.

«Анна Гольманъ» сначала держалась недурно, такъ какъ когда-то была хорошимъ судномъ. Но когда вѣтеръ еще усилился, и разыгралась настоящая буря, испорченная машина не могла больше бороться, какъ слѣдуетъ, съ набѣгающими валами. Нѣсколько времени это ей удавалось; но скоро волны положили «Анну Гольманъ» на бокъ, и ей при-

шлось терпѣть свирѣпые удары валовъ, которые набросились на перегруженное судно, какъ волны на тяжелаго ратника, стоящаго на колѣняхъ. Меньше, чѣмъ черезъ часъ появилась опасность, что люки и подпорки, которыя были изношены, больше не выдержать этихъ ударовъ.

Капитанъ, начавшій трезвѣть, велѣлъ снести внизъ нѣсколько толстыхъ досокъ, валявшихся на верхней палубѣ, и Янъ Гульдтъ съ самымъ сильнымъ изъ матросовъ, обвязавшись канатомъ, спустились на переднюю палубу и кое-что исправили. Но на суднѣ было всего четыре такихъ доски: о томъ, чтобы ихъ было больше, никто не позаботился. Да если-бы даже эта работа и оказалась успѣшной, «Анна Гольманъ» вся сгнила и пришла къ своему концу. Цѣпи, скрѣпы, люки, машины и, прежде всего, обшивка и ея заклепки,—все это не могло выдержать напора тяжелыхъ валовъ.

Прежде чѣмъ на бурныя, сѣрыя волны спустился сумракъ, на мостикъ поднялся боцманъ и доложилъ, что въ трюмѣ воды на три фута. Онъ выкрикнулъ это съ искаженнымъ лицомъ, устремивъ глаза на Яна Гульдта, какъ человѣкъ, возвѣщающій о дикомъ, злобномъ торжествѣ. Они еще не успѣли ничего отвѣтить, какъ набѣжалъ тяжелый валъ, разбилъ ветхую спасательную шлюпку, бросился съ обломками въ пѣнящейся пасти черезъ машинный кожухъ на другую шлюпку, захватилъ и ее и умчался съ обѣими. Двое матросовъ, которые какъ разъ въ это время старались покрѣпче привязать шлюпку, были вмѣстѣ съ ними унесены. Въ то же мгновеніе оборвалась

якорная цѣпь. Судно легло совершенно на бокъ и безпомощно позволяло валамъ перекатываться черезъ себя.

Боцманъ, схватившись обѣими руками за перила лѣстницы, повернулъ къ Яну Гульдту полное отчаянія лицо и горько съ дикой, страстной жалобой, покрывая шумъ вѣтра и моря, крикнулъ:

— Это—смерть, Янъ Гульдтъ... А Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь.

Янъ Гульдтъ съ обезумѣвшимъ лицомъ бросился къ нему, грубо схватилъ его за плечи и, толкая его съ лѣстницы, крикнулъ:

— Еще далеко до этого! Еще далеко! Я еще здѣсь!

Они взяли четверыхъ матросовъ, захватили инструменты и, выждавъ удобный моментъ, побѣжали на ютъ. Тамъ они принялись вставлять запасный руль. Янъ Гульдтъ работалъ, какъ тигръ въ западнѣ, боцманъ, съ тупой, привычной добросовѣстностью. Оба матроса работали изо всѣхъ силъ, съ лицами, облитыми потомъ и водой. Они не переставали громко браниться, возмущаясь тѣмъ, что цѣпи и болты перержавѣли, и на суднѣ нѣтъ ни одной вещи, которая была бы въ порядкѣ; еще немного, говорили они, и мы погибли бы. Боцманъ перебилъ ихъ, крикнувъ съ дикимъ безсмысленнымъ смѣхомъ:

— Что, вы не видите, что мы уже погибли?

Но они разсердились и, пытаясь шутить, отвѣчали, что дѣло все-таки не такъ плохо.

Такъ работали они часъ или два; наконецъ, руль былъ налаженъ. Янъ Гульдтъ съ матросомъ и юнгой сталъ у него. Мѣсяцъ то вы-

глядывалъ изъ-за тучъ, то опять прятался за ними.

Такъ прошло время до полуночи. И имъ удавалось кое-какъ держать курсъ въ открытое море.

Но вскорѣ послѣ полуночи, когда Янъ, обдаваемый пѣной, съ маленькимъ юнгой по правую руку и съ матросомъ по лѣвую, стоялъ у руля, набѣжали особенно высокіе валы,— сначала два менѣе сильныхъ, потомъ третій, налетѣвшій съ такой силой, что «Анна Гольманъ» задрожала и заколебалась отъ носа до кормы. Сейчасъ же послѣ этого у него явилось неясное ощущеніе, что судно стало какъ-будто безжизненнымъ; оно подалось назадъ и опять, какъ прежде, безсильно стало поперекъ волнъ.

Онъ не могъ понять, что случилось, и окликнулъ матроса и юнгу.

Маленькій юнга первый сообразилъ, въ чемъ дѣло, и крикнулъ ему:

— Машина стала!

Онъ не хотѣлъ этому повѣрить, вытеръ воду и потъ съ лица и знакомъ приказалъ юнгѣ спуститься и посмотрѣть.

Въ это время приблизился слѣдующій валъ, и Янъ указалъ юнгѣ на него. Но маленькій, серьезный, храбрый юнга уже двинулся въ путь. Волна подхватила его и унесла.

Янъ Гульдтъ еще нѣсколько времени стоялъ съ матросомъ у руля. Но видя, что машина попрежнему не дѣйствуетъ, они крѣпко привязали его и спустились внизъ.

Въ началѣ прохода, у двери въ машинное отдѣленіе, стоялъ первый машинистъ и бо-

ролся съ двумя кочегарами, которые старались столкнуть его внизъ, въ машину, откуда поднимался рѣдкій паръ. Они не переставали кричать:

— Это ты довелъ ее до этого, изъ-за тебя мы должны теперь погибнуть.

Они оторвали его руки отъ перилъ и дверной ручки, за которыя онъ цѣплялся, и съ дикими проклятіями столкнули его внизъ, въ мертвую машину.

Янъ Гульдтъ бросился вверхъ по лѣстницѣ мимо двухъ другихъ кочегаровъ, которые обвязывали себѣ грудь гнилыми спасательными поясами и при этомъ то и дѣло прикладывались къ своимъ бутылкамъ. Онъ пробѣжалъ мимо нихъ и поднялся на мостикъ. Капитанъ, шатаясь отъ качки, а также, вѣроятно, отъ вина, тщетно пытался зажечь сигнальный огонь. Въ промежуткахъ между усиліями онъ кричалъ:

— Гдѣ боцманъ? Гдѣ боцманъ? Онъ говоритъ всѣмъ, что мы погибнемъ, и погубитъ насъ своимъ безумнымъ суевѣріемъ.

Первый штурманъ стоялъ за нимъ и со своимъ обычнымъ жалкимъ видомъ старался помочь ему. Второй, красивый, мужественный человѣкъ, немного выше Яна Гульдта, молча и неподвижно стоялъ у борта, смотрѣлъ въ воду и украдкой бросалъ взгляды на портретъ своей милой, который держалъ въ мокрой рукѣ.

Янъ Гульдтъ понялъ, что пароходомъ уже никто не управляетъ, и опять спустился внизъ.

Онъ спустился за мальчикомъ и вошелъ

въ проходъ съ той стороны, гдѣ находилась кухня. Здѣсь стояли послѣдніе матросы со смертельно блѣдными, серьезными лицами, по колѣни въ потокахъ воды. Они схватили его за непромокаемую куртку и попытались говорить съ нимъ въ грохотѣ бури и плескѣ и шумѣ воды. Они спрашивали его, согласенъ-ли онъ, что капитанъ и поваръ такъ же виноваты, какъ и Гольманы, въ томъ, что они должны умереть такими молодыми и такой ужасной смертью. Если это такъ—Гольману они, къ сожалѣнію, не могутъ сдѣлать ничего—то они не хотятъ, чтобы тѣ двое умерли съ поднятыми руками, честной смертью моряковъ; они рѣшили столкнуть ихъ въ машину, гдѣ лежитъ уже машинистъ. Они честные и порядочные люди, изъ хорошихъ семействъ, и не чувствуютъ себя виноватыми ни въ чемъ. Должна быть какая-нибудь справедливость и правосудіе; вѣдь, этимъ человѣкъ отличается отъ животнаго.

Онъ вполнѣ понялъ ихъ и почувствовалъ къ нимъ любовь за то, что они сказали: вѣдь, это было такъ близко его сердцу. Но у него была совсѣмъ другая вѣра. Онъ громко и увѣренно, съ горящими глазами, закричалъ:

— Не думайте же, что мы умираемъ! Пусть я буду проклятъ, если я вѣрю, что мы умремъ здѣсь! Помощь придетъ,—это такъ же вѣрно, какъ то, что я стою здѣсь! Я знаю больше другихъ людей!

Они повернули его и указали ему внизъ; здѣсь, когда волна на секунду сбѣгала, при лунномъ свѣтѣ было видно, какъ расшатаны переборки.

— Судно не выдержитъ и десяти минутъ.

Но онъ топнулъ ногой и закричалъ, какъ безумный, увѣряя ихъ:

— Я знаю, мы не погибнемъ. Не дѣлайте этого! Подождите еще! Подите наверхъ и посмотрите—сейчасъ придетъ помощь. Я знаю это отъ самого Бога.

Онъ оставилъ ихъ, пробѣжалъ въ проходъ и съ трудомъ открылъ дверь въ каюту мальчика. Первое, что онъ увидѣлъ, при свѣтѣ висячей лампы, была няня, которая въ сосѣдней маленькой каюткѣ мертвая стояла на колѣняхъ передъ своей койкой, съ петлей на вытянутой шеѣ. Мальчикъ съ сухими, застывшими глазами сидѣлъ на комодѣ, передъ изображеніемъ церкви. На полу стояла вода.

Увидя Яна Гульдта, мальчикъ зарыдалъ:

— Боцманъ былъ здѣсь и сказалъ намъ, что сейчасъ мы утонемъ. Тогда она сказала, что не хочетъ живой попасть въ эту страшную воду, и лучше повѣсится, и сдѣлала это.

Онъ прижалъ мальчика къ себѣ и, не обращая вниманія на весь этотъ ужасъ, напрягъ все свое упорство:

— Будь спокоенъ! Мы не утонемъ. Иди со мной! Такъ! Упирайся крѣпче ногами! Будь увѣренъ, что мы не погибнемъ! Это невозможно! Откуда-нибудь да придетъ помощь! Видишь-ли, это несчастье должно было случиться; должно было дойти до этого, чтобы ты ясно увидѣлъ и испыталъ на себѣ всѣ эти ужасы. Не падай духомъ! Пойдемъ, поищемъ боцмана.

Онъ пошелъ обратно по проходу, держа

за плечо мальчика, который храбро боролся съ водой, и толкнулъ дверь своей каюты. Боцманъ сидѣлъ на койкѣ, его маленькое сѣрое лицо выражало неописуемую муку. Онъ поднялъ голову и простоналъ:

— Почему Ганса Гольмана нѣтъ здѣсь? Почему? Что же это за смерть, почему я долженъ умереть одинъ?!

Янъ Гульдтъ поднялъ его и сказалъ:

— Вставай! Иди за мной! Мы не погибнемъ! У насъ трехъ есть еще дѣло въ Гамбургѣ! Мы должны пойти къ Гансу Гольману и поговорить съ нимъ! Мы трое! Мы, пережившіе все: мальчикъ все, что произошло за сто лѣтъ, ты и я—за пятьдесятъ. Другіе, можетъ быть, и погибнутъ—этого я не знаю, я не знаю ихъ жизни—но мы увидимъ этими нашими глазами обоихъ заключенныхъ на Форнандо-Норонья, если они еще живы, и Ганса Гольмана. Вставай! Я знаю, что говорю!

Они вышли въ проходъ; мальчикъ, которому вода иногда доходила до пояса, держался за руку Яна Гульдта, за нимъ шелъ боцманъ, котораго мальчикъ тоже держалъ за руку. Въ каютѣ повара, мимо которой имъ пришлось проходить, лампа коптила, столъ былъ опрокинутъ, счета и денежные билеты плавали по водѣ; самого повара въ ней не было. Съ большимъ трудомъ, обдаваемые пѣной, заливаемые набѣгающими валами, поднялись они по лѣстницѣ, уже шатавшейся въ пазахъ, и достигли верхней палубы.

Кочегары стояли, какъ и прежде, вышедшими изъ орбитъ глазами смотрѣли на море;

пѣли какой-то тягучій англійскій псаломъ и пили. Недалеко отъ нихъ, неподвижно и прямо, какъ всегда, стоялъ въ совершенномъ одиночествѣ второй офицеръ, со своей красивой фигурой нѣмецкаго крестьянина. Отъ времени до времени онъ смотрѣлъ на портретъ своей невѣсты, который держалъ въ мокрой рукѣ, подносилъ его къ губамъ и цѣловалъ; отъ портрета уже ничего не оставалось, онъ цѣловалъ мокрый сѣрый картонъ; иногда онъ поднималъ глаза и смотрѣлъ на темное сѣрое море, не приближается ли откуда-нибудь помощь. Три матроса, раньше стоявшіе возлѣ каюты повара, стояли плечо къ плечу, держа другъ друга за талію, у подъема на мостикъ и смотрѣли впередъ; въ рукѣ у средняго, котораго крѣпко держали оба крайніе, блестѣлъ ножъ. Отъ времени до времени красный огонь ракеты съ мостика освѣщалъ эту мрачную сцену; потомъ опять налеталъ вѣтеръ, приносившій съ собой дождь и туманъ, и гасилъ свѣтъ. Они, держа за плечо другъ друга, стали рядомъ съ матросами.

Не простояли они и нѣсколькихъ минутъ, какъ впереди вышибло второй люкъ, а вскорѣ послѣ этого и первый. Тяжелой массой хлынула вода въ трюмъ, видѣвшій столько людей и всякаго добра. А онъ, казалось, съ жадностью глоталъ воду, точно насытившись всѣми муками и тяжелой работой. «Анна Гольманъ» стала медленно погружаться въ воду.

Когда верхняя палуба совершенно исчезла подъ водой, матросъ, котораго держали его

товарищи, вырвался и съ безумнымъ крикомъ бросился на мостикъ. Онъ съ поднятымъ ножемъ подступилъ къ капитану и указалъ ему на лѣстницу. Его оба товарища подскочили къ нему. Тогда капитанъ, выпрямившись и держась за перила, прошелъ мимо нихъ къ лѣстницѣ и съ видомъ человѣка, входящаго въ ванну, вошелъ въ воду, которая сейчасъ же унесла его. Матросъ вернулся на прежнее мѣсто и, успокоившись, сталъ опять смотрѣть на море. Его товарищи стали рядомъ съ нимъ.

Янъ Гульдтъ стоялъ, поддерживая одной рукой шатавшагося мальчика, другую сжимая въ бѣшеномъ гнѣвѣ. Онъ видѣлъ, что еще моментъ—и «Анна Гольманъ» совсѣмъ погрузится въ воду. И онъ неистовствовалъ и бѣсился въ своей необузданной, высокомѣрной душѣ на Бога, и скрежеталъ зубами, и оскаливалъ на него зубы, какъ тигръ:

— Если меня сейчасъ унесетъ водой, я пойду, куда захочу. Я не покорюсь. О, нѣтъ! Это еще не конецъ. Я... я хочу видѣть капитана Гульдта и Ганса Гольмана. Я хочу.

Онъ встряхнулъ мальчика, подхватилъ боцмана и, дико размахивая руками, крикнулъ;

— Мы еще поговоримъ съ капитаномъ Гульдтомъ и съ Гансомъ Гольманомъ и съ тѣмъ, что тамъ на верху! Мы трое! Мы явимся передъ ними, и пусть у нихъ глава вылѣзутъ отъ удивленія! Мы трое! Вотъ идетъ послѣдняя волна. Вотъ...

«Анна Гольманъ» вдругъ зашаталась, какъ будто у нея закружилась голова; потомъ она откинулась наискось назадъ и погрузилась

въ воду. Цѣпляющіяся человѣческія руки были оторваны съ бѣшеной силой. Руки поднялись кверху, показались надъ водой и опять опустились.

Яну Гульдту казалось, что онъ еще держитъ мальчика, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ. Непромокаемый плащъ и часть рубки несли его, онъ могъ обхватить ее протянутыми руками... Волна заливаетъ его. Опять наверхъ. Но вѣдь это все напрасно. Тысячи миль воды! Напрасно!... Волна! Она не заливаетъ, она поднимаетъ его. Но... онъ почти безъ чувствъ. Но не сдаваться! Не сдаваться! Впередъ! Мы трое! Къ капитану Гульдту! Тяжелая работа! Ножъ въ рукѣ! Крѣпко держать! Впередъ черезъ смерть... Черезъ узкую, тяжелую дверь...

. . . . . .

Четверть часа спустя, въ первомъ проблескѣ разсвѣта, показался маленькій, темный пароходъ; крѣпкимъ носомъ и сильной машиной онъ храбро разрѣзывалъ тяжелыя волны и увѣренно велъ свою борозду. Сейчасъ же вслѣдъ за нимъ показался высокій, сѣрый, чистый и красивый пароходъ, съ линіями огней у бортовъ, точно золотыми шнурами; увѣренно и быстро двигался онъ впередъ. За нимъ, двойной кильваторной колонной показались направлявшіеся къ Азорскимъ островамъ десять нѣмецкихъ броненосцевъ. Тяжело сидѣли они въ водѣ, покачиваясь въ своей бронѣ, точно въ сѣрой орденской мантіи. Впереди прямо и смѣло шла «Германія», точно говоря: смотрите на новое, сильное отечество! На Германію! Мать и при-

бѣжище всѣхъ своихъ дѣтей! Въ десяти метрахъ отъ нея уже подъ водой плыла, носомъ внизъ, мертвая «Анна Гольманъ». Вахтенный смотрѣлъ впередъ и время отъ времени поднималъ руку, чтобы отбросить въ сторону ленту фуражки, которою сѣверо-западный вѣтеръ билъ его по лицу. Онъ не видѣлъ молодыхъ людей, которые, скорчившись, неслись по волнамъ, точно отдыхая послѣ послѣдней тяжелой и непосильной работы.

Онъ не видѣлъ и Яна Гульдта, который откинувъ назадъ необузданную голову, несся на своемъ непромокаемомъ плащѣ и на расщепленной деревянной стѣнѣ рубки по успокаивающемуся морю, отъ времени до времени обливаемый волной, оглушенный, потрясенный чудовищнымъ событіемъ. Въ углахъ его скрежещущаго рта и въ раздувающихся, покрытыхъ пѣной ноздряхъ лежала яростная рѣшимость требовать своего права, отстоять свое дѣло, довести до конца задуманное.

Янъ Гульдтъ, внукъ стараго гольмановскаго капитана, былъ въ плуть

Убѣдительная просьба книгу при чтеніи не перегибать и листовъ не загибать.

XI.

И грезилось обезумѣвшему Яну Гульдту:

Съ неизмѣнной рѣшимостью, легко преодолѣвавшей всѣ препятствія, онъ, не сгибаясь, не шевельнувъ ногой, поднялся на волну, точно на стеклянный откосъ, и безъ труда несомый все той же гнѣвной рѣшимостью, очутился надъ волнующимся моремъ,

гребни котораго пѣнились у его ногъ. Мальчикъ стоитъ рядомъ по правую руку отъ него, а рядомъ съ мальчикомъ стоитъ боцманъ.

Они осмотрѣлись и увидѣли своихъ товарищей, несущихся по волнамъ, и «Анну Гольманъ», уже погрузившуюся въ воду. Но затѣмъ они окинули взглядомъ волнующееся море, надъ которымъ на востокѣ уже занимался свѣтъ, и имъ сейчасъ же стало ясно, куда имъ надо плыть, и они пустились въ путь.

Такъ какъ въ ихъ мокромъ платьѣ ихъ пробирала дрожь, они плотнѣе запахнули свои куртки и понеслись впередъ, легко преодолѣвая сопротивленіе вѣтра и воздуха, надъ самыми волнами. Ихъ несла внутренняя, свободная могучая сила рѣшимости, жгучій, мрачный гнѣвъ, какой испытываетъ поселянинъ, когда выходитъ на охоту, чтобы убить звѣрей, опустошающихъ его поля. И эту рѣшимость Янъ какъ будто несъ въ необузданной груди и за своихъ обоихъ товарищей. Поэтому они все время неподвижно держались рядомъ съ нимъ, точно были соединены другъ съ другомъ желѣзнымъ прутомъ. Такъ неслись они миля за милей, легко, точно летя по воздуху, къ западу, пока передъ ними не очутилась земля: островъ Фернандо-Норонья у береговъ Бразиліи...

Тогда они умѣрили свою скорость и, колеблясь, какъ флагъ подъ порывистымъ вѣтромъ, медленно подплыли поближе и скоро увидѣли хижину, покрытую толстымъ бѣловатымъ тростникомъ. Они понеслись туда и протмы-

гнули подъ среднее изъ трехъ высокихъ густолиственныхъ деревьевъ, вѣтви которыхъ доходили почти до самой хижины. Меньше, чѣмъ въ тридцати шагахъ отъ нихъ, передъ темнымъ входомъ въ хижину, у маленькаго костра, сидѣли, по обычаю дикарей, на корточкахъ два человѣка и ѣли. Сбоку, въ ста шагахъ отъ нихъ тихо шумѣло море, разбиваясь о песчаный берегъ. Во всей картинѣ было что-то особенное, именно то, что бываетъ въ картинахъ, какъ будто она могла вдругъ исчезнуть, или какъ будто она существовала только въ воображеніи, или какъ будто это былъ только миражъ или отраженіе того, что было когда-то на этомъ мѣстѣ... Но кто можетъ говорить или слушать объ этихъ вещахъ безъ того, чтобы душа не была охвачена смутнымъ ужасомъ, а мысли не разбѣжались, какъ стадо овецъ, надъ которыми во мракѣ ночи кричатъ вороны.

Они стояли другъ возлѣ друга, выстроившись въ рядъ, подъ лиственной сѣнью средняго дерева. А капитанъ Гульдтъ и Генрихъ Гольманъ, сѣдые, съ желтыми, морщинистыми лицами, изнуренными голодомъ и лихорадкой, сидѣли на корточкахъ у своего маленькаго костра. На лбахъ, съ которыхъ они сдвинули назадъ большія заношенныя соломенныя шляпы, у нихъ были выжжены желтыя клейма въ формѣ колеса съ четырьмя спицами.

— Сколько уже времени мы здѣсь, Гульдтъ?—мягкимъ, усталымъ голосомъ спросилъ Генрихъ Гольманъ.

Капитанъ Гульдтъ жестко и иронически засмѣялся:

— Ты опять спрашиваешь? Ты думаешь, что я когда-нибудь отвѣчу иначе? Пятнадцать лѣтъ на Фернандо-Норонья и десять лѣтъ въ этой хижинѣ.

Генрихъ Гольманъ долго молча смотрѣлъ на огонь. Затѣмъ онъ съ мучительной, глубокой тоской мягко и печально сказалъ:

— Я хотѣлъ бы передъ смертью еще разъ увидѣть Альстеръ и верхушки гамбургскихъ церквей.

— Это ты говоришь всегда, — жестко и гнѣвно сказалъ Янъ Гульдтъ.—Къ чему это? Ты вѣдь знаешь, что не можешь поѣхать домой съ клеймомъ на лбу. Или ты собираешься въ такомъ видѣ сидѣть въ конторѣ у Гольмановъ или дома у нихъ на верандѣ? Ну, теперь ты будешь молчать?

Генрихъ Гольманъ весь съежился отъ этихъ суровыхъ словъ и нѣсколько времени молчалъ, боязливо поглядывая своими большими глазами на товарища. Затѣмъ онъ тихо и робко сказалъ:

— Каждый годъ, уже, значитъ, десять разъ я посылалъ домой письмо. Лавочникъ въ деревнѣ всегда говорилъ мнѣ, когда я долженъ отправить его, чтобы оно получилось во время.

Капитанъ Гульдтъ вынулъ изъ огня полѣно, очевидно, для того, чтобы бросить его въ сосѣда, или ударить его и сказалъ, дрожа отъ ярости:

— Когда же оно должно было получиться?

— На Рождество, — жалобно сказалъ Генрихъ Гольманъ, поспѣшно отодвигаясь.

Но капитанъ Гульдтъ уже такъ сильно уда-

рилъ его по плечу суковатымъ полѣномъ, что тотъ заплакалъ и сказалъ:

— Не запрещалъ ли я тебѣ писать о насъ домой? Ты хочешь, чтобы они тамъ въ Гамбургѣ и Бланкенезе смѣялись надъ нами, надъ нашими пятнадцатью годами въ Фернандо-Норонья, надъ нашими желтыми, изсохшими лицами и надъ колесомъ на нашихъ лбахъ? Чтобы они говорили: смотрите, вотъ эти люди двадцать пять лѣтъ тому назадъ еще торговали людьми! Смотрите, это послѣдніе, еще продававшіе людей! Смотрите, они все еще бродятъ среди живыхъ! Смотрите, они хотятъ еще увидѣть новый вѣкъ! Неужели у тебя нѣтъ гордости настолько, чтобы молчать и ждать, пока кончится проклятая жизнь и придетъ проклятая смерть?

Побитый съ тихимъ стономъ сказалъ:

— Я всегда писалъ по-испански и такъ, что почти ничего нельзя было разобрать. И имени я тоже не подписывалъ. Я только хотѣлъ, чтобы что-нибудь мое, хоть кусочекъ бумаги и нѣсколько буквъ, попало на родину и домой. Вѣдь, я не увижу дома больше никогда.

И онъ поднялъ кверху руки, и сказалъ съ безграничной скорбью въ изможденномъ лицѣ:

— Скажи-же мнѣ, капитанъ, почему я долженъ такъ несказанно страдать? Эти страшные годы на ужасномъ песчаномъ островѣ, гдѣ я научился этому отвратительному испанскому языку и заучилъ наизусть ужасные молитвенники, а нѣмецкія книги, которыя были моей радостью, такъ забылъ, что теперь не могу даже читать ихъ; гдѣ я такъ безумно тосковалъ по родинѣ и по нѣмецкимъ кни-

гамъ, что впалъ въ меланхолію! Когда ты сидишь въ челнокѣ и удишь рыбу, я сижу и смотрю на море, туда, гдѣ находится наша родина. Я не могу больше представить ее себѣ; я совсѣмъ не помню ея, знаю только, что она прекрасна, и что тамъ такая чудесная прохлада.

Онъ схватился за виски, рвалъ себя за рѣдкіе, сѣдые волосы и плакалъ.

— Видишь ли, ты добровольно взялъ на себя команду надъ «Анной Гольманъ», ты хотѣлъ разбогатѣть вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и братомъ; ты былъ холоднымъ, умнымъ зрителемъ въ человѣческомъ театрѣ и, грабя и обирая, смѣялся. Я же, ты знаешь это, и Богъ знаетъ это тоже... я въ тридцать лѣтъ еще совсѣмъ не зналъ жизни. Я не зналъ, что я дѣлалъ, и что дѣлали вы.

Капитанъ опять схватилъ полѣно, которое бросилъ обратно въ огонь, и съ дико вспыхнувшими глазами сказалъ:

— Что за дѣло мнѣ и Богу до того, что у тебя было мягкое сердце, и ты не былъ виноватъ? Ты думаешь, что онъ спрашиваетъ объ этомъ? Ты здѣсь, потому что тебя поймали вмѣстѣ со мной. И я радъ, что ты здѣсь, что у меня есть одинъ изъ проклятыхъ Гольмановъ, на котораго я могу излить свое бѣшенство, когда думаю о нихъ. На тебя! На тебя!

И онъ ударилъ его полѣномъ.

Янъ Гульдтъ, стоя со своими обоими спутниками подъ деревомъ, слышалъ и видѣлъ все это, и думалъ въ дикомъ гнѣвѣ:

— Что-же такое Богъ? И гдѣ онъ?

И онъ призывалъ его. Но его гнѣвъ кри-

чалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть рта для брани, ни поднять руки для удара. Ихъ сердца грызъ и томилъ яростный гнѣвъ; но они стояли молча и прямо.

— Я долженъ посмотрѣть — съ сердцемъ пылающимъ злобой, подумалъ онъ, — такъ-же ли обстоитъ дѣло и съ Гансомъ Гольманомъ.

И они опять отправились въ путь.

Навстрѣчу имъ дулъ рѣзкій вѣтеръ; они легко справлялись съ нимъ и помчались по направленію къ родинѣ, несомые его сильной, безудержной, гнѣвной волей. Онъ точно держалъ ее въ лѣвой рукѣ, которую все время съ дикой, упрямой силой сжималъ въ кулакъ. Мимо нихъ проносились парусныя суда и пароходы: разъ большая барка очутилась какъ разъ на ихъ пути, они проскользнули мимо снастей, отдѣлившись на моментъ другъ отъ друга, точно воздухъ, который то разступается, то снова сжимается. Увидя передъ собой англійскій берегъ, они затрепетали, какъ флагъ, подъ порывистымъ вѣтромъ, взвиться ли имъ наверхъ и понестись прямо надъ Англіей, или-же избрать круговой водный путь. Они склонились на сторону воднаго пути, потому что онъ былъ пріятнѣе и имъ, какъ морякамъ, болѣе знакомъ. Берегъ въ утренней дымкѣ отошелъ въ сторону. Мимо. Вдали у фрисландскихъ островов и у Гельголанда показалась бѣлоснѣжная пѣна прибоя. Мимо. Надъ Шаргеркомъ стояло облако серебристо-сѣраго песка; но они не пріостановились ни на минуту. Словно чайки, несущіяся утромъ, когда разсѣивается туманъ надъ водой, но въ

образѣ утопленниковъ съ наглухо застегнутыми изъ-за утренней свѣжести куртками, съ которыхъ еще текла вода, скользнули они въ Эльбу, поднялись по ней, пронеслись по всему Гамбургу и остановились на другомъ берегу Альстера. Они проскользнули черезъ великолѣпный садъ и вошли прямо въ домъ, который открылся передъ ними. И они очутились въ уютной комнатѣ, выходившей въ задній садъ.

Здѣсь, въ глубинѣ широкаго кресла, у стола, съ газетой въ рукѣ, сидѣлъ маленькій, изящный Гансъ Гольманъ, и красивая, старая женщина лѣтъ семидесяти, сидѣвшая въ шляпѣ и пальто напротивъ него, разговаривала съ нимъ.

Со слезами на глазахъ и дрожащими губами она сказала:

— Я не родная по крови вамъ, Гольманамъ, я родственница ваша только по мужу; но я ношу ваше имя. И я пришла отъ его матери, которая лежитъ на полу и бьетъ землю руками. Ему было тринадцать лѣтъ. Въ тринадцать лѣтъ умереть такой ужасной, такой внезапной смертью.

Гансъ Гольманъ вынулъ изо рта сигару и серьезно и укоризненно сказалъ:

— Столько шуму изъ-за одного мальчика.

Она съ вспыхнувшимъ гнѣвомъ сказала:

— Ты навѣрно радъ, что онъ погибъ?

Онъ опять заглянулъ въ газету, затѣмъ хладнокровно отвѣтилъ:

— Онъ не достаточно интересуетъ меня, чтобы я могъ сказать: я радъ или не радъ. Ты не можешь отрицать, что людей очень

много, и что многіе умираютъ молодыми. А особенно на морѣ.

Старая женщина, ломая руки, покачала сѣдой головой; затѣмъ овладѣла собой и сказала:

— Если бы наши суда были хороши и крѣпки, и одно изъ нихъ или два, или даже шесть погибло, весь Гамбургъ сказалъ-бы: «Жаль! Намъ жаль людей, и корабля и владѣльцевъ». Но такъ какъ это наши суда, то весь портъ, всѣ рабочіе, всѣ матросы, всѣ судовладѣльцы говорятъ: «Конечно, Гольманы! Этимъ должно было кончиться!» На насъ, Гольманахъ, лежитъ проклятіе множества людей, погибающихъ моряковъ, родителей, матерей, дѣтей, — и будетъ лежать еще шестьдесятъ лѣтъ: ибо наши грѣхи взыщутся на нашихъ дѣтяхъ, и жизнь ихъ будетъ разрушена.

Гансъ Гольманъ стряхнулъ пепелъ съ своей сигары и, улыбаясь, сказалъ:

— Все это звучитъ недурно! Получается впечатлѣніе, что мы, Гольманы, все-таки молодцы.

Женщина горько кивнула головой.

— Мы носимъ клеймо на лбу, какъ твой братъ Генрихъ. Твоя сестра и сводный братъ все еще получаютъ въ сочельникъ тѣ ужасныя письма съ нѣсколькими неразборчивыми испанскими строчками. Знаетъ-ли твой отецъ объ этомъ, видѣлъ ли онъ ихъ и содрогнулся-ли передъ ними?

Она закрыла лицо руками и горько заплакала. И съ горькимъ рыданіемъ и дикимъ, гнѣвнымъ стономъ сказала:

— Я хотѣла бы, чтобы насъ, наконецъ, поразилъ какой-нибудь страшный ударъ, который уничтожилъ бы насъ, который отнялъ бы у насъ честь; чтобы портовый контроль или какой-нибудь почтенный купецъ...

Гансъ Гольманъ громко разсмѣялся и, покачавъ головой, сказалъ:

— Вотъ и видно, что ты въ самомъ дѣлѣ ничего не понимаешь.

Затѣмъ онъ поднялся съ кресла и, выпрямивъ, свою маленькую фигурку, серьезно сказалъ:

— Мнѣ надо въ контору. Я думаю, ты не поѣдешь сегодня же обратно въ деревню, а погостишь у меня? До моего возвращенія—у тебя остается цѣлыхъ шесть часовъ, и ты сможешь на досугѣ отдаться своимъ интереснымъ мыслямъ.

Старая женщина встала и рѣзко и сухо сказала:

— Я еще никогда, насколько я помню, не гостила у тебя съ тѣхъ поръ, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, во время того путешествія, бросилась въ море моя молодая компаньонка, которая наканунѣ жаловалась мнѣ, что ты преслѣдуешь ее своими предложеніями...

Она посмотрѣла на него и вышла изъ комнаты.

Янъ Гульдтъ постоялъ со своими спутниками еще немного, чтобы посмотрѣть, какимъ будетъ Гансъ Гольманъ, когда останется одинъ. Но онъ услышалъ только, какъ тотъ тихо и совершенно спокойно сказалъ самому себѣ: «Это пріятно, что боцманъ лежитъ на днѣ

Бискайскаго залива... старый пьяница»... и при этомъ прищелкнулъ пальцами.

Тогда Янъ Гульдтъ въ безумномъ гнѣвѣ подумалъ:

— Что такое Богъ? И гдѣ онъ? И почему онъ не слышитъ?

И онъ громко призвалъ его. Но его гнѣвъ кричалъ только внутри его, въ его сердцѣ; онъ не могъ ни открыть уста для брани, ни поднять руки для удара. Ихъ сердца терзалъ и томилъ самый яростный гнѣвъ; но они молча и неподвижно стояли на своемъ мѣстѣ.

«Теперь уже нельзя откладывать,—подумалъ онъ въ своемъ гнѣвномъ неистовствѣ,—пора мнѣ сказать правду въ лицо ему самому».

Они повернулись и выскользнули изъ дома, двери и стѣны котораго разступились передъ ними... И, несомые еще болѣе дикой рѣшимостью и гнѣвомъ, холодно и высокомѣрно поднявъ кверху лица, они, точно стрѣлы, взлетѣли кверху, все, выше, выше, пока не попали въ безконечно ширившуюся голубую ночь, и полетѣли сквозь нее все дальше, дальше. И, наконецъ, они остановились передъ высокими стѣнами, которыя въ сѣрой мглѣ блестѣли, точно отлитыя изъ болѣе свѣтлой сѣрой стали.

Янъ Гульдтъ постучался тамъ, гдѣ какъ будто виднѣлась дверь. Онъ стучалъ такъ дико, рѣзко и сильно, что у него заболѣла рука. Но звукъ все-таки получался такой, какъ если бы въ тихой комнатѣ ударилась о доску муха. И отвѣта не было.

Тогда боцманъ открылъ ротъ и сказалъ:

— Вотъ видишь, что тебѣ отъ твоей не-

винной жизни и отъ твоей вѣры, что все должно придти въ порядокъ и кончиться хорошо? Ты видишь, что въ мірѣ хозяйничаетъ не Богъ, а дьяволъ. Зачѣмъ я, бѣдняга, не остался въ своей каютѣ, гдѣ я былъ, когда ты нашелъ меня? Я хочу вернуться опять на «Анну Гольманъ» и лечь на свою койку, хотя она и мокрая, и лежать до тѣхъ поръ, пока небо и земля не разлетятся на куски.

Маленькій Гансъ Гольманъ мягкимъ движеніемъ положилъ свою руку на руку боцмана и сказалъ:

— Не иди туда! Тамъ вокругъ тебя будетъ всегда все то злое, что такъ долго мучило тебя. Иди со мной—я знаю наверху, на Сильтѣ, старую, крѣпкую церковь. Тамъ каждую ночь собирается множество мертвецовъ—среди нихъ есть и моряки—и всѣ они радуются, что сидятъ подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ, и смотрятъ на алтарь и вѣрятъ, что Господь стоитъ на стражѣ.

Такъ сказалъ онъ своимъ милымъ голоскомъ и, дотрагиваясь своей нѣжной рукой до Яна Гульдта, тихо промолвилъ:

— Пойдемъ съ нами.

Но Янъ Гульдтъ вырвалъ свою руку, дико засмѣялся и, повернувшись къ желѣзной стѣнѣ, сталъ громко кричать обо всемъ томъ, что разрывало его душу.

Тогда его спутники оставили его одного и отправились на Сильтъ.

Онъ же громко кричалъ:

— Генрихъ Гольманъ! Капитанъ Гульдтъ! Эмигранты! Ихъ дѣти! Негры! Дѣвушка! Мертвые товарищи! Мой отецъ! Моя мать! Я, штур-

манъ Гульдтъ... И ты не говоришь ничего?! Ты допускаешь все это, даешь этому повторяться уже тысячу лѣтъ?

И онъ стучалъ кулаками о дверь. Но это звучало жалко и убого.

Тогда въ немъ вспыхнуло неистовое бѣшенство; онъ потерялъ разумъ и соображеніе. Съ глухими рыданіями онъ бросился всѣмъ тѣломъ на стальную дверь.

Этотъ толчокъ сразу вдругъ оглушилъ его.

Онъ еще зналъ, гдѣ онъ; и у него было еще смутное ощущеніе, что онъ презираетъ Бога, передъ вратами котораго стоитъ, и въ знакъ этого онъ еще плюнулъ въ дверь, но дикій, бѣшеный гнѣвъ исчезъ. Его душа была полна тупого, презрительнаго равнодушія.

Равнодушный ко всему стоялъ онъ и размышлялъ о томъ, что же ему теперь дѣлать. И послѣ нѣкотораго раздумья ему показалось самымъ лучшимъ—разъ ужъ все на свѣтѣ такъ сѣро и безсмысленно—продолжать свою службу моряка, но на какомъ-нибудь маленькомъ одинокомъ суднѣ, и такъ прясть до конца нить своей жизни. И онъ повернулся и опять отправился въ путь, и такъ, въ такомъ состояніи отупѣнія, дошелъ до моря.

Увидя море, онъ опять сталъ размышлять, въ какую сторону ему направиться, и рѣшилъ, что самое лучшее для него отправиться въ Лондонъ и поискать тамъ службы на одномъ изъ многочисленныхъ, большихъ, бродячихъ кораблей, которые бороздятъ всѣ моря, которые, забывъ о родинѣ и о радости, ползутъ вокругъ земного шара, точно унылые жуки

вокругъ жесткаго и кислаго яблока. Жизнь на такомъ суднѣ представлялась ему самой одинокой и спокойной и безстрастной жизнью. Да, онъ такъ и сдѣлаетъ...

XII.

Его замѣтили рыбаки, возвращавшіеся домой послѣ перенесеннаго шторма вслѣдъ за нѣмецкой эскадрой. Онъ несся по волнамъ на своемъ непромокаемомъ плащѣ и обломкѣ рубки. Губы его были сомкнуты, покрытыя пѣной, ноздри неестественно расширены; все откинутое назадъ лицо выражало дикую, жестокую рѣшимость, лѣвая рука была такъ крѣпко сжата, что, когда ее раскрыли, на ладони оказались четыре глубокія раны. Такъ какъ въ его мертвомъ лицѣ было столько рѣшимости, и онъ былъ такъ молодъ и несся рядомъ съ ними, они втащили его въ лодку. Они положили его возлѣ люка для рыбы, въ защищенное отъ вѣтра мѣсто, куда доходили лучи отъ восходящаго солнца, и накрыли своими старыми куртками, которыя сняли съ себя, такъ какъ вѣтеръ тоже утихалъ.

Въ своей одиноко лежащей деревушкѣ къ югу отъ Уэссана, они снесли его на берегъ и внесли въ ближайшій домикъ, въ которомъ жила еще не старая вдова рыбака съ двумя сыновьями-подростками. Тамъ они положили его на желтый глиняный полъ маленькой прихожей, которая въ глубинѣ расширялась и переходила въ кухню. Прежде чѣмъ уйти къ своимъ женамъ, они добродушно пошутили, обращаясь къ вдовѣ.

— Когда онъ очнется, Жаннета, ты можешь оставить его себѣ. Но ты должна пригласить насъ на свадьбу: мы, вѣдь, принесли его тебѣ.

Вдова пощупала ему, какъ умѣла, пульсъ, послушала сердце и рѣшила, что онъ закоченѣлъ и очень истощенъ. Она укутала его всѣми одѣялами, которыя нашлись у нея въ домѣ и, снявъ съ очага семь большихъ камней, еще теплыхъ отъ утренняго кофе, положила ихъ рядомъ съ нимъ, такъ что онъ какъ будто уже лежалъ въ могилѣ, обложенной камнями. Затѣмъ она пошла съ мальчиками на свое маленькое поле, чтобы выкопать послѣдній картофель. Она думала: «къ вечеру онъ умретъ» и молилась за его блуждавшую во мракѣ душу.

Около полудня, когда солнце поднялось высоко и согрѣло маленькую желтую переднюю, его вырвало — вышло немного воды — и онъ нѣсколько пришелъ въ себя. Нѣкоторое время онъ лежалъ въ оцѣпенѣніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ послѣ ужаснаго паденія, и тупо думалъ все о томъ же: да, самое лучшее будетъ, если онъ поступитъ на пароходъ. Такъ лежалъ онъ, м[illegible]полузакрытыми глазами, ничего не [illegible]озна[illegible]

Солнце поднял[illegible], сказалъ онъ, поясняя желтую дверь и л[illegible] направлен[illegible]
посохъ, легъ наконецъ, оправ[illegible]ъ отъ своего
сталъ медлен[illegible]на знаками дала ему понят[illegible]
онъ придвин[illegible] сначала чего-нибудь п[illegible]
уже темн[illegible]заставила его сѣсть на [illegible]
и тем[illegible]е у очага и живо [illegible]
ты[illegible]а послала дѣтей за всѣмъ [illegible]

рядомъ съ нимъ. Такъ какъ онъ моргалъ глазами, ей стало любопытно, что изъ этого выйдетъ, и она сѣла на порогъ и долго сидѣла, не спуская съ него глазъ. Въ ея маленькой головкѣ появилась догадка, что дверь мѣшаетъ солнцу войти въ комнату, и она попробовала открыть ее настежь. Но такъ какъ это ей не удалось, вся эта исторія показалась ей слишкомъ продолжительной, и она ушла. Затѣмъ на порогѣ сѣла сѣро-голубая въ солнечномъ свѣтѣ ласточка, поклевала носикомъ, встряхнулась и послѣдовала примѣру дѣвочки.

Онъ не видѣлъ именно этого, хотя уже наполовину открылъ глаза. Онъ лежалъ въ полузабытьи и мучился жестокостью старика, который билъ горящимъ полѣномъ другого старика, безсовѣстностью худощаваго человѣка съ быстрыми движеніями, разговаривавшаго со старой женщиной, и тѣмъ, что Богъ ничего не дѣлаетъ, чтобы помѣшать всему этому, ничего не говоритъ, живетъ за желѣзными стѣнами, и уши у него желѣзныя, такія [illegible], какъ дверь. Что ему дѣлать, если таковъ міръ и таковъ Господь Богъ? Что дѣлать? Сидѣть въ церкви на Сильтѣ, какъ тѣ двое? Что они [illegible]? Откуда вошли въ [illegible] сторякъ, съ маленькій [illegible] мальчикъ? [illegible] несчастными [illegible] ничего. Все [illegible] Единственно, [illegible] поступить [illegible] кухню. Прежде чѣмся безсовѣстно [illegible] добродушно [illegible] онъ [illegible] а-

чить, дальше, въ Лондонъ. Почему онъ прервалъ свое путешествіе? Почему онъ лежитъ здѣсь такъ, какъ будто его бросили сюда, среди камней?

Онъ сбросилъ одѣяла, такъ что камни покатились къ стѣнѣ, шатаясь, всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, совершенно не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ. Онъ удивился, что сталъ двигаться вдругъ медленнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился въ дверяхъ, все еще съ полузакрытыми глазами, съ крѣпко стиснутыми зубами, съ глухимъ проклятіемъ на синихъ губахъ. На его сухихъ, бѣлокурыхъ спутанныхъ волосахъ играло и ликовало солнце.

Въ этотъ моментъ изъ-за угла показалась женщина со своими двумя мальчиками. Они уронили лопаты и мѣшки, которые держали въ рукахъ, и стали кричать что-то, чего онъ не понялъ. Онъ равнодушно смотрѣлъ на нихъ, нѣсколько смущенный этой неожиданной встрѣчей, но нисколько не удивленный ихъ чужеземными лицами и одеждой; вѣдь, онъ былъ въ пути, проѣзжалъ черезъ чужія страны. Удивляло его только то, что онъ не зналъ, по какому направленію ему надо теперь идти.

— Въ Лондонъ, - сказалъ онъ, поясняя жестомъ, что не знаетъ направленія.

Женщина, наконецъ, оправилась отъ своего изумленія. Она знаками дала ему понять, что онъ долженъ сначала чего-нибудь поѣсть и выпить, заставила его сѣсть на каменную скамью у очага и живо принялась за дѣло. Она послала дѣтей за всѣмъ необходимымъ

и раздула деревяннымъ поддуваломъ огонь, при чемъ не переставала выражать свое удивленіе, по женскому обыкновенію, то и дѣло всплескивая руками. Затѣмъ она поставила передъ нимъ горячій кофе, дала ему кусокъ прекраснаго темнаго хлѣба, и онъ съ жадностью поѣлъ. Кровь въ немъ стала обращаться живѣе, и онъ немного ожилъ. Но душа его продолжала тупо копаться въ томъ тяжеломъ, что она пережила съ обоими стариками передъ хижиной и съ маленькимъ человѣкомъ на верандѣ и передъ желѣзными стѣнами, высившимися въ темно-сѣрой мглѣ. Она спросила его, какъ его зовутъ; чтобы онъ понялъ ее, она указала на себя и своихъ дѣтей и назвала ихъ имена и свое; но онъ не зналъ своего имени. Она спросила его о названіи судна, при чемъ назвала по имени, подвѣшенный къ потолку деревянный корабликъ своихъ мальчиковъ; но онъ не зналъ и этого. Въ его душѣ было живо только то, что онъ пережилъ со своими двумя бѣдными спутниками въ далекомъ воздушномъ странствіи, и все это пережитое вызывало въ немъ только тупое, равнодушное, безнадежное желаніе.

Дальше, дальше! Въ Лондонъ! И онъ прибѣгнувъ по обычаю моряковъ въ чужой странѣ къ англійскому языку, опять спросилъ дорогу въ ближайшую гавань и въ Лондонъ.

Женщина, вообще бойкая и неглупая, не знала, что ей сдѣлать, чтобы удержать его. Она еще успѣла вспомнить о старой шерстяной шапкѣ своего мужа и нахлобучить ее ему на голову; затѣмъ ей пришлось отпустить его.

По ея приказанію, мальчики бѣжали за нимъ

цѣлый часъ. Каждый разъ, какъ они подходили къ нему слишкомъ близко, они останавливались; затѣмъ, когда разстояніе между ними увеличивалось, опять тихонько бѣжали за нимъ и кричали ему, какъ ему идти. На послѣднемъ перекресткѣ они указали ему большую дорогу и дальнѣйшее направленіе. На свѣжемъ вечернемъ воздухѣ онъ настолько пришелъ въ себя, и сознаніе его настолько прояснилось, что онъ замѣтилъ, что они не собираются идти дальше, и понялъ, что долженъ поблагодарить ихъ. Онъ протянулъ имъ руку и попытался сказать, что желаетъ, чтобы имъ не пришлось пережить то, что пережилъ онъ (при этомъ онъ опять-таки думалъ только о безумномъ странствованіи втроемъ и о горестномъ знаніи, которое оно принесло); но они, испуганно отшатнувшись, бросились бѣжать и исчезли, какъ молодые жеребята, въ облакѣ пыли.

Онъ добрался до ближайшей гавани, а оттуда до Бреста. По дорогѣ онъ произносилъ всегда только названіе города, въ который стремился, но все еще совершенно не сознавалъ, гдѣ находится. Изъ Бреста онъ въ качествѣ матроса на маленькомъ грязномъ грузовомъ пароходѣ переѣхалъ въ Плимутъ. Когда товарищи по судну спрашивали его, откуда онъ, онъ отвѣчалъ имъ тономъ, въ которомъ отражался его безотрадный и необыкновенный опытъ: «Издалека». Если же они настаивали, онъ рѣзко уклонялся отъ бесѣды, какъ человѣкъ, которому этотъ тяжелый опытъ далъ право быть рѣзкимъ. На восьмой день своего путешествія, онъ совершенно не почувство-

вавъ нужды въ деньгахъ, прибылъ въ Лондонъ въ какомъ-то тупомъ, полусонномъ состояніи, совершенно забывъ все, что было до гибели «Анны Гольманъ», съ душой, цѣликомъ заполненной и истерзанной тяжелымъ событіемъ странствія втроемъ. То, что онъ узналъ во время этого странствія о Богѣ, справедливости и человѣческой душѣ, мрачной тѣнью стояло въ его душѣ. Его голосъ звучалъ равнодушно и тускло, онъ совершенно утратилъ тотъ полный, прекрасный звукъ, который всегда, точно колокольный звонъ, пѣлъ въ немъ.

Не отвлекаясь ничѣмъ, онъ обошелъ всю гавань въ поискахъ парохода, который взялъ бы его. На нѣкоторыя суда его не хотѣли взять, потому что онъ не могъ назвать ни своего имени, ни мѣста, откуда пріѣхалъ, и съ тупымъ упрямствомъ и упорной настойчивостью стоялъ на своемъ желаніи ѣхать въ качествѣ офицера, а не матроса. Наконецъ, онъ попалъ на огромный, очень мрачный на видъ пароходъ, который шелъ съ грузомъ въ портъ Аделаиду въ Австраліи, гдѣ долженъ былъ получить новый фрахтъ.

Они хотѣли принять его въ матросы; но такъ какъ онъ не могъ вспомнить своего имени и, кромѣ того, что пріѣхалъ изъ Плимута, не могъ дать о себѣ никакихъ свѣдѣній, то они колебались. Но первый офицеръ, который былъ спортсменомъ и украсилъ стѣны своей каюты пятьюдесятью призами, полученными за побѣды на всѣхъ спортивныхъ площадкахъ отъ Лондона до Сингапура и отъ Капштадта до Санъ-Франциско, ска-

залъ со свойственной англичанамъ рѣшительностью:

— Что намъ за дѣло до этого, капитанъ? Парень съ виду молодецъ и волосы у него русые. Русые — это хорошая старая раса, и въ нихъ еще горитъ старый языческій огонь. Посмотрите только на его лицо!

Такимъ образомъ, онъ снова отправился въ плаваніе, матросомъ на «Альбертѣ».

Матросы любили его и были съ нимъ ласковы. Они прозвали его «Томъ Джинджеръ», какъ англійскіе моряки называли рыжихъ, потому что ихъ волосы напоминаютъ цвѣтомъ инбирное варенье, подшучивали надъ этимъ прозвищемъ, въ общемъ же не особенно занимались этимъ страннымъ случаемъ. Но первый офицеръ продолжалъ относиться къ нему съ большимъ интересомъ, который еще усилился, когда онъ убѣдился, что незнакомецъ получилъ хорошее образованіе и хорошо понимаетъ морское дѣло.

Три недѣли спустя случилось, что третій офицеръ, поступившій на пароходъ съ зачатками тяжелой болѣзни, слегъ и умеръ. Тогда первый офицеръ предложилъ капитану взять на его мѣсто незнакомца. Онъ сказалъ:

— Онъ годится, капитанъ; я ручаюсь. И я думаю, что мы сдѣлаемъ этимъ еще и доброе дѣло. Сколько тяжелаго долженъ былъ пережить бѣдняга, чтобы все прошлое исчезло изъ его памяти!

Такъ «Томъ Джинджеръ» сдѣлался третьимъ офицеромъ. Въ слѣдующемъ году, послѣ усердныхъ занятій англійскимъ языкомъ со своимъ покровителемъ, онъ сдалъ въ Англіи

экзаменъ на штурмана и сталъ плавать на «Альбертѣ».

XIII.

Тихимъ молчаливымъ человѣкомъ сталъ Янъ Гульдтъ. Въ душѣ его, точно опустошенной пожаромъ и подернутой дымомъ и мглою, не было ничего, кромѣ туманныхъ обрывковъ событій и образовъ изъ того ужаснаго путешествія, да тупого, равнодушнаго недовѣрія къ жизни и всему міру. Онъ все глубже погружался въ это недовѣріе и, снова вызывая въ своей памяти всѣ подробности того странствованія, все больше отдавался горькимъ, безнадежнымъ мыслямъ. Съ тупой, равнодушной насмѣшкой сравнивалъ онъ судьбу добрыхъ и злыхъ: злого стараго капитана у хижины и его мягкаго обиженнаго противника; изящнаго, подвижнаго барина на его красивой верандѣ и обоихъ бѣдныхъ спутниковъ въ церкви на Сильтѣ, которую онъ представлялъ себѣ очень мрачной. Какъ будто въ туманѣ онъ видѣлъ ихъ движенія, смутно слышалъ ихъ рѣчи и различалъ ихъ лица; но онъ не зналъ, какъ ихъ зовутъ, и откуда и какъ они вошли въ его жизнь.

За три-четыре года онъ привыкъ къ этому новому состоянію тоскливаго, холоднаго оцѣпенѣнія, освоился съ нимъ. И вотъ мало-помалу, почти незамѣтно, въ немъ стало пробуждаться тихое удивленіе и неудовлетворенное желаніе проникнуть за этотъ туманъ, посмотрѣть, что таится за нимъ, или обойти его. Онъ говорилъ себѣ, что должно же быть

за нимъ что-нибудь: страна, въ которой живутъ знакомые люди и вещи. Но когда онъ пытался проникнуть въ эту тьму, его сейчасъ же охватывалъ страхъ заблудиться въ ней и окончательно потерять дорогу.

Мало-по-малу у него явилась мысль поговорить о своемъ состояніи и о своей исторіи съ какимъ-нибудь добрымъ и умнымъ человѣкомъ, и такимъ образомъ, такъ сказать, пробраться въ эту страну въ сопровожденіи этого спутника. Но прошелъ годъ, за нимъ другой, и уже пять лѣтъ прошло, безъ движенія, а онъ при своей меланхоліи и теперешней нелюдимости не находилъ человѣка, который показался бы ему подходящимъ для того, чтобы передать ему эту темную исторію.

Какъ то разъ—это было въ Монреалѣ, въ Канадѣ,—Янъ Гульдтъ отправился въ городъ, чтобы немного развѣяться. Зайдя посидѣть въ какой-то трактиръ, онъ обратилъ вниманіе на человѣка въ длинномъ черномъ сюртукѣ, который въ Германіи называютъ лютеровскимъ,—повидимому, пастора. Очевидно, онъ продалъ или купилъ какую-то землю или акціи желѣзной дороги, или что-то въ этомъ родѣ, вѣроятно, по порученію своей общины, и былъ доволенъ исходомъ дѣла. Онъ сидѣлъ съ нѣсколькими изъ своихъ фермеровъ, которые сопровождали его для большей вѣрности предпріятія, и бесѣдовалъ объ акціяхъ, тарифахъ, цѣнахъ на пшеницу, Соединенныхъ Штатахъ и Богѣ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ благочестивый и вмѣстѣ съ тѣмъ знающій жизнь, и, попивая виски съ содовой водой, мало-по-малу вошелъ въ то

довольное и задорное настроеніе, которое ищетъ случая проявить себя и въ которомъ диспутъ съ дьяволомъ кажется человѣку величайшимъ удовольствіемъ.

Янъ Гульдтъ смутно чувствовалъ это и какъ разъ нѣчто въ этомъ родѣ и могъ предложить. Къ тому же эта деревенская, твердая вѣра доставляла ему безсознательное удовольствіе, хотя самъ онъ давно отошелъ отъ нея и не имѣлъ о ней больше никакого понятія. Онъ пододвинулъ свой стулъ къ стулу пастора, выколотилъ свою трубку о спинку стула и сказалъ:

— Ваше преподобіе, вы мнѣ разрѣшите разсказать вамъ одну исторію?

И онъ выложилъ передъ нимъ обломки своей жизни, то что изъ всей его прошлой жизни осталось у него: какъ ихъ несло по волнамъ втрёмъ. И въ заключеніе онъ махнулъ рукой, точно говоря: вотъ и все, больше ничего нѣтъ.

У пастора сначала выпала изо рта короткая трубка, которую онъ держалъ въ зубахъ, потомъ опустились широкія плечи, а подъ конецъ почти упало и сердце, когда онъ выслушалъ эту темную исторію и понялъ, что у худощаваго человѣка съ напряженнымъ благороднымъ лицомъ больше ничего нѣтъ въ душѣ.

— Тамъ было море,—сказалъ Янъ Гульдтъ, слегка проводя рукой по спинкѣ стула...—и мы поднялись надъ нимъ и затѣмъ отправились въ путь.

И онъ замолчалъ съ открытымъ ртомъ въ ожиданіи отвѣта.

Пасторъ прежде всего поднялъ свою трубку,— но это онъ сдѣлалъ исключительно по привычкѣ,—затѣмъ поднялись и его плечи; затѣмъ ужъ мало-по-малу пріободрилось и его твердое сердце. Онъ тихо и неувѣренно сказалъ:

— Вы забыли все: родителей, имя, всю молодость, всѣхъ товарищей дѣтства? Въ вашей жизни, очевидно, произошло какое-нибудь ужасное событіе.

И онъ еще разъ внимательно всмотрѣлся въ его лицо. Онъ увидѣлъ глубоко-сидящіе глаза и толстые узлы надъ ними и, медленно и осторожно подходя къ этому удивительному дѣлу, нащупывающимъ голосомъ сказалъ:

— Можно, кажется, предположить, что съ вами случилось нѣчто вродѣ того, что случается иной разъ съ быками?

То есть какъ?—спросилъ Янъ Гульдтъ, нимая.

— Я сейчасъ объясню вамъ,—уже увѣреннѣе сказалъ пасторъ.—Вчера, когда я ѣхалъ въ поѣздѣ сюда, я издали на лугу, на которомъ еще стояло нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ дѣвственнаго лѣса старыхъ стволовъ, увидѣлъ молодого бычка. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на одинъ изъ пней, смотрѣлъ очень внимательно. Онъ даже изогнулся немного назадъ, чтобы разсмотрѣть его получше. Потомъ онъ нагнулъ голову и, разбѣжавшись, стукнулся объ него лбомъ. Мнѣ казалось, что я слышу глухой странный стукъ. Послѣ этого бычокъ долго стоялъ совершенно оглушенный, широко разставивъ ноги, безъ движенія и, я думаю, со-

вершенно утративъ память о прежнихъ лугахъ и друзьяхъ. Я считаю что таково, и ваше состояніе. Не можетъ-ли быть, что, какъ быкъ вмѣсто того, чтобы оставить дерево въ покоѣ и мирно пастись вокругъ него, съ разбѣга бросился на него, такъ и вы бросились на Бога и міръ? Что вы скажете на это?

Бѣдный Янъ Гульдтъ нѣсколько минутъ тщетно рылся въ своей памяти, точно занесенной снѣгомъ; затѣмъ онъ медленно раскрылъ свою лѣвую руку, въ которой держалъ трубку, глубокомысленно осмотрѣлъ ладонь и своимъ беззвучнымъ голосомъ сказалъ:

— Здѣсь на рукѣ у меня четыре бѣлыхъ рубца. Я никогда не могъ вспомнить, откуда они у меня. Но приблизительно годъ тому назадъ, когда мы во Владивостокѣ грузили мѣха, лѣнивый староста грузчиковъ злилъ меня въ теченіе трехъ дней; на четвертый день я схватилъ его за шиворотъ; тогда [illegible] раны стали у меня болѣть. Такъ что, [illegible] луй, вы и правы.

И, снова посмотрѣвъ на свою руку, онъ нерѣшительно, точно обращаясь къ самому себѣ, сказалъ:

— Мнѣ теперь кажется, что тогда, когда я шелъ въ Лондонъ, онѣ были совсѣмъ [illegible]; мнѣ какъ будто помнится, что я сидѣлъ у бѣлой дороги и разсматривалъ ихъ.

Онъ опять поднялъ голову и сказалъ:

— Но что могли мнѣ сдѣлать тѣ, на которыхъ я такъ яростно набросился? Что это за старый капитанъ, что сидитъ съ другимъ старикомъ у костра передъ хижиной? И кто этотъ маленькій человѣкъ за верандой? И кто тѣ

двое, которые были со мной и потомъ ушли въ церковь? Я ясно помню—я еще слышу звукъ его голоса,—какъ мальчикъ сказалъ: «церковь на Сильтѣ». И зачѣмъ-бы мнѣ было сталкиваться съ Богомъ, съ Богомъ, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла?

И онъ сдѣлалъ рукой такое движеніе, какъ будто отстранилъ отъ себя навязчиваго разнощика съ его ненужнымъ товаромъ.

Священникъ неодобрительно покачалъ своей широкой, честной головой; затѣмъ строго сказалъ:

— Я воздерживаюсь отъ сужденія о томъ, дѣйствительно ли эти особы, противъ которыхъ была направлена ваша ярость, провинились передъ вами особенно; что касается послѣдняго, который въ моихъ глазахъ стоитъ выше всѣхъ человѣческихъ сужденій...

— Да, да,—сказалъ Янъ Гульдтъ,—простите, ваше преподобіе. Но скажите, не можете-ли вы мнѣ посовѣтовать, что мнѣ дѣлать, чтобы понемногу припомнить все?

И онъ быстрымъ движеніемъ провелъ своимъ краснымъ платкомъ по лбу, на которомъ подъ бѣлокурыми волосами стояли капли пота.

Пасторъ опять запыхтѣлъ трубкой, радуясь, что бесѣда покинула скользкую почву и переходитъ опять на твердую дорогу, по которой онъ ходилъ каждое воскресное утро. Онъ хорошенько затянулся и сказалъ:

— Когда я вижу человѣка слабаго, вялаго и лѣниваго, я говорю ему: ты долженъ держаться прямо и бодро, долженъ читать смѣлыя, воинственныя книги и водиться съ мужественными людьми. Но когда я вижу чело-

вѣка,—и онъ посмотрѣлъ на тихое лицо Яна Гульдта, въ которомъ лишь уснула безудержная отвага—у котораго есть склонность закусить удила, на коихъ ведетъ насъ вѣчная Сила, и съ пѣной на губахъ бросаться, очертя голову, на устои жизни, я говорю ему: держись поближе къ деревьямъ, дѣтямъ и женщинамъ и учись у нихъ добротѣ и кротости, и, какъ говорится въ Священномъ Писаніи, «смирись передъ могучей десницей Всевышняго».

И онъ провелъ рукой по своему лбу и глазамъ, какъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать послѣ каждаго отрывка своей проповѣди.

Янъ Гульдтъ понялъ, что здѣсь ему больше нечего ждать, разсудительно кивнулъ головой, допилъ свой стаканъ и еще нѣсколько разъ молча кивнулъ головой. Затѣмъ онъ поблагодарилъ и ушелъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ взялъ себя въ руки и попытался быть ласковымъ и общительнымъ и согрѣть застывшую душу прелестью жизни. Онъ ходилъ по тихимъ дорожкамъ подъ деревьями, слушалъ птицъ и смотрѣлъ на игравшихъ дѣтей въ надеждѣ, что въ этихъ картинахъ ему явится его собственное дѣтство. Онъ также заговаривалъ съ женщинами, которыя могли быть въ одномъ возрастѣ съ его матерью, въ надеждѣ, что изъ-за ихъ плеча вдругъ выглянетъ лицо матери. Но онъ не могъ вспомнить ничего. Библейское же изреченіе, на которое рекомендовалъ ему обратить вниманіе пасторъ, тоже не могло ему помочь, потому что онъ совершенно утратилъ способность понимать все могучее, какъ мо-

гучій гнѣвъ, могучій порывъ, могучую любовь.

Въ такомъ состояніи онъ, черезъ шесть лѣтъ послѣ того перелома, въ свѣтлый зимній день, въ первый разъ снова поднимался по Эльбѣ, теперь уже въ качествѣ перваго офицера корабля.

Въ своихъ, хотя и неясныхъ размышленіяхъ о прошломъ, онъ принималъ во вниманіе и языки, которые понималъ. Сначала онъ думалъ, что съ дѣтства говорилъ по англійски, такъ какъ при своей теперешней флегматичности и неразговорчивости легко обходился съ помощью этого языка и даже думалъ на немъ. Къ тому же въ первые годы команда на пароходѣ состояла исключительно изъ англичанъ. Какъ-то разъ онъ услышалъ, какъ нѣсколько матросовъ говорили на Plattdeutsch, народномъ языкѣ Гамбургскаго побережья, и замѣтилъ, что понимаетъ ихъ. Но это не удивило его, такъ какъ это нарѣчіе можно услышать во всѣхъ концахъ свѣта, куда только заходятъ какія-нибудь суда. Но когда однажды онъ услышалъ въ какой-то американской гавани литературную нѣмецкую рѣчь и понялъ ее, ему показалось вѣроятнымъ, что онъ нѣмецъ. Поэтому онъ ѣхалъ въ Гамбургъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Но онъ проѣхалъ мимо Бланкенезе и Эвельгенне, надъ которыми носился легкій снѣжокъ, и не почувствовалъ ничего; и увидѣлъ зеленыя башни и высокіе старые дома, у гавани и не вспомнилъ ничего.

Тогда онъ въ холодъ, подъ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ поѣхалъ на сѣверъ, не-

смотря на морозъ, благополучно добрался до острова Сильта, нашелъ церковь, которую смутно рисовала ему память, поговорилъ наединѣ съ молодымъ пасторомъ—и всю длинную зимнюю ночь просидѣлъ въ кейтумской церкви въ смутной надеждѣ увидѣть своихъ спутниковъ или хоть почувствовать ихъ присутствіе, или увидѣть и поймать здѣсь какой-нибудь другой маленькій обрывокъ своей исчезнувшей жизни. Но онъ сидѣлъ напрасно.

И когда на девятый день онъ ѣхалъ внизъ по Эльбѣ, берегъ Эвельгенне и Бланкенезе снова молчалъ, хотя теперь на его пескѣ и его деревьяхъ лежалъ золотой налетъ осени.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и въ его состояніи ничего не измѣнилось. Наконецъ, наступилъ седьмой годъ, который часто играетъ страшную таинственную роль въ физической и духовной жизни человѣка. И тутъ случилось одно за другимъ два происшествія.

«Альберта», капитаномъ которой онъ теперь былъ, стояла въ гавани Вальпарайсо и разгружалась. Наконецъ, работа была окончена, и вечеромъ они должны были отплыть. Въ это время подошелъ гамбургскій пароходъ и сталъ корма съ кормой рядомъ съ ними. Янъ Гульдтъ замѣтилъ, что капитанъ гамбургскаго парохода приглядывается къ нему, и что лицо его выражаетъ удивленіе. Но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія.

Когда онъ вечеромъ стоялъ на мостикѣ и измѣрялъ, какъ глубоко сидитъ судно въ водѣ, капитанъ гамбургскаго парохода тоже вышелъ на палубу, какъ будто собираясь дѣлать то

же самое; увидѣвъ Яна Гульдта, онъ приподнялъ фуражку и сказалъ по англійски:

— Простите: не учились ли мы съ вами въ одной школѣ въ Бланкенезе, на Эльбѣ?

Янъ Гульдтъ смутился и робко покачалъ головой; тогда гамбуржецъ сказалъ:

— Извините. Я былъ увѣренъ, что мы съ вами были когда-то знакомы.

Онъ опять приподнялъ свою фуражку и отошелъ.

Въ эту ночь капитанъ «Альберты» ходилъ взадъ и впередъ по мостику, все снова взадъ и впередъ—и думалъ: «Бланкенезе?! Бланкенезе?!» И онъ старался вызвать въ своей памяти весь гамбургскій берегъ, который видѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. И ему казалось, что онъ видитъ вдали, въ сумракѣ и туманѣ, что-то, что какъ будто знакомо ему—какъ видятъ въ туманѣ свѣтлый лоскутъ и не знаютъ, парусъ-ли то или стѣна тумана. Бланкенезе? Бланкенезе? Но какъ зорко ни взглядывался онъ во мракъ, онъ не могъ ничего разобрать, кромѣ развѣ мальчика, котораго мать выпускала изъ дверей, и который съ грифельной доской подъ мышкой плелся по дорожкѣ на гору.

Три мѣсяца спустя «Альберта» плыла вверхъ по Темзѣ, къ Лондону. Онъ разговаривалъ съ лоцманомъ и случайно увидѣлъ, что на берегу, на ровномъ песчаномъ мѣстѣ, сидитъ на опрокинутой лодкѣ молодой человѣкъ; онъ невольно еще разъ обернулся посмотрѣть на него, потомъ еще разъ, самъ удивляясь этому и думая: «что мнѣ за дѣло до этого молодого человѣка, который сидитъ на своей

лодкѣ съ развѣвающимся шарфомъ на шеѣ!?» Въ это время изъ дома, недалеко изъ лодки, вышла дѣвушка лѣтъ пятнадцати, подошла къ юношѣ и подала ему что-то. Ему показалось, что это былъ хлѣбъ, и что она подала его, вытянувъ во всю длину руку, какъ будто юноша могъ укусить ее. Его точно молнія ударила, все его тѣло затрепетало, и въ внезапномъ, жгучемъ желаніи увидѣть больше— точно для того, чтобы отодвинуть въ сторону туманъ—онъ сталъ размахивать рукой, такъ что лоцманъ подумалъ, что на капитана напали осы. Но онъ увидѣлъ только то, что онъ когда-то, какъ этотъ юноша, сидѣлъ съ развѣвающимся шарфикомъ на лодкѣ, а дѣвушка протягивала ему хлѣбъ... Но онъ не зналъ, сестра-ли она была ему или невѣста, и мрачно смотрѣлъ на сѣрый туманъ, который и въ дѣйствительности стоялъ надъ Темзой.

Но послѣ этого событія у него появилось чувство, что туманъ какъ будто сталъ разсѣиваться, и онъ безсознательно жилъ въ тревожномъ ожиданіи, которое, когда наступилъ наконецъ моментъ, сдѣлало его способнымъ видѣть яснѣе.

И наконецъ, еще черезъ два года, наступила развязка.

«Альберта» посѣтила два незначительныхъ порта южной Испаніи, гдѣ взяла грузъ сѣрнаго колчедана. Затѣмъ она поплыла на сѣверъ къ мѣсту своего назначенія, которымъ былъ Гамбургъ. Когда Бискайскій заливъ былъ почти позади, недалеко отъ канала налетѣлъ штормъ. Судно было сильно нагру-

жено и двигалось особенно тяжело, какъ это всегда бываетъ при грузѣ сѣрнаго колчедана; но опасности не было никакой, такъ какъ оно было крѣпко выстроено и хорошо содержалось.

Послѣ того, какъ въ борьбѣ съ бурей прошелъ часъ или два, на верхнюю палубу поднялись два матроса, чтобы получше укрѣпить одну изъ шлюпокъ. Сквозь тяжелый грохотъ моря до него доносились иногда слова, которыя они кричали другъ другу.

Они говорили о разныхъ вещахъ, которыя не обращали на себя его вниманія. Затѣмъ онъ услышалъ, что одинъ изъ нихъ, нѣмецъ, заговорилъ о томъ, скоро-ли будетъ виденъ «Прусскій гренадеръ». Это выраженіе, которое гамбургскіе матросы употребляютъ для обозначенія разрисованнаго бѣлыми и черными полосами Уэссанскаго маяка, странно взволновало его—какъ будто прозвенѣлъ забытый звукъ изъ старой пѣсни. Безсознательно для него самого имъ овладѣло мягкое, воспріимчивое настроеніе, въ которомъ былъ и страхъ.

Къ вечеру они увидѣли Уэссанскій маякъ. По морю носились, сталкиваясь и разбиваясь одна о другую, яростныя волны; надъ ними необыкновенно широкими полосами носилась пѣна. Взошла луна.

Часамъ къ десяти вечера налетѣвшій валъ расшаталъ желѣзную лѣстницу, которая вела съ верхней палубы внизъ. Сейчасъ же послѣ этого второй офицеръ, высокій, тяжеловѣсный человѣкъ, спустился внизъ по лѣстницѣ. Такъ какъ палубу какъ разъ въ этотъ моментъ за-

лила волна, то показалось на мгновеніе, будто онъ спускается прямо въ море. Яну Гульдту вдругъ пришло въ голову, что онъ уже видѣлъ разъ эту самую картину: такую же бурную лунную ночь, верхнюю палубу возлѣ шлюпки, и высокаго, тяжелаго человѣка, спускающаго съ лѣстницы прямо въ смерть, и маякъ у края ночного моря, и это былъ тоже казалось ему, Уэссанскій маякъ. Его охватилъ странный трепетъ, и отъ тягостнаго волненія онъ съ трудомъ дышалъ.

Въ это время на мостикъ опять поднялись оба матроса, американецъ и нѣмецъ, чтобы еще разъ привязать шлюпку, которой предстояло еще многое выдержать. Они перекликались между собой, и онъ услышалъ, какъ нѣмецъ громко и отрывисто, прерываемый грохотомъ и шумомъ въ природѣ, говорилъ: «Здѣсь десять или одиннадцать лѣтъ тому назадъ утонула...—имя поглотилъ шумъ налетѣвшаго вала — Думали, что въ живыхъ... не осталось... ни души... Но потомъ... представь себѣ... на Сильтѣ... въ Кейтумѣ, въ церкви... видѣли третьяго штурмана... Онъ просидѣлъ тамъ... цѣлую ночь... Онъ изъ Бланкенезе родомъ... Кончилъ мореходную школу въ Альтонѣ. Видно, онъ тогда отъ испуга сошелъ съ ума... иначе чего онъ прячется и блуждаетъ по свѣту? Говорятъ, что онъ былъ большой забіяка. Тѣ, кто зналъ его раньше, говорятъ еще иногда: «Я могу все, говоритъ Янъ Гульдтъ».

Онъ слышалъ это. Въ его душѣ все всколыхнулось; и земля и небо колыхались тоже въ красномъ, бушующемъ туманѣ.

Въ этотъ моментъ налетѣла огромная волна и подкатилась къ самымъ его ногамъ, такъ что судно подъ нимъ какъ будто погрузилось въ воду. И вдругъ его душу пронизали сверкающія, пылающія молніи. Одна за другой, цѣлыми снопами, проносились онѣ и наполняли весь міръ своимъ свѣтомъ.

— Такъ стоялъ я... на гибнущемъ суднѣ... стоялъ въ бѣшеномъ гнѣвѣ... Такая волна унесла меня въ море... Вѣчныя силы, скажите мнѣ... «Анна Гольманъ»! — вскричалъ онъ и ослѣпленный яркимъ сіяніемъ закрылъ глаза рукой.—Гольманы! Мой дѣдъ, ихъ злой холопъ! Боцманъ! Блѣдный мальчикъ! Гибель! Дикій, бѣшеный гнѣвъ! Несусь по морю, въ когтяхъ у смерти...

Второй офицеръ опять поднялся по лѣстницѣ, увидѣлъ его призрачно-блѣдное лицо и въ ужасѣ спросилъ: «Что случилось, капитанъ!» И онъ потрясъ его за плечо. Янъ Гульдтъ покачалъ головой и знакомъ приказалъ ему отойти. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ на море. Было еще только около полуночи... Но онъ смотрѣлъ въ ту сторону, надъ которой горѣли зарницы, и зажигалась заря.

Убѣдительная просьба книгу при чтеніи не загибать

XIV.

Между тѣмъ маленькая, наружность Ева Геттъ въ одинъ печальный день вмѣстѣ со всей округой узнала, что «Анна Гольманъ» погибла въ Бискайскомъ заливѣ со всѣмъ, что было на ней.

Когда эта вѣсть дошла до нея, она стояла у дверей своего дома. Она такъ сильно испу-

галась, что у нея захватило дыханіе, и подкосились колѣни. Когда она оправилась настолько, что могла подняться съ порога, она пошла въ свою комнату, заперла за собой дверь, легла на кровать и пролежала двадцать четыре часа. И, лежа такъ, она съ горькой радостью вспоминала его мужественное, суровое лицо и его пламенное высокомѣріе и гнѣвъ, и слезы непрерывно катились по ея вискамъ и смачивали подушку по обѣ стороны бѣлокурыхъ волосъ. Въ эти часы она такъ горячо, съ такою жгучей любовью рисовала себѣ его въ такихъ прекрасныхъ, яркихъ краскахъ, что онъ уже не могъ больше померкнуть въ ея душѣ, не могъ даже просто измѣниться. И эти часы безсознательно для нея самой, въ семнадцать лѣтъ опредѣлили всю ея жизнь.

Долговязый техникъ писалъ ей часто изъ политехникума и посылалъ ей открытки съ самыми удивительными видами: съ замками, которые, казалось, состояли изъ однихъ башенъ съ скрещенными рапирами, съ уголками заглохшаго кладбища, съ извѣстнымъ комикомъ съ наклееннымъ большимъ носомъ, съ цѣлующимися голубками. Все это показывало, что душа техника способна къ самымъ различнымъ настроеніямъ. Она аккуратно отвѣчала ему всевозможными открытками, какія только могла найти между Куксгафеномъ и Гамбургомъ, и вѣжливыми словами: на разстояніи и на бумагѣ она, изъ уваженія ко всякой письменности, была всегда аккуратна и вѣжлива. Но когда затѣмъ онъ на каникулы пріѣхалъ домой и во время прогулки—

это было ровно черезъ годъ послѣ той прогулки въ Шулау — снова лежалъ въ тѣни дубовой поросли, раскинувъ свои длинныя руки, онъ даже не посмѣлъ пригласить ее: такъ тихо и прекрасно было ея лицо. Въ душѣ ея жилъ Янъ Гульдтъ; она видѣла его и слышала его прекрасный, звучный голосъ. Онъ былъ такъ хорошъ со своими короткими рыжеватыми волосами, и такъ гордъ и независимъ, и его красный шарфикъ развѣвался, а голосъ такъ звонко смѣялся. Янъ Гульдтъ, сердце котораго уже не билось, все еще заставлялъ биться ея сердце. При этомъ она продолжала жить такъ, какъ жила раньше, принимала участіе во всѣхъ прогулкахъ клуба и танцовала зимой со всѣми молодыми штурманами, студентами и учениками и была всегда готова на всякую шалость.

Черезъ три года послѣ гибели «Анны Гольманъ» — ей шелъ уже двадцать первый годъ — за нее посватался первый офицеръ одного ганзейскаго парохода, статный и дѣльный человѣкъ, сынъ лоцмана, а когда ей исполнилось двадцать два года, его другъ, который былъ не хуже его. Но она отказала обоимъ, не колеблясь ни минуты, хотя оба они къ тому же еще умѣли хорошо управлять парусомъ и были задорные и веселые молодые люди.

Карлъ Крегеръ, который зналъ объ этомъ и, какъ мужчина, не могъ понять ея поведенія, отвелъ ее разъ въ сторону и, наморщивъ лобъ и строго глядя на нее, спросилъ: чего она собственно хочетъ? Ужъ не хочетъ ли она быть иной, чѣмъ всѣ остальные люди?

Или она думаетъ, что сможетъ всю жизнь обходиться безъ мужской любви? Подъ конецъ онъ даже съ гнѣвомъ, отъ котораго округлились его глаза, спросилъ, что будетъ съ отечествомъ, если самыя лучшія и красивыя дѣвушки не захотятъ быть матерями?

Но она только смотрѣла на него зеленоватыми глазами и говорила:

— Я не могу, Карлъ Крегеръ; повѣрь мнѣ, что я не могу. Это совершенно невозможно.

Для такихъ удивительныхъ вещей, какъ поцѣлуи, ласки и свадьба, оба ганзейца казались ей совершенно неподходящими: для этого подходилъ бы одинъ Янъ Гульдтъ.

Такъ незамѣтно исполнилось ей двадцать пять лѣтъ, и она была все такая же худенькая и тоненькая и все такъ же, когда сидѣла въ лодкѣ, казалась замерзшей и такъ же, съ прежней живостью, поворачивала тонкую шею, чтобы посмотрѣть, не обгоняютъ ли ихъ товарищи въ сосѣднихъ шлюпкахъ, и чтобы позлить ихъ звонкими окриками. Но мало-помалу, такъ какъ она знала другой полъ только въ воспоминаніи о Янѣ Гульдтѣ, и такимъ образомъ цѣлая половина жизни была закрыта для нея, ея шалости и рѣчи и всѣ манеры пріобрѣли что-то жеманное, что размашистая и немного грубоватая молодежь сейчасъ же почувствовала. И разъ или два ей, со всей вѣжливостью и деликатностью, дали понять, что здѣсь жеманности не мѣсто. Она спокойно выслушала намекъ; но она поняла, что ея время прошло, и отдалилась отъ молодежи. Она вела хозяйство своего отца, часто каталась одна, иногда на веслахъ, иногда подъ

парусомъ, и заботилась о маленькихъ дѣтяхъ одной бѣдной вдовы, которая должна была уходить на работу. Съ ними она обращалась ласково, но въ то же время держала въ ежовыхъ рукавицахъ. Такъ жила она, и была вполнѣ счастлива и не жаловалась ни на что. Она не думала: «Какъ жаль, что никто другой не учитъ меня любви и жизни! Какъ жаль, что Янъ Гульдтъ умеръ!» Она думала: «Какъ красивъ и прелестенъ былъ Янъ Гульдтъ! Какъ развѣвался красный шарфикъ вокругъ его шеи! Какъ смѣлъ и гнѣвенъ былъ онъ!» И продолжала любить человѣка, который одинъ во всемъ обширномъ мірѣ подходилъ къ ея душѣ. И праздновала въ своей нѣжной дѣвичьей душѣ обрученіе съ мертвымъ Яномъ Гульдтомъ.

Такъ прошло десять лѣтъ со времени гибели «Анны Гольманъ». И вотъ однажды, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, вернулся изъ Китая молодой штурманъ, родители котораго жили въ сосѣднемъ домѣ. Онъ слонялся по цѣлымъ днямъ по берегу и отъ скуки заходилъ поболтать къ сосѣдямъ. Зашелъ онъ какъ то разъ и къ ней въ кухню, когда она стояла у плиты и пекла печенія. Онъ нѣсколько времени задумчиво смотрѣлъ на нее, разсказалъ ей, что теперь онъ понимаетъ, какъ неправильно дѣлалъ онъ все когда то юнгой на шкунѣ своего отца, и затѣмъ сказалъ:

— Скажите, фрейлейнъ Геттъ, вы еще помните ученика мореходной школы, нѣкоего Гульдта, который лѣтъ десять тому назадъ работалъ здѣсь на верфи у Бруна, потому

что у него не было денегъ? По воскресеньямъ онъ сидѣлъ со своимъ краснымъ шарфикомъ на баркасѣ Руди Клея и заглушалъ голодъ тѣмъ, что швырялъ въ сваи камни. Потомъ онъ уѣхалъ на гольмановскомъ суднѣ и не вернулся.

Она сняла сковороду съ огня и сѣла на скамью у плиты: когда такъ внезапно передъ ней, такъ внезапно, такъ спокойно и громко произнесли имя, которымъ она жила, у нея вдругъ отнялись ноги, и захватило дыханіе. Она съ трудомъ отвѣтила. Да, она помнитъ Яна Гульдта. Что онъ хочетъ разсказать о немъ? И она посмотрѣла на него въ невыразимомъ смятеніи.

— Да,—сказалъ словоохотливый штурманъ:—Года четыре тому назадъ, передъ отъѣздомъ въ Китай, я поѣхалъ навѣстить моего дядю, который живетъ въ Сильтѣ, въ приходѣ Кейтумъ. Тамъ я въ сумерки пошелъ съ нимъ на кладбище, на могилу его жены. Это было зимой, дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, а надъ могилами носился снѣгъ. Вдругъ на дорожкѣ показался пасторъ съ какимъ-то человѣкомъ, въ которомъ я уже издали, несмотря на сумерки, узналъ англійскаго флотскаго офицера. Когда же они подошли поближе, я совершенно ясно увидѣлъ Яна Гульдта. Совершенно ясно! Такъ ясно, что мнѣ стало не по себѣ. Его, вѣдь, можно было легко узнать—вы должны признать это—по его лицу и походкѣ. Вѣдь, онъ умеръ, подумалъ я, какъ же я его вижу здѣсь?.. На слѣдующій день я спросилъ причетника, кто такой былъ этотъ пріѣзжій; но онъ не зналъ

ни его имени, ни откуда онъ пріѣхалъ, и вообще не хотѣлъ ничего разсказывать. Но это вызвало въ насъ только еще большее любопытство. И въ концѣ концовъ намъ удалось узнать, что пріѣзжій провелъ ночь въ церкви, цѣлую длинную, холодную зимнюю ночь. Когда на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, пасторъ пришелъ въ церковь, онъ сидѣлъ на послѣдней скамьѣ. Лицо у него было тихое и безнадежное. Онъ всталъ и пошелъ съ пасторомъ. Потомъ онъ у пастора позавтракалъ и сейчасъ же уѣхалъ.

Ева Геттъ сидѣла молча, опустивъ руки на колѣни и низко наклонивъ голову и стараясь, успокоить свое колотившееся сердце. Наконецъ, она настолько справилась съ собою, что могла сказать:

— И вы думаете, что это былъ Янъ Гульдтъ?

Штурманъ покачалъ головой и сказалъ:

— Этого я не говорю. Вѣдь, онъ погибъ тогда, при крушеніи «Анны Гольманъ». И потомъ въ этомъ человѣкѣ было что-то непохожее на Гульдта. Вы, вѣдь, знаете, что у Гульдта въ походкѣ было что-то высокомѣрное, что-то задорное, и въ голосѣ тоже. У человѣка, который шелъ рядомъ съ пасторомъ, всего этого не было. Онъ держался какъ-то неподвижно, а голосъ у него былъ беззвучный и монотонный.

Она сидѣла молча, еще ниже опустивъ голову, и съ трудомъ дышала. Отъ сердца къ горлу у нея ползли страхъ и тоска, и грудь ея сжималась. Что сказалъ этотъ человѣкъ? Что онъ, можетъ быть, живъ? Что онъ уже не держится побѣдоносно, какъ прежде? Что

у него уже нѣтъ задорной походки? Нѣтъ милаго голоса? И высокомѣрія, пожалуй, тоже нѣтъ? И дикаго гнѣва тоже? Но тогда вѣдь онъ не Янъ Гульдтъ? Какая мука!

Штурманъ все еще стоялъ и толковалъ о томъ, почему это все таки былъ не Янъ Гульдтъ. Но такъ какъ она сидѣла съ такимъ видомъ, какъ будто вдругъ ослѣпла и оглохла, онъ оставилъ ее и пошелъ въ слѣдующій домъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ она жила въ тревожной и мучительной неувѣренности: то въ тайной, ярко вспыхивающей радости, что онъ, можетъ быть, живъ, то въ внезапномъ, жгучемъ страхѣ, что онъ сталъ такимъ, какимъ его описывалъ штурманъ: утратилъ всю свою красоту, блескъ и отвагу; то въ прежнемъ блаженномъ сознаніи, что онъ умеръ, но принадлежитъ ей.

И вотъ однажды, въ свѣтлый октябрьскій день, къ ней зашелъ Карлъ Крегеръ, который уже обзавелся женой и дѣтьми и былъ лоцманомъ, какъ и его отецъ. Она стояла передъ домомъ и старалась предугадать погоду, за которой все еще внимательно слѣдила, хотя выѣзжала теперь очень рѣдко. Онъ остановился, поднялъ кверху руки и сказалъ:

— Представь себѣ, Ева! Представь себѣ, что я слышалъ! На дняхъ я привелъ сюда одинъ пароходъ компаніи «Космосъ». Разговорились мы съ капитаномъ, котораго я знаю съ дѣтства—мы не видѣлись уже нѣсколько лѣтъ, вдругъ онъ ударяетъ меня по плечу и говоритъ:

— А теперь я разскажу тебѣ кое-что такое удивительное, что ты и не повѣришь.

Ева Геттъ поблѣднѣла, какъ мѣлъ, опустилась на порогъ, на которомъ стояла,—ноги больше не держали ея,—и пошевелила рукой.

Карлъ Крегеръ растерянно смотрѣлъ на нее большими, круглыми глазами.

— Что съ тобой, Ева?—сказалъ онъ.—Я еще ничего не разсказалъ, а ты...

Она нѣсколько разъ судорожно глотнула,—затѣмъ сказала, какъ ребенокъ, который учится говорить:

— Послушай, Карлъ Крегеръ... Ты знаешь, что разсказываетъ молодой человѣкъ, у котораго родственники въ Кейтумѣ: что будто бы онъ видѣлъ его?

Карлъ Крегеръ сильно испугался, такъ какъ вдругъ понялъ, какъ обстояло съ ней дѣло: что всѣ эти годы она безумно любила Яна Гульдта и изъ-за него не вышла замужъ. Онъ сильно испугался и смущенно, запинаясь, сказалъ:

— Ахъ, молодой человѣкъ, у котораго родственники на Сильтѣ... Онъ просто болтунъ, Ева. Вѣдь, мы знаемъ, что онъ умеръ.

Она посмотрѣла на него широко раскрытыми глазами и сказала:

— Мы не были, Карлъ Крегеръ, при томъ, какъ его хоронили,—сдѣлали ли это люди или море... Что разсказалъ о Янѣ Гульдтѣ капитанъ того парохода?

Карлъ Крегеръ хотѣлъ уклониться, такъ какъ она со своимъ страннымъ страхомъ въ глазахъ—почему она не была внѣ себя отъ радости?—казалась ему непонятной и почти пугала его. Онъ сказалъ:

— Ты, вѣдь, вовсе не знаешь, что онъ разсказывалъ именно о Янѣ Гульдтѣ... И чего только не болтаютъ люди!

Она опять посмотрѣла на него, слегка подняла руку и сказала:

— Ты долженъ разсказать мнѣ все подробно и откровенно, Карлъ; въ особенности, какой у него видъ.

— Хорошо,—съ сокрушеніемъ сказалъ Карлъ Крегеръ:—такъ вотъ, онъ сказалъ:—ты помнишь Яна Гульдта, который погибъ на гольмановскомъ суднѣ, кажется, на «Аннѣ Гольманъ»? Я отвѣтилъ: «Какъ мнѣ не помнить! Онъ былъ мой лучшій другъ! Не проходитъ и недѣли, чтобы я не вспомнилъ о немъ». Ну,—говоритъ онъ,—представь себѣ! Полгода тому назадъ мы какъ-то зашли въ Вальпарайсо и стали бортъ о бортъ съ большимъ англійскимъ пароходомъ, который долженъ былъ въ тотъ же вечеръ опять уйти въ море. Я, по своему обыкновенію, стою и посматриваю на сосѣда, какъ онъ построенъ и какой у него экипажъ. Въ это время на палубу выходитъ капитанъ. Я смотрю на него, смотрю еще разъ... смотрю, какъ онъ ходитъ и какъ онъ выбиваетъ трубку, ударяя по ней три раза вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, и думаю: да, вѣдь, это Гульдтъ, который ходилъ со мной одинъ годъ въ Бланкенезе въ школу, а потомъ кончилъ мореходную школу? Ты можешь себѣ представить, что за чувство было у меня. Я не рѣшался заговорить съ нимъ, такъ какъ онъ смотрѣлъ на меня совсѣмъ чужими глазами. И потомъ онъ держался такъ прямо и неподвижно, а

въ голосѣ его было что-то равнодушное, это совсѣмъ не былъ голосъ Яна Гульдта. Но когда онъ черезъ нѣкоторое время опять пришелъ на корму, я поклонился ему и спросилъ, не учился ли онъ со мной въ школѣ въ Бланкенезе. Но онъ покачалъ головой, равнодушнымъ голосомъ назвалъ какое-то англійское имя и ушелъ. Бываютъ иногда сходства,—прибавилъ онъ, но это ужъ слишкомъ большое сходство... На названіе судна онъ въ своемъ волненіи не обратилъ вниманія.

На узенькомъ личикѣ Евы Геттъ были видны только огромные, пронзительные, тревожные глаза.

— Что же ты скажешь?

Карлъ Крегеръ спокойно и рѣшительно отвѣтилъ:

— Я сказалъ ему:— ты ошибся, дружище! Подумай самъ—вѣдь, какія бы ужасныя вещи ни пришлось пережить человѣку и какъ бы онъ ни измѣнился, какъ это возможно, чтобы онъ потерялъ свою походку? Онъ вѣдь, помнишь, ходилъ такъ, точно спускался съ горы? Или чтобы онъ потерялъ свою смѣлость? Испугался-ли бы Янъ Гульдтъ—Бога, или самого дьявола? Или чтобы онъ потерялъ свой голосъ? Можемъ-ли мы забыть его? Такихъ вещей не теряютъ.

— Правда, правда,—сказала она, и радость и успокоеніе выразились въ ея еще тревожныхъ глазахъ.

Карлъ Крегеръ не понялъ ея и удивился. Она радуется,—подумалъ онъ,—что онъ мертвъ. Но въ то же время онъ подумалъ: попро-

буй-ка разгадать женское сердце, а особенно сердце Евы Геттъ, и сказалъ:

— Надо думать, что существуетъ англійскій морякъ, похожій на него. Вотъ и все... Скажи мнѣ,—заикаясь, сказалъ онъ, такъ какъ ему все-таки хотѣлось понять, что въ ней происходитъ:—ты не можешь забыть его?

Она посмотрѣла на него глазами, которые утратили нѣжный блескъ юности и пріобрѣли ясность, нѣсколько рѣзкую,—и счастливо засмѣялась ему въ лицо.

— Нѣтъ,—сказала она, и покачала головой, радуясь, что нѣтъ на свѣтѣ безнадежнаго, беззвучнаго, неподвижнаго живого Яна Гульдта, который могъ бы разрушить прекрасный образъ, наполнявшій блаженствомъ ея жизнь.

Карлъ Крегеръ покачалъ головой, и не смѣя ничего сказать, повернулся и ушелъ.

Ева Геттъ вошла въ домъ и прошла къ себѣ. Здѣсь круглый преддиванный столъ, изъ-за уборки, отодвинутый отъ дивана, стоя среди комнаты, точно говорилъ:—Потанцуй вокругъ меня!—Она минуту прислушивалась, посмотрѣла въ окно, не идетъ ли кто-нибудь мимо—тротуаръ проходилъ подъ самымъ окномъ—и принялась кружиться по комнатѣ, тихо и немного жеманно поворачивая свою тоненькую фигурку. а въ душѣ у нея пѣло:

— Янъ Гульдтъ... какъ хорошъ ты и какъ смѣлъ... ты сильный, гордый и самый смѣлый изъ всѣхъ. Кто можетъ сравниться съ тобой! Правда, ты мертвъ... когда-то ты былъ моимъ... и не смотрѣлъ ни на какую другую дѣвушку... и ты остался моимъ. Другіе не любятъ больше другъ друга... они говорятъ другъ съ другомъ

равнодушнымъ голосомъ и ссорятся .. но мы сидимъ другъ противъ друга... и проходимъ другъ мимо друга... и смотримъ другъ на друга счастливыми глазами.

Затѣмъ она съ тихими, серьезными глазами, въ которыхъ еще отражалось тайное счастье, немного жеманная и чопорная, принялась за свою ежедневную домашнюю работу.

XV.

Недѣлю спустя надъ устьемъ Эльбы бушевалъ одинъ изъ тѣхъ сѣверо-западныхъ вихрей, которые налетаютъ съ такой силой, какъ будто хотятъ пронестись по всему Сѣверному морю до Гамбурга и опрокинуть дома и башни города. На слѣдующій день вернувшіеся лоцманы сообщили, что большой англійскій пароходъ, которому изъ-за бури не удалось получить лоцмана, сидитъ на мели у Шаргерна. На третій день въ газетахъ появилось сообщеніе, что капитанъ съ большимъ спокойствіемъ и осмотрительностью руководитъ работами по освобожденію судна. На четвертую ночь еще дулъ сильный вѣтеръ, и шелъ дождь — снятый съ мели пароходъ, «Альберта» изъ Лондона, вошелъ въ Эльбу.

Въ Брунсбюттелѣ по штурмовой лѣстницѣ поднялся лоцманъ Крегеръ, взошелъ на мостикъ и поклонился капитану, худому и немного сгорбленному человѣку, который стоялъ впереди въ тѣни, и сейчасъ же сошелъ внизъ.

Карлъ Крегеръ вступилъ въ бесѣду съ первымъ офицеромъ, и тотъ подробно разсказалъ

ему объ аваріи и о томъ, какъ они три ночи не спали и добились того, что сняли судно съ мели. Была еще ночь, но уже близилось утро, когда капитанъ опять поднялся наверхъ и сталъ въ концѣ мостика, видимо, очень усталый. Лоцману пришло въ голову крикнуть ему, чтобы онъ пошелъ спать, что они сами доведутъ судно въ цѣлости и сохранности; но онъ сейчасъ же забылъ объ этомъ своемъ намѣреніи.

Наконецъ, стало медленно свѣтать. И когда стало немного свѣтлѣе, капитанъ нагнулся впередъ и сталъ вглядываться въ лежавшую во мглѣ и туманѣ землю, точно ожидая, что сейчасъ покажутся высоты Шулау. Карлъ Крегеръ удивился, всмотрѣлся въ него внимательнѣе, заговорилъ съ нимъ о чемъ-то и получилъ отвѣтъ. Движеніе, которымъ капитанъ повернулъ къ нему голову, поразило его, и онъ подумалъ: «Ужъ не тотъ ли это самый, который такъ похожъ на покойнаго Яна Гульдта»? И онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ждать, чтобы стало свѣтло, и онъ могъ увидѣть его яснѣе.

Но когда затѣмъ въ туманѣ и дождѣ смутно вырисовывались бѣловатыя высоты, и капитанъ, подавшись впередъ, застылъ безъ движенія, какъ человѣкъ, который послѣ долгаго отсутствія ищетъ вдали, въ туманѣ, свой родной домъ и находитъ его, и вглядывается въ него, тогда по всему тѣлу Карла Крегера, до самой макушки, пробѣжалъ ужасъ. Онъ немного откинулся назадъ, и посмотрѣлъ на него. И, посмотрѣвъ, испугался до глубины души и вздрогнулъ какъ отъ удара, потому что понялъ, кто стоитъ возлѣ него. Еще разъ по-

смотрѣлъ Карлъ Крегеръ на стоявшаго рядомъ съ нимъ человѣка и узналъ его окончательно. Но онъ не сказалъ ни слова.

Такъ онъ простоялъ нѣсколько минутъ, повернувъ голову въ его сторону, потому что не могъ оторвать глазъ отъ лица своего любимаго друга. Тогда и Янъ Гульдтъ узналъ его и понялъ, кто это стоитъ возлѣ него и такъ смотритъ на него.

Но и онъ не сказалъ ни слова.

Они стояли молча другъ возлѣ друга и не смотрѣли другъ на друга. И оба они плакали,—Янъ Гульдтъ оттого, что вернулся домой послѣ такихъ событій и въ такомъ видѣ, Карлъ Крегеръ оттого, что такъ изчезли красота и мужество. Но имъ обоимъ удалось скрыть это, потому что вѣтеръ, дувшій сбоку, гналъ дождь имъ въ лицо.

У Бланкенезе глаза вернувшагося скитальца медленно скользнули вдоль берега и долго искали соломенную крышу материнскаго домика, котораго уже не существовало. Въ Эвельгенне они точно такъ же скользили отъ дома къ дому, пока не остановились на домѣ Евы Геттъ.

Часъ спустя, они бросили якорь въ Ганзейской гавани. Тогда Янъ Гульдтъ попросилъ своего друга зайти къ нему въ каюту, сказавъ беззвучнымъ голосомъ:

— Одно слово, лоцманъ.

Въ простой коричневой каютѣ онъ подалъ ему руку и спокойнымъ, тихимъ голосомъ человѣка, котораго знойные лѣтніе дни и бурныя грозовыя ночи сдѣлали зрѣлымъ, состарили и усмирили, но все-же съ жадностью

началъ разспрашивать его обо всемъ: о домѣ своей матери и о ея могилѣ, о Евѣ Геттъ и корабельномъ мастерѣ, о Километрѣ и маленькомъ Маэстро и о другихъ старыхъ знакомыхъ. Онъ спросилъ такъ же, спасся-ли съ «Анны Гольманъ» еще кто-нибудь кромѣ него, спросилъ и о Гольманахъ.

Карлъ Крегеръ отвѣтилъ на всѣ вопросы, какъ умѣлъ. О Евѣ Геттъ онъ сказалъ, что тогда, на той прогулкѣ, она была совершенно невинна, что когда онъ, Янъ Гульдтъ, убѣжалъ оттуда, она впала въ такое неистовство, что они боялись за ея разсудокъ, и что потомъ она не вышла замужъ, несомнѣнно—изъ любви къ нему. Но что во всѣ эти годы и до нынѣшняго дня она нисколько не производила впечатлѣнія несчастнаго человѣка; наоборотъ, въ ней всегда чувствовалась какая-то странно-спокойная и тихая, но открытая радость, точно у дерева, которое тоже не говоритъ, но стоитъ у самой дороги, въ полномъ цвѣту, и смотритъ на все... Несомнѣнно, она больше не думаетъ о любви. О Гольманахъ онъ разсказалъ, что въ фирмѣ больше нѣтъ никого ихъ крови, такъ какъ они изъ скупости дали изсякнуть источнику жизни, и когда смерть начала обходить ихъ, то скоро изъ нихъ не осталось ни одного. Хозяйничаетъ же фирма теперь совсѣмъ иначе. Такъ стоялъ Карлъ Крегеръ и отвѣчалъ, и все еще не смѣлъ поставить вопроса, который горѣлъ въ душѣ: «Какъ ты спасся? Что тебѣ нужно было въ кейтумской церкви? Почему ты носишь другое имя? Гдѣ твоя сила и твой задоръ, которые мы такъ любили?» Но подъ

конецъ онъ рѣшился сдѣлать намекъ въ этомъ направленіи, осторожно и съ большой добротой, какъ могъ бы спросить братъ у своего любимаго брата о годахъ его безумія.

Янъ Гульдтъ опустилъ глаза, и яркій румянецъ залилъ его худое, рано постарѣвшее лицо.

— Меня тогда,—запинаясь сказалъ онъ:— подобрали рыбаки. Я былъ полумертвый, былъ тяжело боленъ или не въ своемъ умѣ, или гдѣ-то далеко... я не знаю, и послѣ того долгіе годы жилъ точно въ полуснѣ, забывъ свое имя и все прошлое. Я не люблю объ этомъ говорить; да, это и ни къ чему. Теперь я выздоровѣлъ настолько, насколько это возможно послѣ такой тяжелой болѣзни и такого ужаснаго состоянія, которое прекратилось только мѣсяцъ тому назадъ. Пожалуйста, не говори обо мнѣ ни съ Евой Геттъ, ни вообще съ кѣмъ бы то ни было. Зачѣмъ мнѣ нарушать миръ, въ которомъ она, какъ ты говоришь, живетъ, и становиться предметомъ людскихъ толковъ?

Карлъ Крегеръ подумалъ о томъ, что было когда-то, и не могъ узнать въ вернувшемся того, прежняго. Онъ подавленно и уныло сказалъ:

— Ты былъ прежде такой человѣкъ... Ты не боялся ни Бога, ни людей.

Янъ Гульдтъ всталъ и сдѣлалъ движеніе, говорившее: — Бога ради... молчи объ этомъ! Затѣмъ онъ беззвучнымъ голосомъ сказалъ, что у него сейчасъ много работы, а потомъ ему надо будетъ прилечь; онъ прибавилъ, что останется въ гавани приблизительно недѣлю и

будетъ радъ, увидѣть своего стараго друга еще разъ. Онъ сказалъ это, какъ и все предыдущее, не недружелюбнымъ, но усталымъ и сухимъ тономъ.

И Карлъ Крегеръ ушелъ отъ него притихшій, съ тяжелымъ ощущеніемъ, что въ человѣкѣ, котораго онъ любилъ больше всѣхъ, умерла всякая гордость, всякая радость, даже простое чувство и способность въ дружбѣ.

Янъ Гульдтъ занимался весь день своей обычной работой, но все услышанное преслѣвало его, а родныя мѣста угнетали. Родина точно говорила ему:

— За что ты сердишься на меня? Развѣ я причинила тебѣ зло? Я твореніе Господа, какъ и ты, и страдаю вмѣстѣ съ тобой. Положи свое горе въ мои руки, какъ въ руки матери.

И мало-по-малу ему стало казаться, что Ева Геттъ призываетъ его, и что она имѣетъ право узнать все о его судьбѣ. Когда начало смеркаться, онъ сошелъ съ парохода и поѣхалъ въ Альтону, а оттуда прошелъ пѣшкомъ въ Эвельгенне и дошелъ до дома Евы Геттъ. Были уже сумерки.

Онъ прошелъ мимо и прислонился нѣсколькими домами дальше къ забору. Событія послѣднихъ дней и безсонныя ночи не могли не утомить его. Несмотря на все волненіе, въ которое привелъ его этотъ знакомый путь, онъ почувствовалъ себя вдругъ такимъ усталымъ, что впалъ въ какую-то полудремоту, и голова его опустилась на грудь. Онъ стоялъ, и голова его опускалась все ниже, и онъ думалъ:

— Постою здѣсь минутку, и пойду опять на пароходъ.

Ева Геттъ сидѣла у окна за своими цвѣтами, и передъ глазами у нея по обыкновенію стоялъ смѣлый юный Янъ Гульдтъ со своимъ краснымъ шарфикомъ. Но все-таки она замѣтила странную, устало ищущую фигуру прохожаго, его тусклые глаза, устремленные на ея дверь, и почувствовала, кто это прошелъ. Она хотѣла встать, и не могла подняться; она положила голову, въ которой уже виднѣлось нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ, на столъ, и во второй разъ въ своей жизни лишилась чувствъ. Такъ лежала она нѣсколько минутъ. Онъ же въ это время стоялъ въ дремотѣ, прислонившись къ забору.

Наконецъ, она съ глубокимъ вздохомъ очнулась и сейчасъ же стала искать его глазами. Она долго съ дрожащими колѣнями и прерывающимся дыханіемъ стояла за дверью и смотрѣла на него. Потомъ, увѣрившись, что это онъ, она открыла дверь, подошла къ нему и попыталась что-то сказать, но не могла, и коснулась его рукой. Онъ поднялъ глаза, посмотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ на призрака, и послѣдовалъ за нею, какъ слѣдуютъ за призракомъ.

Они вошли въ домъ, она заперла дверь на задвижку и ввела его въ полутемную низкую комнату, указала ему на большое кресло, стоявшее здѣсь еще со временъ ея отца, сѣла у стола напротивъ него, скорбными глазами оглядѣла его надломленную фигуру и повторила два раза торопливымъ хриплымъ голосомъ:

— Разсказывай, Янъ Гульдтъ! Разсказывай, Янъ Гульдтъ!

У него вдругъ явилось чувство, что она не только Ева Геттъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его мать: вѣдь, его мать тоже называла его полнымъ именемъ и тоже произносила эти два слова такъ торопливо. Онъ выпрямился въ своемъ креслѣ и, запинаясь, неумѣло разсказалъ ей все, что пережилъ со времени своего ухода; и онъ обнажилъ передъ ней всю свою душу, потому что ему въ его безмѣрной усталости и странно взволнованномъ душевномъ состояніи все еще чудилось, что, конечно, это—Ева Геттъ, но въ то же время и его покойная мать или же ангелъ Господень: а, вѣдь, матери и ангелу можно сказать все. И онъ разсказалъ о своей встрѣчѣ съ Гольманами на пристани въ Бланкенезе и на эвельгенскомъ шоссе, потомъ о своей любви къ Евѣ Геттъ и о своемъ отчаяніи на песчаномъ полѣ; затѣмъ о прежнихъ рейсахъ «Анны Гольманъ» подъ управленіемъ стараго, злого Яна Гульдта, о боцманѣ и о юномъ пассажирѣ; о томъ, какъ налетѣлъ штормъ, и пришла смерть; и какъ онъ со своими двумя спутниками пустился въ путь, до самыхъ вратъ Господнихъ; онъ разсказалъ ей о своемъ спасеніи и о многолѣтнемъ состояніи отупѣнія и о тяжеломъ пробужденіи. Затѣмъ онъ чинно и безъ горечи сказалъ:

— Я вошелъ въ жизнь, совсѣмъ не зная ея, въ убѣжденіи, что она должна быть такой, какой была въ моихъ представленіяхъ, унаслѣдованныхъ мной отъ моихъ предковъ; стараго бѣшенаго Яна Гульдта, гольманов-

скаго капитана, и одинокихъ, честныхъ чудаковъ въ Эцерскомъ болотѣ. Я всегда стоялъ за справедливость, вѣрность, порядокъ, стоялъ горячо, и думалъ, что всѣ люди такіе же или могутъ и должны стать такими, и воображалъ, что Богъ слѣдитъ за этимъ, какъ хорошая хозяйка за своими слугами или за горшками въ своей кухнѣ. Но мнѣ пришлось узнать, что люди идутъ своимъ собственнымъ путемъ, и Богъ не препятствуетъ имъ. Видѣть это было мнѣ очень тяжело, понять же этого я не могъ никакъ. Потому-то все и кончилось такъ ужасно. Въ концѣ концовъ, я думаю, всѣ горячіе и хорошіе люди должны пережить то, что пережилъ я; но мнѣ это было особенно тяжело и кончилось слишкомъ плохо... Наши предки справлялись съ этимъ легче. Они жили болѣе одиноко и не сталкивались такъ съ людьми; у нихъ какъ будто были закрыты глаза, и они не видѣли несправедливости и не шли противъ Бога. Мы же видимъ всѣ несправедливости людскія и Божьи и всѣ недочеты жизни и мучимся этимъ. Богъ какъ будто отошелъ отъ насъ дальше, сталъ намъ болѣе чуждымъ, онъ какъ будто рѣшилъ заставить насъ внимательно всмотрѣться въ міръ, въ Гольмановъ и во все остальное; онъ какъ будто хочетъ отдать міръ намъ, въ наше распоряженіе и на нашу отвѣтственность. И эта перемѣна такъ велика, что мы для того должны стать почти новыми существами. Во мнѣ это новое существо еще не созрѣло и, вѣроятно, и не созрѣетъ. Я былъ такъ спокоенъ и такъ радъ, что Богъ ведетъ меня за руку, и теперь я не могу

идти одинъ, какъ это дѣлаютъ многіе люди. Я какъ будто шатаюсь, нетвердо держусь на ногахъ, точно послѣ паденія или тяжелой болѣзни.

Послѣднія фразы онъ произнесъ уже почти сквозь сонъ. Это, очевидно, были слова, которыми онъ обычно объяснялъ себѣ самому свою странную, горячую жизнь и свое теперешнее состояніе невѣрія. Высказавъ до конца эти мысли, менѣе плавно и опредѣленно, чѣмъ они переданы здѣсь, онъ тяжело уперся обѣими руками въ ручки кресла, наклонилъ голову и заснулъ, какъ человѣкъ, котораго сонныя видѣнія оставили, наконецъ, въ покоѣ, и который погружается въ глубокій, спокойный сонъ. Такъ спалъ онъ долго, какъ мертвый.

Она внимательно слушала и переживала вмѣстѣ съ нимъ все, о чемъ онъ говорилъ; но наряду съ этимъ въ ея головѣ все время, точно старая, безобразная женщина, съ дикими криками разбрасывающая горящія головешки, носилась мысль:

— Гдѣ мой Янъ Гульдтъ? Гдѣ мой Янъ Гульдтъ? Какъ счастлива я была! Что мнѣ этотъ человѣкъ, безъ огня въ глазахъ, въ голосѣ и въ сердцѣ безъ Бога? Это просто старый знакомый, навѣстившій меня, да и то нѣтъ: вѣдь, я говорила съ нимъ какихъ-нибудь полчаса въ своей жизни.

Съ такими мыслями слушала она его разсказъ, все время тихо и прерывисто плача, и продолжала плакать, когда онъ замолкъ.

Замѣтивъ, наконецъ, что онъ спитъ, она перегнулась черезъ столъ, стараясь получше разсмотрѣть его лицо: можетъ быть, это все-таки тотъ юный Янъ Гульдтъ, котораго она любила больше всего на свѣтѣ. Такъ какъ въ комнатѣ было уже совершенно темно, и она не могла видѣть его лица, она безшумно встала, тихо опустила шторы, принесла спички и зажгла висячую лампу — все это легкими, безшумными движеніями и съ той же аккуратностью, съ какой вела все свое чистенькое маленькое хозяйство. Затѣмъ она опять сѣла на стулъ и нагнулась еще ниже. Но и теперь она не могла разглядѣть его лица, такъ какъ голова его опустилась на грудь. Тогда она тихонько соскользнула со стула на колѣни и заглянула въ его лицо. Она увидѣла рыжеватые, слегка вьющіеся на вискахъ волосы, и свѣтлыя капли пота подъ ними, и смѣлый носъ, и рѣшительный ротъ; но еще яснѣе увидѣла она многолѣтнее страданіе и горькую безнадежность. И въ безумномъ отчаяніи ей страстно захотѣлось увидѣть того, кого она любила, его смѣлые глаза и необузданную отвагу, и она тихо позвала: «Янъ Гульдтъ, Янъ Гульдтъ». Но страданіе и безнадежность на его лицѣ только еще усилились.

Тогда она откинулась назадъ, сгорая отъ стыда: вѣдь, передъ ней былъ чужой человѣкъ. И она сѣла напротивъ него, немного чопорно выпрямившись, и, сидя такъ, все время дѣлала рукой такое движеніе, какъ-будто торопливо отстраняла и отталкивала

отъ себя что-то, и все время тихо говорила самой себѣ:

— Нѣтъ, *это* не онъ. Ахъ, нѣтъ, *это* не онъ. Не могу же я любить двухъ! Нѣтъ, этого я не могу.

И такъ сидѣла она, охваченная скорбью и отчаяніемъ, и волосы ея, казалось, сѣдѣли съ сѣрѣющимъ утромъ. И, наконецъ, онъ проснулся.

Онъ извинился, что заснулъ, и пока она быстро и безшумно ходила взадъ и впередъ, приготовляя утренній кофе, спокойно разговаривалъ съ ней о разныхъ вещахъ. Затѣмъ онъ немного поѣлъ, выпилъ кофе и ушелъ, сказавъ, что зайдетъ еще разъ передъ отъѣздомъ.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ пришелъ еще разъ и долго сидѣлъ, разсказывая о своемъ суднѣ и о своихъ плаваніяхъ, особенно о восточно-азіатскихъ портахъ. Ея отецъ много лѣтъ плавалъ у тѣхъ береговъ, пока его хозяинъ не призвалъ его домой, такъ какъ замѣтилъ, что капитанъ Геттъ отдавалъ ему доходъ только съ двухъ третей груза, остальное же клалъ себѣ въ карманъ. Она показала ему всевозможныя вещи: стрѣлы съ Формозы, идола, котораго старикъ укралъ въ китайскомъ храмѣ, и изящныя японскія шкатулки, которыя онъ получалъ въ подарокъ отъ купцовъ—онъ никогда не былъ сторонникомъ покупокъ за наличныя—и старыя поблекшія фотографіи. Онъ съ интересомъ осматривалъ все и дружелюбно бесѣдовалъ съ ней; но она все время думала:

— Ахъ, если бы онъ уже ушелъ!

Затѣмъ они простились, какъ прощаются люди, которые дѣтьми, лѣтъ двадцать тому назадъ, играли вмѣстѣ и теперь съ трудомъ скрываютъ, что имъ не о чемъ говорить, обѣщаютъ писать другъ другу и знаютъ, что имъ не о чемъ писать. О чемъ она будетъ переписываться съ этимъ чужимъ человѣкомъ?

На восьмой день «Альберта» опять поплыла внизъ по Эльбѣ. Ева стояла съ холоднымъ сердцемъ передъ своимъ домомъ и думала:

— Слава Богу, что онъ уѣзжаетъ.

И она думала о немъ съ горечью и не могла ему простить, что онъ разрушилъ образъ, составлявшій красоту и счастье ея жизни и оставилъ ее нищей съ опустошенной душой.

И, какъ это обыкновенно бываетъ у женщинъ, когда онѣ перестаютъ любить, не чувствовала никакого состраданія къ бѣднягѣ, съ которымъ жизнь сыграла такую жестокую шутку.

XVI.

Она боялась, что онъ будетъ часто писать ей. Но онъ молчалъ, и она мало-по-малу успокоилась. Къ тому-же наступило чудесное, солнечное лѣто со свѣтлыми голубыми ночами. Онѣ выманивали ее изъ комнатъ, и часто поздно вечеромъ, когда берегъ пустѣлъ, она бродила вдоль рѣки, мимо верфи Бруна,

по дорогѣ къ Нинштедтену. И, какъ это было свойственно ей съ дѣтства, мысли ея уносились далеко, и она вся уходила въ прекрасныя, безцѣльныя мечты. И все снова съ тихой, робкой тоской она вспоминала о томъ счастливомъ лѣтѣ, когда она поворачивала къ нему голову и сердце ея бѣшено билось, когда она видѣла его. И мало-по-малу, благодаря этимъ прекраснымъ вечерамъ и ночамъ, которые осѣняли своими широкими голубыми крыльями уходящую вдаль рѣку, образъ худого, изможденнаго, безнадежнаго и безрадостнаго человѣка, который, точно невѣроятное видѣніе, сидѣлъ за ея столомъ, словно расплывался въ голубой ночи, и передъ ея душой колыхался другой образъ, прекрасный, необузданный и горячій. И скоро онъ снова стоялъ передъ ея глазами въ своемъ прежнемъ великолѣпіи.

Такъ прошло это лѣто. И осенью она получила отъ него письмо изъ Нью-Іорка. Она сильно испугалась, особенно, когда увидѣла, что это не простой знакъ вѣжливости, что онъ хочетъ сообщить ей что-то важное. Онъ писалъ, что его прежній покровитель и капитанъ не разъ разсказывалъ ему о путешествіяхъ въ Аляску и другія мѣста, которыя онъ совершалъ по порученію одного географическаго общества. Теперь онъ предлагаетъ ему принять участіе въ слѣдующемъ путешествіи, которое предполагается черезъ три года. Онъ въ своемъ прежнемъ многолѣтнемъ угнетенномъ состояніи слушалъ разсказы капитана равнодушно; но теперь эта поѣздка въ снѣга очень привлекаетъ его. Очевидно, это

новое желаніе доказываетъ, что подъ пепломъ въ немъ тлѣетъ еще старый огонь, который хочетъ теперь вырваться наружу, и его намѣреніе заключается не въ томъ, чтобы охладить тамъ, въ снѣгу, этотъ просыпающійся огонекъ, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы дать ему разгорѣться, такъ ярко, какъ только онъ сможетъ. Въ глубинѣ души онъ все-таки твердо вѣритъ, что Богъ любитъ людей, въ которыхъ горитъ огонь. Но эти люди должны раскладывать его не у самыхъ дверей или ногъ Его, а на нѣкоторомъ отдаленіи, подъ сіяніемъ Его глазъ и подъ защитою рукъ, которыя Онъ держитъ надъ огнемъ, чтобы онъ горѣлъ свѣтло и ровно.

Послѣ того, какъ она прочла это письмо, на нее снизошло прежнее полное блаженство, даже еще большее. Его образъ стоялъ передъ ней опять въ прежнемъ блескѣ; но оттого, что она видѣла его зрѣлымъ мужчиной, его свѣжій юношескій образъ пріобрѣлъ что-то болѣе мужественное, какъ будто былъ нарисованъ болѣе серьезнымъ и правдивымъ художникомъ, дорожащимъ также и морщинами, и рубцами.

И можно было бы даже подумать, что, если бы онъ еще разъ вернулся, дѣло, пожалуй, кончилось бы свадьбой. Но это было далеко не такъ. Ей ни разу не пришла въ голову мысль о такой возможности. Съ Яномъ Гульдтомъ не вѣнчаются. Съ человѣкомъ, который пережилъ такія вещи. Съ образомъ, картиной, и картиной въ золотой рамѣ. Онъ сдѣлался для нея миѳомъ. Свиданіе исказило этотъ миѳъ, какъ камень, сброшенный лапой одинокаго, бѣгу-

щаго звѣря, искажаетъ гладкую поверхность тихаго лѣсного пруда. Затѣмъ она снова сверкаетъ въ своемъ неподвижномъ, тихомъ блескѣ.

Поэтому на нее не произвело никакого впечатлѣнія, когда въ одинъ прекрасный день Карлъ Крегеръ сообщилъ ей, что, какъ онъ случайно узналъ, Янъ Гульдтъ умеръ. Смерть застала его, повидимому, не на пути въ Аляску, а во время какой-то поѣздки по Тихому Океану.

Съ этихъ поръ ничто не нарушало ея покоя. Образъ того больного, усталаго, холоднаго человѣка, который посѣтилъ ее когда-то, изгладился совсѣмъ. Она видѣла его на берегу въ лодкѣ съ его серьезными, горящими глазами и звучнымъ голосомъ, съ краснымъ шелковымъ шарфикомъ стараго сенатора на стройной шеѣ, и, точно играя, сплетала и сливала его въ своихъ легко скользящихъ мысляхъ съ серьезнымъ человѣкомъ, который съ тѣми же горящими глазами ѣхалъ по снѣжнымъ полямъ, и съ тѣмъ, который съ тихимъ, блѣднымъ лицомъ, но все еще со старымъ жгучимъ огнемъ за закрытыми глазами скользилъ за бортъ. Все это она сплетала вмѣстѣ. Отъ этихъ горячихъ мыслей и постояннаго душевнаго удовлетворенія, какъ это бываетъ, съ женщинами,—по нимъ, вѣдь, видно даже, что у нихъ хорошій мужъ,—она даже похорошѣла, и со своими свѣтлыми, гладкими, чуть-чуть рыжеватыми волосами, въ которыхъ блестѣли серебряныя нити, и округлыми краснами щеками напоминала золотистое яблочко, когда оно въ сентябрѣ ви-

ситъ на деревѣ, круглое и зрѣлое. А ея домъ и садъ самые опрятные въ Эвельгенне, что не мало значитъ.

КОНЕЦЪ.

БИБЛІОТЕКА П.С.КУЗНЕЦОВЪ НОВИНОКЪ

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
Los Angeles
This book is DUE on the last date stamped below.

Form L9–100m-9,'52(A3105)444

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
A 001 173 737 6

PT
2611
F88U6R

THE LIBRARY
IVE[redacted]OF CALIFORNIA
[redacted]GELES